

**БЕЛАЯ АРМИЯ
БЕЛОЕ ДЕЛО**

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
А Л Ь М А Н А Х**

№ 9

ЕКАТЕРИНБУРГ

2001

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «БЕЛАЯ РОССИЯ»

БЕЛАЯ АРМИЯ БЕЛОЕ ДЕЛО

**Исторический
научно-популярный
АЛЬМАНАХ**

№9

ЕКАТЕРИНБУРГ

2001

Очередной номер альманаха «Белая армия. Белое дело» продолжает освещение различных аспектов истории Белого движения в годы Гражданской войны в России. Авторы статей и материалов вводят в оборот многие неизвестные ранее факты и документы и на их основе предпринимают попытку правдивого воссоздания исторических картин прошлого. Издание рассчитано на всех, кому не безразлична судьба России.

**Научный редактор альманаха
*ДМИТРИЕВ Н.И.***

- Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением авторов публикаций
- Перепечатка только с разрешения редакции

© НИЦ «БЕЛАЯ РОССИЯ»
© Дмитриев Н.И. Составление, редакция.
Екатеринбург, 2001

Уважаемые читатели! Открывая очередную встречу на страницах альманаха, хотелось бы обратить ваше внимание на ряд интересных на наш взгляд событий в процессе изучения и популяризации темы Белого движения в России, произошедших со времени выхода в свет предыдущего номера.

26-27 января 2001 г. в Вологде прошла конференция **«Власть и оппозиция на Европейском Севере в 1917-1920х гг.»**. Она была организована управлением по делам архивов областной администрации, областной универсальной библиотекой, местным филиалом Российского фонда культуры, областным центром детского и юношеского туризма, Вологодским обществом изучения Северного края. Судя по поступившей в адрес НИЦ «Белая Россия» программе встречи, на пленарном и секционных заседаниях состоялись доклады, раскрывающие различные аспекты Гражданской войны на Европейском Севере. Их подготовили ученые из Архангельска, Великого Устюга, Вологды, Москвы, Петрозаводска, Сыктывкара, Череповца, Ярославля. Некоторые из представленных материалов целиком посвящались проблеме Белой борьбы. Среди них в частности можно отметить сообщения: **К.А.Кулагина (Москва)** о боевых действиях Белых речных флотилий; **В.А.Саблина (Вологда)** о земельной политике Временного правительства Северной области; **С.А.Балмасова (Москва)** о Шенкурском восстании 1918 г., **Н.П.Рязанцева (Ярославль)** об июльских событиях 1918 г. в Ярославле и отношении к ним различных политических партий и сил. По окончании конференции состоялся круглый стол под названием «Феномен Гражданских войн. Проблемы и перспективы изучения Гражданской войны в России».

Примерно в эти же дни, 6-7 февраля, в Кемерово состоялась **Четвертая научная конференция «История Белой Сибири»**. Ее организаторами вновь выступили местное отделение заочного обучения Омской академии МВД РФ и государственный архив Кемеровской области. Тезисы своих сообщений по широкому кругу проблем заявленной темы конференции представили 79 исследователей из 25 городов России, а также историки из Израиля, Канады и Японии. К сожалению далеко не все они смогли прибыть к месту проведения встречи. Широко были представлены Кемерово и Томск, фрагментарно Иркутск, Москва, Новосибирск, Челябинск. Тем ценнее становится факт выхода в свет сборника тезисов, о котором, как и о самой конференции, мы расскажем более подробно в одном из следующих наших номеров.

Еще одним примечательным событием последнего времени, по крайней мере для Среднего Урала, стало открытие в музее истории Екатеринбурга **первой в крае**, а думается и не только в нем, **выставки под названием «В утре пасмурных дней. Лики Белого Екатеринбурга»**. Она была собрана по крупицам прежде всего из числа экспонатов, сохранившихся у родственников и местных коллекционеров. Некоторые предметы, как клад, находили в земле, а то и на дне реки Исети. Экспозицию организовали, представили и смонтировали сотрудники НИЦ «Белая Россия» и городского военно-исторического клуба «Горный щит». Основную часть экспозиции составили портреты и личные вещи Белых офицеров из состава полков формировавшихся в городе 7 Уральской дивизии горных стрелков и 12 Уральской стрелковой дивизии. Выставка работала в течение февраля-марта и вызвала заметный, хотя не всегда адекватный, интерес посетителей и прессы.

Прошедший со времени предыдущего номера период был ознаменован успешной защитой целого ряда солидных научных работ нашими постоянными авторами и единомышленниками. Мы искренне поздравляем с защитой докторской диссертации **Виталия Федоровича Ершова (Москва)**, кандидатских диссертаций **Романа Михайловича Абинякина (Орел)**, **Евгения Владимировича Волкова (Челябинск)**, **Алексея Викторовича Иванова (Екатеринбург)** и надеемся нашего автора в ближайшем будущем **Людмилу Федоровну Говердовскую (Москва)**. Примите самые искренние пожелания здоровья, научных дерзаний и творческих успехов в деле раскрытия исторической правды и справедливости в отношении Белого движения и его непосредственных участников. На страницах номера мы представляем краткую аннотацию на недавно защищенные работы.

Как всегда редакция рада поздравить с успешным дебютом на страницах альманаха Е.В.Волкова, П.И.Костокрызова (Екатеринбург), В.В.Перминова (Чита) и выразить готовность к продолжению плодотворного сотрудничества с этими авторами в дальнейшем.

В номере читатель найдет также самый разнообразный материал к биографии выдающегося деятеля Белой российской и чехословацкой армий генерала С.Н.Войцеховского. В его подготовке участвовали историки из разных городов страны. Редакции кажется, что именно в таком плодотворном сотрудничестве, залог наших будущих совместных успехов по созданию правдивого рассказа о деятелях Белого движения. Мы выражаем особую благодарность московским исследователям А.Б.Езееву и А.А.Петрову за их готовность в любой момент помочь в сборе необходимых материалов. Надеемся, что первый опыт не окажется последним и будет еще неоднократно иметь место на наших страницах.

В заключение позвольте пригласить всех готовых откликнуться на наш призыв, коллег и читателей выступить со своими исследованиями на страницах будущих номеров альманаха. Требования к предлагаемым к опубликованию работам остаются прежними: наличие печатного текста в одном-двух экземплярах, его литературного изложения, иллюстраций, файла на диске 3.5 дюйма в редакторе Microsoft Word 7,0 для Windows 95. Обращаем Ваше особое внимание на необходимость тщательной выверки научно-справочного аппарата, приводимого в сносках, в строгом соответствии с принятой в альманахе практикой.

Всех желающих установить с редакцией контакты, высказать свои отзывы и пожелания, сделать пожертвования в Общественный фонд издания и заявки на номера альманаха и публикацию в нем просим обращаться по адресу: Россия, 620002, г.Екатеринбург, до востребования. Дмитриеву Николаю Ивановичу или E-mail: evik@etel.ru.

ВОССТАНОВИМ ВМЕСТЕ ИМЕНА ГЕРОЕВ БЕЛОГО ДЕЛА!

НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ В РУССКОЙ АРМИИ 1917 г.: НЕКОТОРЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Состояние русской армии в февральско-октябрьский период 1917 г., вполне заслуживающее выделения в качестве самостоятельной проблемы исследования, на сегодняшний день изучено весьма односторонне и фрагментарно. Между тем в армейской среде зарождались и начинали организационно активизироваться те социальные элементы, которые вскоре повернули штыки друг против друга и составили кадровую основу революционных и антибольшевистских войск. И если предысторией Гражданской войны стали послефевральские события, а ее прологом - начавшиеся в октябре «дни великого штурма», то первыми предвестниками Белых армий оказались добровольческие формирования. Однако несмотря на довольно частые упоминания о них вскользь, пока не создано даже относительно упорядоченной панорамы ударных батальонов и «частей смерти», которые останутся забытой страницей отечественной военной истории.

Работая в данном направлении, нами обнаружены любопытные материалы, касающиеся наименее известных и наиболее спорных характеристик добровольческой кампании: территориального охвата, организационного и численного состава и некоторых персоналий ее активистов. Все они хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), в фон-

Запись волонтеров тыла в ударный батальон. *Июнь 1917 г.*

де Ставки Верховного главнокомандующего, и, насколько известно, прежде опубликованы не были. Целью настоящей публикации является дополнение материалов Н.Г.Росса, посвященных этой проблеме¹.

Необходимо отметить, что и публикуемые документы не отражают, конечно, все стороны обозначенных аспектов. Следует также оговориться о нецелесообразности попыток четкого разграничения понятий «ударных революционных» подразделений (сформированных из волонтеров тыла) и «частей смерти» (из добровольцев-фронтовиков). Их различия заключались в уровне подготовки, но не в назначении и психологическом облике личного состава.

В примечаниях предпринята попытка отметить и решить спорные вопросы и по возможности полнее осветить те фрагменты, по которым имеется дополнительная информация. Любые дополнения и уточнения будут приняты с благодарностью.

Текст воспроизводится в современной орфографии при полном сохранении смысла, стиля и особенностей написания имен собственных, в том числе и явно искаженных в подлиннике.

* * *

Документ 1

Список членов Всероссийского центрального комитета по организации Добровольческой революционной армии²

1. Штабс-капитан Муравьев ³	Председатель комитета
2. Лейтенант ⁴ Люби	Товарищ председателя
3. Старший унтер-офицер Лейбович	Товарищ председателя
4. Матрос Лихачев	Казначей комитета
5. Вольноопределяющийся Руг	Секретарь комитета
6. Капитан Скаржинский	Союз Георгиевских кавалеров ⁵
7. Подъесаул Самсонов	Союз казачьих войск ⁶
8. Хорунжий Бардиж ⁷	Союз казачьих войск
9. Прапорщик Волк	Военный союз личного примера ⁸
10. Подпоручик Двинянинов	Военный союз личного примера
11. Солдат Орелович	Союз увечных воинов ⁹
12. Матрос Морозов	Делегация Черного моря ¹⁰
13. Матрос Кривоконь	Делегация Черного моря
14. Штурман Гаврильченко	Делегация Черного моря
15. Прапорщик князя Шаховской	Делегация Черного моря
16. Солдат Киселев	Гарнизон Царского села
17. Генерального штаба подполковник Гильбих	Главное управление Генерального штаба
18. Матрос Баткин Федор ¹¹	Делегация Черного моря
19. Солдат Майзель	Делегация Черного моря
20. Поручик Шрейдер	Временный комитет Государственной Думы ¹²
21. Капитан Игнатьев	Временный комитет Государственной Думы
22. Подпоручик Данаусов	Юго-Западный фронт
23. Капитан Попков	Делегация Черного моря
24. Штабс-капитан Бригер	Делегация Черного моря
25. Матрос Баткин А[нисим] ¹³	Делегация Черного моря
26. Кондуктор Онзул	Делегация Черного моря
27. Капитан 2 ранга Пчельников	Делегация Черного моря
28. Прапорщик Иткин	Делегация Черного моря
29. Охотник флота Чайкин	Балтийский флот
30. Профессор Перс	Великобританский подданный

*РГВИА. Ф.2003. Оп.2.Д.350.Л.115.
Машинопись.*

**Список областных комитетов и отделов, открытых Всероссийским
центральным комитетом по организации Добровольческой
революционной армии в период с 3 июня по 20 июля 1917 г.**

<i>Города и области</i>	<i>Фамилии комиссаров, открывших комитеты</i>
1. Петроград	Всероссийский центральный комитет
2. Москва	Подпоручик Голубев и солдат Смиронов
3. Одесса	Подпоручик Данаусов (46-й саперный батальон)
4. Харьков	Н.Ф.Кассисинов (эмигрант-эсер)
5. Киев	Матрос Ленче (Делегация Черного моря)
6. Севастополь	Прапорщик князь Шаховской (Делегация Черного моря)
7. Симферополь	Солдат Шкиль (Делегация Черного моря)
8. Саратов	Капитан Спиридонов (Делегация Черного моря)
9. Казань	Матрос Шадрин 1-й (Делегация Черного моря)
10. Нижний Новгород	Поручик Дугин
11. Архангельск	Подпоручик Мукалов (Беломорская флотилия)
12. Воронеж	Подпоручик Добрынин (увечный воин)
13. Екатеринодар ¹⁴	Матрос Паршин (Делегация Черного моря)
14. Екатеринославль ¹⁵	Матрос Шадрин 2-й (Делегация Черного моря)
15. Курск	Матрос Коробцев (Делегация Черного моря)
16. Могилев	Матрос Рыбас, рабочий Леонов, подпрапорщик Хандобин, прапорщик Аристов (Делегация Черного моря)
17. Минск	Матрос Нечесов (Делегация Черного моря)
18. Смоленск	Штабс-капитан Элькан (гарнизон)
19. Новгород	
20. Орел	Вольноопределяющийся Прусс (увечный воин)
21. Тифлис	Капитан Соболевский (Делегация Черного моря), Цивин (эмигрант-эсер)
22. Оренбург	Матрос Никитин (Делегация Черного моря)
23. Чита	Солдат Калинин
24. Ростов-на-Дону	Матрос Щеголев и солдат Костюков (Делегация Черного моря)
25. Владивосток	Солдат И.Калинин
26. Вологда	Матросы Павлов и Толк (Балтийский флот)
27. Псков	Кондуктор Булычев (Делегация Черного моря)
28. Владикавказ	
29. Ставрополь	
30. Астрахань	
31. Ярославль	Матросы Горышин и Укратин (Балтийский флот)
32. Чернигов	Солдат Вовченко (увечный воин)
33. Уральск	Гражданин Дереша (общественный деятель)
34. Пермь	Солдат Смирнов
35. Рыбинск	Солдат Балабан (Делегация Черного моря)
36. Новочеркасск	Матрос Гирб (Делегация Черного моря)
37. Самара	
38. Ревель	
39. Торжок	
40. Торопец	
41. Старая Русса	
42. Ржев	
43. Полоцк	
44. Асташков ¹⁶	
45. Опочка	
46. Печеры ¹⁷	
47. Порхов	
48. Нарва	

Отправка ударного батальона на фронт. Июль 1917 г.

49. Николаев
50. Черкассы
51. Кременчуг
52. Полтава
53. Устьнарово¹⁸
54. Царицын
55. Чугуев
56. Ямбург¹⁹
57. Омск
58. Тверь
59. Рязань
60. Тамбов
61. Калуга
62. Тула
63. Уфа
64. Кострома
65. Житомир
66. Владимир
67. Ташкент
68. Венден²⁰
69. Витебск
70. Великие Луки
71. Елизаветград²¹
72. Осташков
73. Пенза

Солдат Гусаров (4-й железнодорожный батальон)

Гражданин Рыбас (частный поверенный)

Подполковник Калинин

Примечание: Фамилии комиссаров напечатаны мною на память.

МУРАВЬЕВ

*РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.350. Л.125-126.
Машинопись, подпись-автограф*

Список революционных ударных батальонов

Юго-Западный фронт

1. 1-й революционный ударный батальон «Свобода, Равенство и Братство»	Капитан Талалаев
2. 1-й Оренбургский революционный батальон	Капитан Отт
3. 2-й Оренбургский революционный батальон	Подполковник Блейш ²²
4. 1-й Вучачский (Лысонских высот)	Подполковник Гофман ²³
5-7. 1-й ударный Революционный полк (в составе 2-го и 3-го революционных батальонов) ²⁴	Подполковник Манакин
8. 4-й революционный ударный (партизанский) батальон Юго-Западного фронта	Капитан Перфильев
9. 5-й революционный ударный (партизанский) батальон Юго-Западного фронта	Подпоручик Стерляев
10. 6-й Мариупольский революционный ударный батальон	Прапорщик Гарковенко
11. 7-й Новониколаевский революционный ударный батальон	Подпоручик Филатов ²⁵
12. 8-й Приамурский революционный ударный батальон	Поручик Яремченко
13. 9-й Заамурский революционный ударный батальон	Подполковник Белов
14. 10-й Сибирский революционный ударный батальон	Подпоручик Ключарев
15. 1-й Сводный маршевый батальон	Капитан Розов
16. 1-й Омский революционный батальон ²⁶	

Западный фронт

17. 1-й революционный ударный батальон Западного фронта	Подполковник Добродеев
18. 2-й революционный ударный батальон Западного фронта	Штабс-капитан Нечаев
19. 3-й революционный ударный батальон Западного фронта	Штабс-капитан Войтенко
20. 4-й революционный ударный батальон Западного фронта ²⁷	Поручик Самустьев
21. 5-й революционный ударный батальон Западного фронта	Штабс-капитан Денисов
22. 6-й революционный ударный батальон Западного фронта	Штабс-капитан Рутсон
23. 7-й революционный ударный батальон Западного фронта	Полковник Боглачев
24. Кавказский дивизион смерти ²⁸	
25. 8-й революционный ударный батальон (бывший батальон смерти ныне расформированной 174-й дивизии) ³⁰	Капитан Степанов ²⁹

Северный фронт

26. 1-й революционный батальон Северного фронта	Капитан Орел
27. 2-й революционный батальон Северного фронта	Подпоручик Кондрашов
28. 3-й революционный батальон Северного фронта	
29. 4-й революционный батальон Северного фронта	
30. 5-й революционный батальон Северного фронта	
31. 6-й революционный батальон Северного фронта	
32. 7-й революционный батальон Северного фронта	
33. Батальон смерти 120-й дивизии	Штабс-капитан Шкляр-Алексюк
34. Ревельский ударный батальон	

Румынский фронт

35. 1-й Одесский революционный батальон Румынского фронта	Подполковник Наумченко
36. Революционный батальон имени гражданина Минина	Подполковник Беликович
37. Павлоградский ударный батальон	
38. Молдавский ударный батальон	

Кавказский фронт

39. 1-й ударный революционный батальон Кавказского фронта	
40. 2-й ударный революционный батальон Кавказского фронта	

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 350. Л. 325.

Машинопись.

-
- ¹ Росс Н.Г Попытка создания русской революционной армии (май-июнь 1917 г.) //Новый Часовой (Санкт-Петербург). -1994. -№ 1. -С.75-87; Он же. Ударные части в русской армии (весна-лето 1917 г.) //Новый Часовой. -1994. -№ 2. -С. 130-139.
- ² Данная организация возникла 13 июня под названием «Всероссийский комитет для вербовки добровольцев», а 5 августа получила указанное в документе наименование.
- ³ Муравьев Михаил Артемьевич (1880-1918) - из крестьян, но, по некоторым данным, офицер лейб-гвардии, затем подполковник. Левый эсер. Перешел на сторону советов. Будучи командующим Восточным фронтом, 10 июля 1918 г. поднял антибольшевистский мятеж, но на следующий день был убит при аресте.
- ⁴ Имеется в виду военно-морской чин.
- ⁵ Союз Георгиевских кавалеров был создан в 1917 г. на основе образованной в 1915 г. Всероссийской организации Георгиевских кавалеров. Капитан Скаржинский являлся председателем его центрального комитета.
- ⁶ Союз казачьих войск был образован на I общеказачьем съезде в марте 1917 г. Председателем совета союза стал войсковой старшина А.И. Дутов, один из будущих вождей Белого движения.
- ⁷ Известен Бардиж Кондратий Лукич, подъесаул, комиссар Временного Российского правительства на Кубани. В 1918 г. он создавал антибольшевистские отряды. Вероятно, в данном случае упомянут его сын, расстрелянный с отцом в Туапсе.
- ⁸ Военный союз личного примера - организация явно корниловской ориентации: в числе прочих обращалась к Л.Г.Корнилову с заявлением о полной поддержке его выступления 31 июля 1917 г.
- ⁹ С 27 мая 1917 г. в Петрограде существовал и Центральный комитет по формированию отрядов добровольцев из увечных воинов (под председательством Ореловича), который заявлял о своей независимости от Союза увечных воинов.
- ¹⁰ 29 апреля 1917 г. из Севастополя выехало около 300 матросов и рабочих. чтобы агитировать на Балтике и фронтах за продолжение войны. Содействие формированию делегации оказали Г.В.Плеханов и командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В.Колчак. Как следует из документов, в ее состав входили и солдаты, и офицеры.
- ¹¹ Баткин Федор добровольно поступил во флот в дни Февральской революции, состоял в комитете Черноморского флота. Эсер. В дальнейшем сотрудничал с Л.Г.Корниловым при создании Добровольческой армии. В 1921 г. в эмиграции агитировал за возвращение в Россию.
- ¹² Временный комитет Государственной Думы прекратил свое существование с образованием Временного Российского правительства 2 марта 1917 г. и его упоминание в документе лета 1917 г. весьма загадочно.
- ¹³ Н.Г.Росс счел имя «Анисим» опечаткой (См.: Росс Н.Г. Попытка создания русской революционной армии (май-июнь 1917 г.). -С.84,86). Однако данный список прямо указывает на существование второго Баткина, возможно, родственника Федора.
- ¹⁴ Ныне Краснодар.
- ¹⁵ Имеется в виду г. Екатеринослав, ныне Днепрпетровск.
- ¹⁶ Видимо имеется в виду Осташков, уездный город Тверской губернии, отмеченный в документе под пунктом 72.
- ¹⁷ Видимо имеется в виду г. Печора, ныне райцентр Республики Коми.
- ¹⁸ Ныне пос. Нарва-Йыэсуу (Эстония).
- ¹⁹ Ныне Кингисепп Ленинградской области.
- ²⁰ Ныне Цесис (Латвия).
- ²¹ Ныне Кировоград.
- ²² Блейш А.Н. (?-1920) - участник похода отряда ударных батальонов на Дон в ноябре-декабре 1917 г. и Первого Кубанского похода Добровольческой армии, в 1918 г. командир 9 роты 1 офицерского Марковского полка, в 1919 г. командир данного полка. начальник офицерской Марковской дивизии, полковник. Умер от тифа.
- ²³ Подполковник Гофман был позднее участником похода отряда ударных батальонов на Дон.
- ²⁴ Полк занимает три пункта списка. Есть сведения, что в него входил 1 юнкерский ударный батальон капитана К.С.Попова. вскоре расформированный и потому не отраженный в списке. Попов Константин Сергеевич впоследствии командовал ротой и батальоном 2 сводного полка Гренадерской дивизии в Добровольческой армии.
- ²⁵ Подпоручик Филатов был позднее участником похода отряда ударных батальонов на Дон и прорыва к Одессе после разгрома на Белгородчине.
- ²⁶ Формировался и 2 Омский батальон подполковника Беспалова. который предполагалось включить в Корниловский полк четвертым (по усиленному штату).
- ²⁷ Осенью 1917 г. им командовал уже поручик Дунин - участник похода отряда ударных батальонов на Дон, погибший тогда же на Белгородчине.
- ²⁸ Правильнее - дивизион смерти Кавказской кавалерийской дивизии, командовал которым, по некоторым данным, ротмистр А.Е.Дударов или полковник Ширияев. Впоследствии дивизион влился в Добровольческую армию.
- ²⁹ Капитан Степанов - участник похода отряда ударных батальонов на Дон, убит тогда же на Белгородчине.
- ³⁰ Типичный пример смешивания «частей смерти» из фронтовиков и «батальонов из волонтеров тыла» (то есть ударных), подтверждающий, что их четкое разграничение не существенно.

Публикацию подготовил Абинякин Р.М.

**«ДУТОВЩИНА» БЕЗ ДУТОВА:
АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ БОРЬБА ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ
В АПРЕЛЕ-ИЮНЕ 1918 Г.**

Антибольшевистская борьба оренбургских казаков в период революции и Гражданской войны в советской историографии традиционно связывалась с именем атамана А.И.Дутова и называлась «дутовщиной». Как известно, в конце апреля 1918 г. Дутов с отрядом казаков численностью около 300 человек покинул территорию Оренбургского казачьего войска (ОКВ) и отступил в Тургайские степи. Это событие считалось окончанием подавления «дутовского мятежа», а отчет следующего этапа «дутовщины» велся от восстания чехословацкого корпуса, приведшего к «легализации сил контрреволюции»¹. Таким образом, драматические события апреля-мая на Южном Урале многие историки попросту игнорировали, а те, кто упоминал о них, именовали казаков, восставших против большевистской власти, «дутовцами» и приписывали руководство движением Дутову, не приводя в доказательство этого утверждения никаких фактов². В 1990е гг. стало возможным непредвзятое, свободное от идеологических штампов исследование этой малоизученной темы. Начало было положено в работах Н.А.Чирухина³ и В.С.Кобзова⁴.

Казачьи антибольшевистские отряды, не связанные непосредственно с атаманом А.И.Дутовым и Оренбургским войсковым правительством, начали формироваться вскоре после взятия Оренбурга красными 18 января 1918 г. Однако первое время они были немногочисленны и не представляли большой угрозы для красных. В конце февраля на юге войсковой территории находились два таких отряда - войскового старшины Н.В.Лукина в районе станиц Красногорская и Островная и подьесаула Донецкова в станицах Изобильная, Буранная, Линевская, но особой активности они не проявляли. Примерно в это же время атаман Первого округа Оренбургского войска Кирилл Леонтьевич Каргин пытался поднять казаков своего округа на борьбу с большевиками, призвав делегатов на окружной съезд в станицу Нижне-Озерная, но казачество заняло выжидательную позицию, постановив отложить съезд. Потерпев неудачу, Каргин уехал на Дон.

Но по мере того, как советская власть укреплялась на территории ОКВ, отношение большевиков к казачеству становилось все более бесцеремонным, а истинные намерения выявлялись все отчетливее. Годами копившаяся ненависть радикальных революционеров к казакам прорывалась в политических заявлениях вождей и воплощалась в действиях. Наиболее ясно позицию большевиков к казачеству выразил Л.Д.Троцкий: «Казачество... всегда играло роль палача, усмирителя и прислужника императорского дома. Казаки по своей природе ленивы и неряшливы, предрасположены к разгулу и нечегонеделанию... Казак малоинтеллигентный человек, лгун, и доверять ему нельзя... Казачья масса еще настолько некультурна, что при исследовании психологических сторон этой массы приходится заметить сходство между психологией казачества и психологией некоторых представителей зоологического мира»⁵. В феврале-марте стремительно нарастали трения между большевиками в лице Оренбургского военно-революционного комитета (ВРК) и той частью казачества, которая пыталась интегрироваться в социальную структуру нового режима. ВРК распустил «Временный совет войска Оренбургского», образованный после занятия Оренбурга красными по инициативе активистов казачьей демократической партии, стоявших в оппозиции правительству Дутова, закрыл «Оренбургский казачий вестник», наложил контрибуцию на казаков Оренбургской станицы. Немаловажную роль в усилении недоверия казаков к большевикам сыграл и «похабный» Брестский мир.

27 февраля председатель ВРК С.М.Цвиллинг получил письмо, подписанное «начальником партизанского отряда офицеров Оренбургского военного округа» подполковником Корчаковым, следующего содержания: «Милостивый государь господин председатель... Предлагаю Вам и Вашим единомышленникам в трехдневный срок оставить город Оренбург и сложить с себя всякие полномочия по управлению городом, в противном случае мы после указанного срока открываем военные действия против Вас...»⁶. На заседании Оренбургского совета рабочих депутатов 2 марта Цвиллинг сообщил также о существовании в городе подпольной офицерской организации - комитета восемнадцати - «поставившего себе целью совершать террористические акты над представителями советской власти»⁷, и предложил устроить облаву на Форштадте

(часть города, населенная в основном казаками) с целью «вылавливания белогвардейцев». В результате этой акции было арестовано в качестве заложников сто офицеров⁸. 6 марта в «Известиях ВРК» был опубликован ответ Цвиллинга подполковнику Корчакову: «При малейшей попытке какого-либо партизанского контрреволюционного отряда посягнуть на советскую власть в Оренбурге военный штаб осуществит следующее: 1). будут расстреляны все офицеры, юнкера, белогвардейцы, арестованные революционным комитетом, независимо от степени их личной вины; 2). за каждого убитого красноармейца или другого представителя советской власти будет расстреляно 10 представителей оренбургской буржуазии; 3). если... какая-либостаница окажет содействие контрреволюционным партизанским отрядам..., то станицы такие будут уничтожаться беспощадным артиллерийским огнем; 4). все станицы, которые не сдадут в течение трех дней... оружие, будут подвергнуты артиллерийскому обстрелу». Тем не менее 9 марта отряд Корчакова совершил налет на Оренбург. Вероятно силы его были невелики, так как красным легко удалось отразить это нападение. Партизаны Корчакова отступили в станицу Красногорская, где соединились с отрядом войскового старшины Лукина⁹.

Большевистское руководство вело курс на ликвидацию казачества как самостоятельной социальной силы. На проходившем в марте Первом губернском съезде советов большевики сначала не допустили казачьих представителей в президиум, а 12 марта добились принятия решения о роспуске окружного совета казачьих депутатов «как не отражающего интересы трудового казачества»¹⁰, тем самым лишив казаков права на самоуправление. Выступая на заседании казачьей фракции съезда, Н.Ф. Турчанинов говорил о лицемерии большевиков: «Казаков уверяли, что ни одна партия не покушается на их земли, на их самоуправление, никто не думает их расказачить... а теперь вдруг стали говорить, что казачества больше нет, никакого самоуправления для казаков нет»¹¹. Депутаты-казаки покинули съезд.

Но выдавливанием казаков из формирующихся политических структур и разрушением традиционно сложившихся органов войскового управления, фактически устранив казачество от участия в решении собственной судьбы и судьбы своей исконной земли, не ограничивалась антиказачья направленность политики, проводимой большевиками. В станицы направлялись красноармейские отряды для изъятия оружия, взимания контрибуций, реквизиций хлеба, скота, фуража. Эмигрантский историк, участник Гражданской войны генерал Н.Н. Головин так характеризовал режим, установившийся в Оренбурге после занятия края красными войсками: «... Утвердившись на территории Оренбургского войска, большевики сразу показали, какие они «товарищи» казакам. Всюду, в городах и станицах начались кровавые расправы, грабежи и разбои. Несколько станиц было выжжено дотла, миллионы пудов хлеба вывезены или уничтожены, тысячи голов лошадей и скота угнаны, масса имущества разграблена. Все станицы, независимо от того, принимали ли они участие в борьбе против большевиков или держали нейтралитет, заплатили огромные контрибуции. Большевики всех казаков без разбора совершенно искренне считали врагами советской власти и потому ни с кем не церемонились. Много офицеров, казаков и даже казачек было расстреляно, еще больше посажено в тюрьмы. Такие мероприятия отрезвили казаков - выветрили из них большевистский дух и заставили взяться за оружие»¹².

Процесс «отрезвления» шел сначала медленно и выражался в формировании партизанских отрядов, подобных упомянутому выше, или в отправлении казаков в лагерь атамана Дутова. Так, в конце февраля к последнему присоединились четыре сотни из станицы Павловская¹³. В самом Оренбурге было схвачено и расстреляно десять офицеров, создавших подпольную антибольшевистскую организацию фронтовиков¹⁴ (возможно, речь идет об уже упоминавшемся «комитете восемнадцати»). По мере развертывания антиказачьей деятельности большевиков «отрезвление» казаков ускорялось и в конце марта вылилось в восстание низовых станиц, то есть расположенных ниже Оренбурга по течению реки Урал. Катализатором выступления стали успехи уральских казаков, разгромивших несколько красных отрядов и протянувших руку помощи оренбуржцам¹⁵.

Первым серьезным сигналом для большевиков стало уничтожение отряда красногвардейцев во главе с руководителем соль-илецкого совета П. Персияновым 28 марта 1918 г. в станице Ветлянская, куда он был послан для взимания контрибуции с казаков. Прибытие отряда стало катализатором роста антибольшевистских настроений среди казачества, и подьясаулам Донецкову и Ершову удалось поднять станичников на восстание. Из семнадцати красногвардейцев было убито пятнадцать, в том числе Персиянов. На подавление из Оренбурга выступил карательный отряд численностью около 300 человек под командованием самого председателя ВРК С. Цвиллинга. Видимо, руководители повстанцев не были уверены в стойкости своих соратников, так как получив известие о прибытии карателей в Соль-Илецк, они отступили из Изобильной в направлении станиц Илек и Линеvская. Но казаки послали за уходившими гонцов, которые убедили партизан вернуться.

В Изобильной и близлежащих станицах (Буранная, Ветлянская и др.) были сформированы повстанческие полки. В поселках, через которые двигался отряд Цвиллинга, красноармейцы заставляли только женщин и стариков. Утром 2 апреля отряд вступил в Изобильную, где его ожидала засада. В лесу на окраине станицы находился полк подъесаула Ершова, за церковной оградой укрывалась сотня есаула Кандалова, за домами, окружавшими площадь, прятались небольшие группы казаков. Сигналом к бою должен был послужить выстрел бомбомета, установленного на дворе дома священника. Когда большевики втянулись в станицу, казаки открыли огонь. В результате ожесточенного боя большая часть красного отряда (около 250 человек) была уничтожена. Казакам достались 4 пушки, 12 пулеметов, более 200 винтовок, боеприпасы¹⁶ (по другим сведениям трофеи были несколько меньшими - 2 пушки и 3 пулемета¹⁷). Ответом ВРК стал ультиматум, требовавший разоружения казаков и выдачи «вредных» лиц, угрожавший разрушением станиц артиллерийским огнем и снарядами с удушливыми газами. «Убийства красноармейцев и нападения будут караться расстрелом всей станицы..., за одного убитого будет убито сто человек», - говорилось в нем¹⁸. Но угрозы не могли остановить нараставшее народное движение.

Следующей крупной операцией повстанцев стала попытка отряда войскового старшины Н.В. Лукина и подполковника Корчакова выбить красных из Оренбурга 4 апреля 1918 г. Казаки станиц Островная, Вязовская, Нежинская, Красногорская, Благословенская и отряд башкир Амира Карамышева общей численностью около 1000 человек при двух орудиях в ночь на 4 апреля ворвались в Оренбург, заняли Форштадт, вокзал, здание юнкерского училища, где размещались красногвардейцы с семьями, и в течение пяти часов вели бой за город. К ним присоединились многие оренбуржцы: казаки, офицеры, студенты, гимназисты и т. д. Красным все же удалось организовать оборону и вытеснить повстанцев из города. Во время ночного боя было убито 129 красноармейцев, ответственных советских работников и членов их семей (казаки перебили всех, кого застали в юнкерском училище, не щадя женщин и стариков)¹⁹. Разъяренные красноармейцы «рассыпались по городу, лоя белых и учиняя самосуд»²⁰. Принадлежность к «белым» определялась с помощью «классовой чутья». Основной удар пришелся, разумеется, по казакам - местным и приехавшим из ближайших станиц на базар. Избиение началось 5 апреля и продолжалось до восьмого. Военно-революционный комитет объявил беспощадный красный террор: «Если какая-нибудь из них [станец - П.К.] сделает хотя бы самое незначительное выступление... она будет без всякого разбора виновных и невинных сметаться с лица земли силой оружия...»²¹. Однако террор не в силах был запугать казаков. Скорее он возымел обратное действие, заставив включиться в борьбу многие станицы, ранее придерживавшиеся нейтралитета. Вскоре после отражения нападения отряда Лукина и Корчакова Оренбург оказался «в кольце контрреволюционного казачества», которое «обложило город со всех сторон и отрезало от Центральной России»²², тогда как для операции 4 апреля Лукину удалось собрать лишь около тысячи казаков пяти станиц, причем две из них - Нежинская и Островная - по свидетельству красного мемуариста были силой вынуждены присоединиться к повстанцам²³. Это косвенно подтверждается и тем фактом, что именно казаки Нежинской выдали Н.В. Лукина красным (он был убит красноармейцами, конвоировавшими его в Оренбург)²⁴. Отсутствие единства и слаженности действий в самом казачестве не позволили освободить Оренбург от красных уже в начале апреля. Другой причиной неудачи, возможно, стала слабая дисциплина партизан, в частности, несоблюдение «сухого закона». Тот же мемуарист вспоминает, что «почти у всех убитых казаков в карманах находились недопитые бутылки водки»²⁵.

Вслед за линейными станицами, расположенными по реке Илек, к восстанию присоединились казаки других станиц Первого округа Оренбургского войска. Красные оказались фактически заперты в Оренбурге и Илецке. Для приобретения продовольствия и фуража они вынуждены были совершать вооруженные вылазки в близлежащие поселки - Нежинский, Благословенский, Донгуз, Верхние Чебенки и другие. Железнодорожное сообщение тоже было нарушено. «Партизаны почти ежедневно рвали полотно железной дороги, сжигали мосты, водокачки»²⁶. Поэтому для связи с Илецком оренбургским большевикам приходилось пробираться через территорию, охваченную восстанием. О серьезности положения говорит также то, что после 4 апреля партийные и советские руководители Оренбурга жили по двойным документам (настоящим и фиктивным) и меняли квартиры каждые 2-3 дня²⁷.

Партизанское движение, приобретавшее все больший размах, нуждалось в организационном оформлении и едином руководстве. 3 апреля 1918 г. в Нижне-Озерной собрался съезд делегатов 15 низовых станиц, объявивший себя единственной властью на территории Первого округа Оренбургского казачьего войска. Съезд объединил разрозненные партизанские отряды в четыре фронта и объявил мобилизацию казаков (в дальнейшем он именовался «съездом делегатов объединенных станиц Первого округа ОКВ при главном штабе фронтов»). Интересно, что

среди делегатов не было офицеров²⁸. Вообще на этом этапе движения его инициаторами и основными участниками являлись рядовые казаки, «которые приглашали офицеров на командные должности»²⁹. Общее командование было поручено войсковому старшине Красноярцеву. Фронтами и отдельными отрядами командовали войсковые старшины В.С.Карнаухов (Корноухов) и Шмотин, есаулы Сукин и Ф.А.Богданов, подъесаулы Садчиков, Ершов, Донецков и Нестеренко, сотники Слотов, Тимашев, Мелянин, капитан Булгаков. Съезд обратился к казачеству с призывами встать на борьбу за честь Оренбургского войска, апеллируя к примеру уральских казаков, освободивших свою территорию от большевиков. В подобных обращениях, относящихся к апрелю-маю, преобладали мотивы войскового патриотизма, а не борьбы за Учредительное собрание или необходимости продолжения войны с Германией, встречаются и прямые указания на возможность примирения с советской властью на определенных условиях, подчеркивалось, что действия повстанцев стали вынужденным ответом на насилия большевиков. «Мы идем не против советской власти, а против насильников, убийц и грабителей... не мы, а они к нам пришли грабить и разорять»³⁰, - говорилось в одном из таких воззваний, принятом в начале мая. На исходе мая казаки даже предприняли попытку разрешить мирным путем конфликт с большевиками. Постановление съезда делегатов объединенных станиц от 30 мая 1918 г. содержало объяснение происходивших событий с точки зрения повстанцев и условия, на которых им представлялось возможным установление мира:

«Обсуждая текущий момент, пришли к заключению: в настоящий момент наш край охвачен пламенем братоубийственной войны, причиной этому, несомненно, является то, что советская власть до занятия г.Оренбурга, самым широким образом распространяла среди казачьей массы мысль, что она не имеет никаких посягательств на права казачества. Казачество, поверив такому заявлению, отказалось от охраны своего имущества, предоставив свободное устройство местной жизни казаков новой власти - совету народных комиссаров, но впоследствии советская власть совершенно изменила свое отношение к казакам.

Со стороны ответственных представителей советской власти были сделаны заявления, что казачество уничтожается, т. е. казаки лишаются своего самоуправления. Бывшие в феврале с. г. два окружных съезда выражали готовность подчиниться советской власти и организовать в войске самостоятельные войсковые, окружные и станичные советы, но это было отвергнуто. Всюду затем по станицам были посланы отряды советских войск безо всякого повода со стороны казачества. Отряды эти стали грабить в станицах хлеб, имущество, скот и налагать непосильные денежные контрибуции. Против станиц, которые отказывались выполнять их требования, отряды открывали военные действия, уничтожая все имущество и жителей. Против такого поведения советской власти казаки решили соорганизоваться и силою оружия оградить станицы от произвольного уничтожения и восстановить свое казачье самоуправление. И вот теперь льется братская кровь! Мы ранее не желали этого и воздерживались всеми средствами, которые были в наших руках, но созданная обстановка все же привела нас к разрешению казачьего вопроса вооруженным столкновением. Тем не менее, съезд, жалея народную кровь и народное достояние - имущество, полагает еще возможным разрешить создавшееся положение мирным путем на следующих основаниях:

1. Оренбургский губернский исполнительный комитет советов рабочих и крестьянских депутатов признает, согласно последовавшего распоряжения совета народных комиссаров автономию Оренбургского казачьего войска и неприкосновенность его территории.
2. Исполнительный комитет гарантирует созыв войскового съезда в г.Оренбурге. Съезд должен восстановить нарушенные работы войскового самоуправления.
3. Исполнительный комитет ни в какие дела казачьего самоуправления вмешиваться не должен.
4. Полное прекращение преследования казаков.
5. Оренбургское войско со своей стороны признает центральную власть совета народных комиссаров.
6. Никаких посягательств на право населения г.Оренбурга и Оренбургской губернии войско иметь не будет, а равно не будет вмешиваться в деятельности существующих там учреждений.
7. В виду ненормальности работ в общественных учреждениях, теперь же предоставить право городскому и крестьянскому населению произвести свободные выборы должностных лиц - общественных учреждений.
8. Для спокойствия населения - полное разоружение Красной гвардии и армии, впредь до организации охраны города вновь избранными общественными учреждениями»³¹.

Делегат, призванный передать мирные предложения съезда, был избран еще 28 мая, но отpravку его отложили ввиду изменившейся военной обстановки. Началось восстание чехословацкого корпуса, и поступили сведения, что большевики готовятся к эвакуации из Оренбурга. А вскоре, с развитием успехов чехословацких и казачьих войск, вопрос о замирении с большевиками

вообще стал неактуален. Изменился и характер воззваний съезда. В них появилось упоминание об Учредительном собрании, а к большевикам теперь обратились с требованием разоружиться и покинуть войсковую территорию. Вот текст постановления, принятого буквально через пару дней после предыдущего: «Вся власть Учредительному собранию... Мы не хотим бессмысленной бойни, мы не жаждем крови... «Уйдите от нас, нежданные и непрошенные гости, и мы гарантируем вам полную неприкосновенность, но, уходя, вы должны сдать все оружие, обмундирование, снаряжение и все имущество» - вот наши условия... и знайте, что мы к вам делегатов посылать не будем, ни в какие переговоры входить с вами не можем. Хотите мира - уходите... Крестьяне восстанут против вас: Николаевский и Новоузенский уезды поголовно против власти вашей поднялись... Вы разрушили село Семеновку Николаевского уезда и 215 человек женщин и детей вырезали, но это не спасет вас... Вы начали, вы, несмотря на все наши старания к мирной жизни продолжаете лить кровь братскую... Проклятие Церкви нашей православной на вас...»³².

Но как на предложения мира, так и на проклятия ответ был один: обстрелы и сожжения станиц, массовые убийства казачьего населения, грабежи и насилия. Станица Донецкая, за происшедшее в ней нападение на красноармейца (он отделался испугом) была «приговорена» к сожжению. 13 мая жители получили приказ покинуть станицу. Они направились в Татищевскую и в пути подверглись обстрелу пехоты и артиллерии красных. Почти безоружные казаки под командой штабс-капитана Володина атаковали вражеские цепи, дав возможность обозу выйти из-под огня. В Донецкую после артподготовки вступили красногвардейцы, которые принялись за грабеж, убивая жителей, не захотевших или не смогших бросить свои дома. Всего было убито около 50 человек. Затем станица была выжжена дотла. Из 800 домов уцелело не более тридцати³³. 19 мая сожжена станица Павловская, при этом каратели убили 15 человек, в основном стариков и больных, не успевших спастись бегством³⁴. Полностью были сожжены станицы Донгузская, Татищевская, Угольная, Григорьевская, Пречистенская, Благословенская. Воздвиженская, Ильинская и еще несколько станиц подверглись обстрелам. Всего было уничтожено 3872 усадьбы³⁵. Единичные расстрелы казаков стали в порядке вещей. Террор показался чрезмерным даже Оренбургскому губисполкому, который издал приказ, констатирующий, что «обстреливая населенные местности, отряды иногда увлекаются и разрушают целые станицы до основания», и предписывавший командирам красных частей «принять энергичные меры по борьбе с этими разрушениями»³⁶. Разумеется, приказ остался без последствий, ведь реальной властью обладал не исполком, а ВРК и военное командование, точным исполнением распоряжений которых, а вовсе не «увлечением» отрядов, были вызваны разрушения.

Ответом казачества на террор, развязанный большевиками, стал быстрый рост численности повстанцев. К середине мая в движении участвовало уже 27 низовых станиц³⁷. В верхних станицах такого единения не было. Как правило из них на фронт прибывали отряды добровольцев, а остальное население продолжало придерживаться нейтралитета. Так, часть казаков Красноярской станицы во главе с вахмистром Е.Е.Шаталовым присоединилась к восставшим, тогда как большинство, руководимое станичным атаманом Ф.В.Кокаревым, осталось нейтральным. Возможно именно следствием того, что в рядах партизан из верхних станиц сражались только добровольцы, явились отличительные черты этих отрядов, позволившие съезду делегатов объединенных станиц охарактеризовать их следующим образом: «Верхние станицы, хотя и выступили не все... по своему духу являются образцом всякого войска. Войско этих станиц состоит из партизанских отрядов, которые своими отчаянными набегами держат в ужасе большевиков города и Орскую железную дорогу»³⁸.

Мобилизованные казаки низовых станиц находились на фронте посменно, затем уходили на отдых, а на их место заступали одностаничники. Например, станицы Верхняя и Нижняя Павловка были обязаны выставлять 400 человек в смену³⁹. Съезд особо отметил отличную организацию службы в линейных станицах южного отряда, призывая остальных следовать их примеру: на фронт выступали казаки 21-45 лет; 46-50-летние охраняли телефонные линии и станции; 51-55-летние подвозили продовольствие и фураж на позиции; 19-20-летние несли службу на постах летучей почты, а в свободное время проходили строевое обучение; на 17-18-летних была возложена охрана станиц; 15-16-летние несли службу на посылах по станице⁴⁰. По мере необходимости съездом объявлялась мобилизация дополнительных контингентов. Так 30 мая было решено призвать 1100 человек из восьми станиц. Кроме того, командующему правобережным отрядом, подьесаулу Садчикову поручалось провести мобилизацию правобережных станиц, самостоятельно определив число мобилизуемых. К концу мая армия повстанцев насчитывала в общей сложности около 7000 бойцов. В начале июня съезд вынужден был отказаться от системы посменного несения службы. Теперь казаки 21-35 лет должны были постоянно находиться на фронте, а их товарищи 36-46 лет работали за них в поле. Командный состав в повстанческих частях был

выборным. В станицах работали военные комиссии, организовывавшие призыв казаков, ротацию фронтовых контингентов, снабжение своих одностаничников на передовой фуражом, довольствием и всем необходимым⁴¹.

Гораздо хуже казаки были обеспечены оружием и боеприпасами. В начале восстания им приходилось идти в атаки с одними шашками, самодельными пиками или даже нагайками, использовались охотничьи ружья и «оружие времен Пугачева»⁴². «Занимая фронт вдоль железной дороги от Илецкой Защиты через Оренбург до станицы Платовка протяжением более 150 верст, мы имеем только одно орудие и четыре пулемета с ничтожным количеством патронов», - констатировалось на одном из заседаний съезда в начале мая⁴³. Вскоре уральские казаки передали оренбуржцам 2 пулемета и 4 орудия, но основным источником вооружения и боеприпасов были, конечно, трофеи. Казаки нападали на поезда, на которых красные выезжали сами и вывозили военное имущество из осажденного Оренбурга. С помощью бронепоездов многие из этих атак были отбиты, другие увенчались успехом, и в начале июня у восставших было 12-15 пулеметов, 8-9 орудий, винтовками была вооружена треть казаков⁴⁴. 2 июня в бою у станицы Мертвецовская две сотни казаков обратили в бегство красный отряд численностью в 1500 штыков и два эскадрона конницы, наступавшие от Илецка. Им достались 3 орудия и 5 пулеметов⁴⁵. 28 июня из Самары были доставлены 14 пулеметов, 1400 винтовок, 320 000 патронов и 530 снарядов⁴⁶.

Главной заботой съезда делегатов объединенных станиц, по крайней мере до конца июня, оставалось сплочение всего казачества на борьбу с большевизмом. Особенно много усилий требовалось для привлечения на сторону восстания фронтовиков, которые представляли собой многочисленный контингент обученных, опытных бойцов, и могли значительно усилить повстанческую армию, но в то же время именно среди них вследствие «усталости от войны» нашли наиболее благоприятную почву пробольшевистские настроения, выражавшиеся в разных формах - от нежелания быть втянутыми в военные действия до прямой поддержки большевиков. 13 мая в связи с безуспешной операцией на ст. Платовка съезд обратился к «боевым казакам, бывшим на фронте», с просьбой «сменить неумелых бойцов»⁴⁷. Через несколько дней он вновь увещевал фронтовиков идти воевать или хотя бы сдать винтовки⁴⁸. Вероятно попытки привлечь фронтовиков в ряды повстанцев на добровольной основе не увенчались особым успехом. Последовавшая вскоре мобилизация также встретила сопротивление с их стороны, которое было подавлено силой, причем 22 зачинщика расстреляны. По-видимому, это сопротивление стало последним выступлением казаков-фронтовиков как особой социальной группы. Дальнейшее поведение группы уже не выделяло ее из общей массы казачества, поскольку в ситуации стремительного развёртывания Гражданской войны невозможно было уклониться от участия в военных действиях. Отказ воевать на стороне белых означал необходимость присоединиться к красным, и большинство фронтовиков предпочло сражаться за интересы и традиционные ценности своего сословия.

Съезд неоднократно обращался с призывами присоединиться к восстанию к казакам отдельных станиц (18 мая - к верховым станицам, 27 мая - к станице Красноярская и др.⁴⁹), но не ограничивался воззваниями. По мере того, как в его руках сосредотачивалась реальная сила, он переходил к применению все более жестких мер к неподчиняющимся. От том, что в рядах казачества не было единства, свидетельствуют документы съезда. Например, в конце мая сообщалось, что сотня станицы Рассыпная не подчиняется приказам начальства, митингует, станица не выслала делегата на съезд, игнорирует распоряжения штаба, отказалась от работ по разрушению железнодорожных путей. Ее примеру последовала станица Нижне-Озерная. Казаки станицы Рычковская под влиянием делегата, прибывшего со съезда казачьих депутатов в Оренбурге, решили отозвать свой отряд с фронта. В Городищенской сход голосами четырехсот жителей вынес приговор об аресте проезжавших через станицу двух офицеров Терского и Забайкальского войск и партизан из числа казаков станицы. Отмечалось, что постановление съезда о бессменном несении службы на фронте вызвало недовольство в некоторых станицах, участвовавших в восстании⁵⁰. Повстанческое руководство в таких случаях не останавливалось перед применением силы. 31 мая съезд постановил разоружить станицу Верхне-Краснохолмская, отказавшуюся присоединиться к движению. Городищенцам было в ультимативной форме приказано освободить арестованных и не мешать всем желающим выступить против большевиков, в противном случае съезд угрожал посылкой карательного отряда против непокорной станицы. Через несколько дней за этим ультиматумом последовало требование немедленно сформировать три сотни полного военного состава из казаков, начиная с 21-летнего возраста⁵¹.

Угрозы применения карательных отрядов не оставались пустыми словами. Повстанцы действительно проводили террор против казаков, вставших на службу большевикам. 20 июня в станицу Бердская, оставленную красными после боя на реке Сакмаре, вступил карательный отряд. На

ночном заседании стариков станицы с представителями отряда был составлен список 36 местных жителей, так или иначе причастных к большевизму. На следующий день была сформирована чрезвычайная следственная комиссия, которая в течение одного дня рассмотрела дела подозреваемых и приговорила тринадцать из них к расстрелу⁵². На этом примере видна разница между белым казачьим террором и красным: повстанцы не применяли к своим противникам принцип коллективной ответственности, назначая наказание в зависимости от степени индивидуальной вины. Впрочем, известен также факт и противоположного образа действий казаков - избивание красноармейцев и большевиков вместе с семьями во время боя в Оренбурге 4 апреля 1918 г.

Во всяком случае, по отношению к своим товарищам по сословию казаки старались быть справедливыми настолько, насколько это вообще было возможно в разгар Гражданской войны. В станицы, добровольно присоединявшиеся к повстанцам, карательные отряды не посылались, арестовывать местных большевиков поручалось формируемым в станицах сотням. Так, от станицы Краснохолмская, в начале июня изъявившей желание войти в число объединенных станиц, съезд потребовал выдачи «главарей, агитаторов, приверженцев большевизма»⁵³. Это условие было обязательным и для других вновь присоединяющихся станиц. Состав лиц, подлежащих выдаче, определяло по-видимому само станичное общество. Постановлением съезда от 13 июня учреждались станичные суды, избираемые обществом. Были созданы и военно-полевые суды⁵⁴.

Меры, принимаемые съездом, являлись тем строже, чем позже данная станица присоединялась к повстанческой организации. Например, часть красноярцев, сохранявшую нейтралитет почти до середины июня, разделили на категории в соответствии со степенью вины, чтобы «никого не оставить без наказания»⁵⁵. В начале июля было принято решение об исключении казаков, не выступивших против большевиков, из казачьего звания, а 16 июля за «позорный нейтралитет» две станицы - Мамаевская и Капитоновская - исключили из войскового сословия и лишили права на пользование землей⁵⁶. Кроме лишения земли применялись и другие меры «экономического воздействия». В конце июня обществу станицы Благословенская, сожженной красными, было разрешено реквизировать 20 жатвенных машин у жителей станиц Неженская и Каменноозерная, «придерживавшихся советской власти и агитировавших в пользу большевизма»⁵⁷.

Другой важной заботой руководства повстанцев являлось укрепление дисциплины в войсках. На начальном, «партизанском» этапе восстания этот вопрос решался как бы сам собой. Каждый участник движения, сознательно вставший на борьбу с большевизмом и вступивший в отряд, вполне доверял своему командиру (иначе бы не пошел в его отряд), понимал свою задачу, и не пытался уклониться от ее выполнения. Кроме того, отряды были немногочисленны, и координация их действий не представляла большой сложности.

В дальнейшем, когда появились более крупные контингенты казаков, выставляемые станицами путем самобомбиллизации, управление войсками усложнилось, особую трудность, вероятно, представляла регулярная смена войск без ущерба фронту. Источник указывает, что были случаи, когда казаки, «отбывшие» положенный срок на фронте, уходили в тыл, не дождавшись смены⁵⁸. Командный состав являлся выборным (командиры фронтов назначались съездом объединенных станиц), в войсках не возбранялось проведение собраний. Уже на этом этапе начались серьезные «сбои» в дисциплине. Так, в начале июня дедуровская сотня отказалась идти на подмогу станице Благословенская. К дедуровцам присоединились еще две сотни: краснопокровская (кроме двадцати трех человек) и никольская (кроме девяти человек). В результате Благословенская была сожжена красными⁵⁹.

Наконец, с введением обязательной мобилизации казаков стало неизбежным превращение повстанческой армии в регулярную с присущими ей принципами военной организации и дисциплины. В подразделения, формируемые во вновь присоединяемых станицах, офицеры назначались командующим. Эти подразделения обязывались «собраний не устраивать и резолюций не выносить»⁶⁰. 13 июня съезд объединенных станиц ввел в Оренбургском войске дисциплинарный устав Уральского казачьего войска, принятый в апреле 1918 г. Завершающим штрихом в становлении регулярной армии оренбургских казаков может считаться следующее постановление съезда, принятое между 18 и 21 июня: «Чтобы превратить наши части в настоящие воинские, чтобы враги почувствовали, что мы опять старые бывалые казаки, съезд приказывает совершенно прекратить в сотнях общие собрания и никаких постановлений не выносить, комитеты в сотнях, в которых они существуют, уничтожить»⁶¹. Тем не менее и после этого случались эксцессы между командирами и подчиненными. В начале июля назначенный за две недели до того командиром 2 Оренбургского полка полковник Фадеев подал рапорт об увольнении «ввиду неблагоприятных поступков казаков и неточного выполнения его приказов»⁶².

Съезд объединенных станиц, будучи единственным органом власти на территории, занятой повстанцами, разумеется, не мог ограничить свою деятельность только военными вопросами,

хотя они и занимали ведущее место в его работе. Необходимо было налаживать хозяйственную жизнь на освобожденных землях. В документах съезда имеется несколько постановлений, запрещавших самовольные реквизиции, являвшиеся настоящим бичом для населения по обе стороны фронта в течение всей Гражданской войны. Особо подчеркивалась недопустимость реквизиций у крестьян, указывалось, что они должны производиться станичными обществами в своих поселках⁶³. Это позволит охарактеризовать политическую линию руководства повстанцев как вполне здравую и прагматичную, направленную на сглаживание межсословных противоречий, обострившихся в Оренбуржье в революционный период. Крестьянство уже начало отходить от большевиков, и казаки должны были действовать достаточно осторожно, чтобы не ослабить его антибольшевистских настроений.

Занимался съезд и вопросами денежного обращения. Вскоре после октябрьского переворота в условиях нехватки наличности Оренбургский банк выпустил собственные денежные знаки. Узнав, что некоторые торговцы отказываются их принимать, съезд специальным постановлением 23 мая подтвердил законность хождения этих знаков.

Безусловно главной задачей съезда в экономической области была организация бесперебойного снабжения войск. Немалую помощь в этом оказывала кооперация, обладавшая развитым хозяйственным аппаратом, опытными кадрами и располагавшая значительными денежными средствами. Однако сумм, предоставленных кредитными товариществами, оказалось недостаточно, и съезд 25 мая обратился к зажиточным домохозяевам с просьбой внести свободные капиталы в кооперативные банки, а кооператоры должны были организовать на них закупку хлеба. Хозяевам, имевшим излишки хлеба, предлагалось сдавать его в кредитные товарищества. При недостатке у товарищества денег сдатчику, по возможности, предстояло подождать с их получением под особые квитанции. Приобретенный таким образом хлеб поступал в распоряжение станичных военных штабов⁶⁴.

Кроме фронта, в хлебе нуждались и жители разоренных или разрушенных большевиками станиц. Для обеспечения их продовольствием и семенами съезд обязал станицы, пострадавшие в меньшей степени, выдать первым хлебные ссуды. Например, краснохолмцы должны были выдать жителям станицы Донецкая 1000 пудов пшеницы, казаки еще нескольких станиц - в общей сложности 3500 пудов⁶⁵.

Оренбургские повстанцы в первые же дни борьбы установили связь с уральскими казаками, которым удалось быстрее освободить свою войсковую территорию от красных. Уже в апреле оренбургские и уральские казаки проводили совместные операции под Новосергиевкой и Платовкой, предприняли попытку наступления на Оренбург⁶⁶. Координация усилий осуществлялась и в дальнейшем: уральцы помогли оренбуржцам оружием и живой силой, 24 мая они выбили красных из Новосергиевки⁶⁷.

Когда съезду объединенных станиц стало известно об образовании в Самаре Комитета членов Учредительного собрания, были предприняты шаги по организации связи с этим органом и командованием чехословацкого корпуса. 18 июня в Самару отправились член Учредительного собрания войсковой старшина Анисимов и два рядовых казака - Георгий Иванович Красноярецев (бывший до этого председателем съезда) и Шмотин⁶⁸. Вскоре из Самары прибыл обоз под командой сотника Михайлова, доставивший оружие и боеприпасы. Уполномоченным Комуча в Оренбуржье был назначен атаман Первого округа К.Л.Каргин. Заслушав его доклад и воззвание Комитета к казачеству, съезд 28 июня постановил: «1). Приветствовать Самарский Комуч за его почин государственного оздоровления; 2). Стоять твердо на платформе единого хозяина земли русской - Учредительного собрания...»⁶⁹. На следующий день, после выступления представителя Комуча Барановского, съезд принял резолюцию о признании Самарского правительства «единственной государственной властью... впредь до открытия Учредительного собрания»⁷⁰ и в дальнейшем важнейшие свои постановления начинал словами «именем Всероссийского Учредительного собрания». Было начато формирование полка из казаков присяги 1915-1916 гг. для отправки на Самарский фронт.

По мере упрочения власти съезда объединенных станиц и расширения подконтрольной ему территории, изменялась структура самого этого органа. 21 июня он был преобразован во временный малый Круг объединенных станиц ОКВ и приказал станицам выбрать еще по одному делегату. Эти вновь избранные члены должны были прибыть на Круг к 28 июня и, ознакомившись с его работой и получив директивы, вернуться в станицы, где им надлежало возглавить военные комиссии и взять на себя текущую работу по мобилизации и местному управлению. Через несколько дней было постановлено избрать еще по одному делегату от находящихся на фронте казаков каждой станицы. 29 июня съезд вновь поменял название. Теперь он стал именоваться Казачьим Кругом объединенных станиц Оренбургского войска. Решено было оставить по два делегата от каждой станицы с тем, чтобы один из них работал на Круге, а другой находился в станице, по возможности посещая казаков своей станицы на

фронте. Через 15 дней делегаты должны были меняться⁷¹. Круг также назначил временно исполняющим должность Войскового атамана К.Л.Каргина, которому поручалось «войти в связь с представителями от станиц..., принять меры к воссозданию окружного правления, военный отдел... развернуть в военный штаб»⁷². Председатели съезда (Круга) периодически менялись. Первым занимал эту должность Г.И.Красноярцев, 18 июня его сменил В.Ершов, 28 июня - Федор Никифорович Иванов⁷³. Съезд командировал к А.И.Дутову своего представителя подьесаула Пивоварова, который, вернувшись 29 июня, доложил, что Войсковое правительство во главе с атаманом скоро прибудет.

Большевики с самого начала не чувствовали себя в Оренбуржье хозяевами (красный мемуарист назвал весь период существования советской власти в Оренбурге «шестимесячной оборонной»⁷⁴). По мере развития повстанческого движения их положение становилось все сложнее. Уже в апреле для снабжения городов продовольствием большевикам приходилось совершать вооруженные вылазки. 18 мая на подмогу Оренбургу двинулись от Бузулука отряды В.К.Блюхера и Г.В.Зиновьева численностью 2600 человек при 8 орудиях и 37 пулеметах. Из Верхнеуральска шел отряд Н.Д.Каширин, требуя от казаков лежавших на его пути станиц (Красногорская, Ильинская, Подгорная и др.) подписки о неучастии в антибольшевистской борьбе. Отказывавшихся дать такую подписку расстреливали. Было сожжено несколько станиц, но подавить восстание или хотя бы уменьшить его размах не удалось.

Общая численность красных войск в Оренбурге достигла 15-18 тысяч человек⁷⁵. Командующим являлся Г.В.Зиновьев, но многие командиры отказывались ему подчиняться. Несмотря на численное превосходство, красным не удалось перехватить инициативу у повстанцев. Фактически их основной целью, начиная с мая, стала эвакуация из Оренбурга военного имущества, других ценностей, партийных и советских работников с семьями. Повстанцы в свою очередь стремились не дать красным эшелонам уйти, так как этот захват был для них (до установления связи с Комучем) единственным способом пополнить запасы оружия и боеприпасов. С началом восстания чехословацкого корпуса положение красной группировки в Оренбурге еще более ухудшилось. Часть ее войск под командованием Елькина направилась в Бузулук, где понесла значительные потери в боях с чехами.

В этих условиях Зиновьев решил применить «военную хитрость». Он послал к казакам парламентаря с обращением к съезду объединенных станиц от имени «штаба Железно-Дисциплинированного полка коммунаров 32 полка социалистической армии рабоче-крестьянского правительства»⁷⁶. В этом документе, озаглавленном «Мирное предложение», содержался призыв прекратить братоубийственную войну, «заключить крепкий мир и союз трудящихся для отпора врагам и предателям, посягающим на нашу Родину и революцию». Далее описывались последствия Брестского мира («на Украине восстанавливается монархия», «рука Вильгельма простирается на трудовую Россию» и т. д.), говорилось, что «большевики ушли в лагерь предателей революции..., на каждом шагу попирали народные права, вместо советской власти... они принесли народу комиссародержавие», и, наконец, излагалось главное: «...штаб Железно-Дисциплинированного полка коммунаров и союз социалистов-революционеров-максималистов призывают все трудовое казачество прекратить выгодную лишь для врагов трудовой Руси... бойню на основе трудового самоопределения казачества и решительной борьбы с Германией... Предлагается выслать делегатов в Алексеевскую станицу к 12 часам 15 июня...»⁷⁷. Съезд не попался на удочку красного командующего. Доставивший послание комиссар полка Д.В.Шейкман был приговорен к смерти как большевистский шпион. Он заявил, что приказал полку сдать оружие казакам, и казнь была отложена при условии сдачи полка в плен до 18 июня⁷⁸. Разумеется, этого не произошло. Таким образом, авантюра Зиновьева не нанесла вреда казакам, зато усилила разлад в стане красных. Многие командиры и ранее отказывались подчиняться Зиновьеву, теперь же они еще и подозревали его в измене.

К началу июля безнадежность положения красных в Оренбурге стала очевидной. Они покинули город, отступая по железной дороге на Актюбинск. Казаки преследовали уходивших только до границ Оренбургского войска. Сказывалось нежелание сражаться за пределами войсковой территории, которое немало повредило белым впоследствии.

Утром 3 июля в Оренбург вошли отряды повстанцев во главе с войсковым старшиной Карнаховым. Сюда же прибыл и казачий Круг, объявивший большевистскую власть в городе и губернии низложенной и вверивший управление ОКВ и Оренбургской губернией временно исполняющему должность Войскового атамана К.Л.Каргину. Последний в свою очередь издал приказ №1, в котором, в частности, говорилось:

«§3. ...Приглашаю для совместной работы членов Учредительного Собрания от Оренбургской губернии и Оренбургского казачьего войска.

§4. Во всей полноте своих прав восстанавливаются распущенные советской властью органы местного самоуправления.

§5. Все ограничения и стеснения в свободах, введенные большевистскими властями, отменяются.
§6. Все существующие советы распускаются впредь до новых выборов, определенных рабочей конференцией при краевом Самарском комитете членов Всероссийского Учредительного собрания»⁷⁹.

Одновременно город был объявлен на военном положении, введена смертная казнь за умышленные убийства, грабежи, поджоги, разбои, участие в «шайке, именующей себя большевиками», укрывательство комиссаров, красноармейцев, красногвардейцев, возбуждение вражды между классами, призывы к стачке, хранение оружия без разрешения⁸⁰.

6 июля был образован местный Комитет членов Учредительного собрания в составе К.Л.Каргина, П.В.Богдановича, И.П.Нестерова, который несколько ограничил масштабы репрессий, запретив в частности насильственные выселения жильцов из квартир, отведенных советскими органами. Служащим упраздненных советских учреждений было решено выплатить жалование за месяц вперед.

7 июля в Оренбург прибыли атаман А.И.Дутов и Войсковое правительство. Начался новый этап борьбы оренбургского казачества.

Весна - начало лета 1918 г. стали временем роста консолидации антибольшевистских настроений и сил на всей территории Урала. Социально-экономические мероприятия новой власти оттолкнули от нее даже те слои, которые поддержали ее в первые месяцы после октябрьского переворота - крестьянство и часть рабочих. Волна восстаний прокатилась по волостям и заводам края. Наиболее успешным стало восстание оренбургских казаков.

Казачество, в отличие от крестьянства, изначально отнеслось к большевистской революции настороженно, а в значительной своей части враждебно. Но все-таки это был, скорее враждебный нейтралитет, чем активное сопротивление, что объясняется распространением антивоенных настроений, особенно среди фронтовиков. Поэтому попытка атамана Дутова противостоять октябрьскому перевороту «в отдельно взятой губернии» не нашла у казаков достаточной поддержки и потерпела неудачу.

Однако уже в ходе подавления «дутовского мятежа» антиказачья направленность политики большевиков проявилась настолько ярко, что вызвала движение сопротивления «снизу». Еще до того, как отряды А.И.Дутова отступили под ударами красных в Тургай, на юге Оренбургского казачьего войска сформировался новый антибольшевистский фронт, оказавшийся гораздо более опасным. Главным отличием этого движения от дутовского было то, что на борьбу с большевиками поднялось все население целого ряда станиц, а не отдельные добровольцы. Благодаря традиционной для казаков системе самоуправления, выполнявшей одновременно функции военной и гражданской администрации, присущим им военным навыкам и дисциплине, повстанцы смогли организовать как вооруженную силу, способную, несмотря на нехватку оружия и боеприпасов, успешно противостоять частям Красной армии, так и эффективное управление гражданской жизнью на освобожденной территории. Силы восставших росли по мере включения в движение новых станиц, и к началу июля 1918 г. им удалось изгнать красных с большей части войсковой территории и занять Оренбург.

¹ См., напр.: Машин М.Д. Оренбургское и уральское казачество в годы Гражданской войны. -Саратов, 1984. -С.26,36.

² См.: Лисовский Н.К. Разгром дутовщины. 1917-1919 гг. -М., 1964. -С.53.

³ См.: Чирухин Н.А. Дутовщина. Антибольшевистское движение на Урале. 1917-1918 гг. Дисс... канд. ист. наук. -М., 1992.

⁴ См.: Кобзов В.С. Революция и Гражданская война на Южном Урале глазами казачества //Урал в событиях 1917-1921 гг.: актуальные проблемы изучения. -Челябинск, 1999. -С.175-192.

⁵ Цит. по: Кобзов В.С. Революция и Гражданская война на Южном Урале... -С.175.

⁶ Страничка из истории революционной борьбы оренбургского пролетариата. -Оренбург, 1921. - Вып. I. -С.159.

⁷ Гражданская война в Оренбургском крае. -Чкалов, 1939. -С.104.

⁸ См.: Центр документации по новейшей истории Челябинской области (ЦДНИЧО). Ф.596. Оп.1. Д.110.Л.45-46; Пролетарская революция в Оренбурге. -Оренбург, 1927. -С.51.

⁹ См.: Гражданская война в Оренбургском крае. -С.140.

¹⁰ Там же. -С.104.

¹¹ Кобзов В.С. Революция и Гражданская война на Южном Урале... -С.182.

¹² Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. -Париж, 1937. -Кн.7. -С.115.

¹³ См.: Гражданская война в Оренбургском крае. -С.104.

¹⁴ См.: Пролетарская революция в Оренбурге. -С.52.

¹⁵ См.: Акулинин И.Г. Уральские казаки в борьбе с большевиками //Белое дело. Летопись Белой борьбы. -Берлин, 1927. -Т.II. -С.122-147.

¹⁶ См.: Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.41. Оп.2. Д.46. Л.57; Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. - Шанхай, 1937. -С.70-71; Гражданская война в Оренбургском крае. -С.129-138; Гражданская война в Оренбуржье (1917-1919). Док. и мат. -Оренбург, 1958. -С.116-117, 120.

- ¹⁷ См.: Чирухин Н.А. Дуговщина. -С.117.
- ¹⁸ Там же -С.118-119.
- ¹⁹ См.: Центр документации по новейшей истории Оренбургской области (ЦДНННО) Ф.7924.Оп.1.Д.287.Л.22; ЦДООСО. Ф.41.Оп.1.Д.13.Л.143; Уральский рабочий (Екатеринбург). - 1918. -26 апр.: Гражданская война в Оренбургском крае. -С.140; Гражданская война в Оренбуржье .. -С.Х; Тоган (Валидов) З.В. Воспоминания. -Уфа.1994. -С.224; Страничка из истории... -С.5.
- ²⁰ Пролетарская революция в Оренбурге -С.75.
- ²¹ Цит. по: Чирухин Н.А. Дуговщина. -С.119.
- ²² Гражданская война в Оренбургском крае. -С.139; Страничка из истории... -С.1.
- ²³ Гражданская война в Оренбургском крае. -С.146.
- ²⁴ Страничка из истории... -С.5.
- ²⁵ Гражданская война в Оренбургском крае. -С.146.
- ²⁶ См.: Страничка из истории... -С.1-5.
- ²⁷ См.: Пролетарская революция в Оренбурге. -С.75.
- ²⁸ См.: ЦДНННО. Ф.7924.Оп.1.Д.82.Л.29.
- ²⁹ Головин Н.Н. Российская контрреволюция... -С.116.
- ³⁰ См.: ЦДНННО. Ф.7924.Оп.1.Д.82.Л.3.
- ³¹ ЦДНННО. Ф.7924.Оп.1.Д.82.Л.15.
- ³² Там же.
- ³³ См.: Оренбургский казачий вестник. -1918. -1 окт.
- ³⁴ См.: ЦДНННО. Ф.7924.Оп.1.Д.82.Л.25; Оренбургский казачий вестник. -1918. -1 дек.
- ³⁵ См.: ЦДНННО. Ф.7924.Оп.1.Д.82.Л.29.31.66.95; Кобзов В.С. Революция и Гражданская война на Южном Урале... -С.186.
- ³⁶ Цит. по: Кобзов В.С. Революция и Гражданская война на Южном Урале... -С.186.
- ³⁷ ЦДНННО. Ф.7924.Оп.1.Д.82.Л.6.
- ³⁸ Там же. Л.18.
- ³⁹ Там же. Л.6.
- ⁴⁰ Там же. Л.13.
- ⁴¹ Там же. Л.18 и др.
- ⁴² Чирухин Н.А. Дуговщина. -С.127.
- ⁴³ ЦДНННО. Ф.7924.Оп.1.Д.82.Л.7.
- ⁴⁴ Чирухин Н.А. Дуговщина. -С.128.
- ⁴⁵ ЦДНННО. Ф.7924.Оп.1.Д.82.Л.25.
- ⁴⁶ ЦДНННО. Ф.7924.Оп.1.Д.82.Л.52.60; Чирухин Н.А. Дуговщина. -С.143.
- ⁴⁷ ЦДНННО. Ф.7924. Оп.1.Л.82 Л.2.
- ⁴⁸ Там же Л.3.
- ⁴⁹ Там же. Л.5,6,10,11,21.
- ⁵⁰ Там же Л.17-45.
- ⁵¹ Там же. Л.22,28.
- ⁵² Там же. Д.129.Л.5.
- ⁵³ Там же. Д.82.Л.34.
- ⁵⁴ Там же. Л.3.; Чирухин Н.А. Дуговщина. -С.129.
- ⁵⁵ ЦДНННО. Ф.7924.Оп.1.Д.82.Л.35.
- ⁵⁶ Там же. Л.74,101.
- ⁵⁷ Там же. Л.71.
- ⁵⁸ Там же. Л.47.
- ⁵⁹ Там же. Л.31.
- ⁶⁰ Там же. Л.49.
- ⁶¹ Там же. Л.50.
- ⁶² Там же. Л.79.
- ⁶³ Там же Л.30,31.
- ⁶⁴ Там же. Л.13.
- ⁶⁵ Там же. Л.51,54.
- ⁶⁶ Там же. Л.3.
- ⁶⁷ Там же. Л.19.
- ⁶⁸ Там же. Л.49.
- ⁶⁹ Там же. Л.60.
- ⁷⁰ Там же. Л.62.
- ⁷¹ Там же. Л.53,56,62,63.
- ⁷² Там же. Л.60.
- ⁷³ Там же. Л.49,61
- ⁷⁴ Страничка из истории.. -С.2.
- ⁷⁵ См.: Чирухин Н.А. Дуговщина. -С.142.
- ⁷⁶ ЦДНННО. Ф.7924.Оп.1 Д.118.Л.1.
- ⁷⁷ Там же Д.82.Л.40-41; Д.118.Л.1
- ⁷⁸ Там же. Д.82.Л.41.
- ⁷⁹ Там же. Л.84.
- ⁸⁰ См.: Чирухин Н.А. Дуговщина. -С.162.

АВИАЦИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

К середине 1919 г. Южный фронт генерала А.И.Деникина был не единственной угрозой существования советской власти. В период ожесточенных сентябрьских боев неожиданно на первые роли выдвинулась Северо-Западная армия генерала Н.Н.Юденича¹, подступившая к пригородам Петрограда.

Во время подготовки наступления армии Юденича на Петроград генерал К.Г.Маннергейм² сообщил Верховному правителю России адмиралу А.В.Колчаку, что готов двинуть против большевиков 100-тысячную финскую армию, которую поддержало бы до 90 аэропланов³. Единственным условием этого выдвигалось признание независимости Финляндии. Однако ни Деникин, ни Колчак не поддержали его. 20 июля 1919 г. адмирал телеграфировал Юденичу: «Не вступайте ни в какие договорные обязательства с финляндским правительством. Условия соглашения неприемлемы и нет уверенности в активной помощи Финляндии»⁴. Тем самым была отвергнута помощь Юденичу, которая возможно могла стать решающей для победы над большевиками, то есть совершена ошибка, по своему значению, роковая.

Не получило финансовой поддержки из Омска и предложение шведской фирмы «Юнсон и К^о» о предоставлении Северо-Западной армии четырехмесячного кредита на 35 млн. крон за поставку вооружения и снаряжения. Юденичу пришлось отказаться от 50 аэропланов со снаряжением, заявленных на поставку российским представительством в Стокгольме (см. Приложение 1), отдав предпочтение обмундированию, винтовкам, пулеметам и автомобилям⁵. Войска же по-прежнему оставались без авиации.

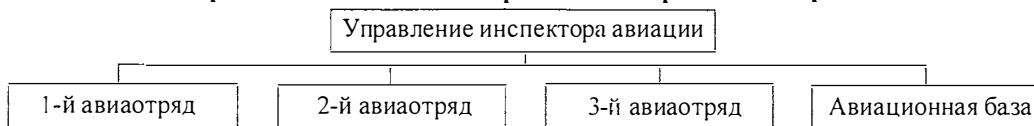
Английское командование, стремясь оказывать влияние на русскую Северо-Западную армию, организовало авиационные поставки в Ревель, где находился основной аэродром армии. 28 июля сюда прибыл первый транспорт с шестью аэропланами на борту и запасными частями к ним⁶. Однако и здесь не обошлось без обоснованных претензий к союзникам. Мало того, что самолеты системы «RE-8» считались устаревшими еще в начале 1916 г., два из них прибыли с неподходящими к этим аппаратам моторами⁷. Но несмотря на это, в августе 1919 г. в составе армии числилось два авиационных отряда и была сформирована авиационная база.

Все авиаимущество, поступавшее от Британского военного министерства (см. Приложение 2), находилось в ведении автоавиационного отдела при главном начальнике снабжения Северо-Западного фронта. Через этот отдел осуществлялось распределение средств по авиачастям⁸. Помимо заграничных поставок снабжение частично опиралось и на местные ресурсы. Слесарный материал и инструменты авиационный отдел Северо-Западной армии получал со судостроительного завода, бывшего «Бекер и К^о», в Эстонии⁹.

С прибытием в ряды армии частей из Курляндии авиационные силы пополнились еще одним авиаотрядом с тремя аэропланами¹⁰. Это был авиационный отряд Светлейшего князя А.Ливена¹¹. В октябре его переименовали в 3 авиаотряд Северо-Западной армии. Сформированный в Либаве, он получил полное снабжение, снаряжение, вооружение и довольствие от немцев. Германия давала эти припасы не из желания помочь, а потому, что они были ею утеряны по Версальскому договору, в соответствии с которым подлежали уничтожению все немецкие самолеты¹².

В составе трех отрядов (см. Схему) 10 октября авиация приняла участие в общем наступлении на Петроград. Правда, ее результативная деятельность была настолько низкой, что можно ограничиться лишь одной характеристикой, данной очевидцем событий, одним из руководителей авиации Северо-Западной армии, штабс-капитаном Б.В.Сергиевским: «авиационное оборудование Северо-Западной армии было настолько убогим, что мы фактически не могли делать полезной работы и от времени до времени шли добровольцами в пехоту, сражаясь рядовыми»¹³.

Схема организации авиации Северо-Западной армии в октябре 1919 г.¹⁴

21-22 октября 1919 г. началось контрнаступление Красной армии, и к середине ноября советские войска подошли к границам Эстонии. Части Северо-Западной армии в беспорядке отступали. Попытки вновь назначенного командующего армией генерал-майора П.В.Глазенапа перегруппировать оставшиеся в его распоряжении силы и средства, в том числе и авиационные формирования (см. Приложение 3), на территории Эстонии желательного результата не дали. Правительство Эстонии, заключив перемирие с РСФСР, отказало белогвардейскому командованию в просьбе сохранить армию. Переходившие эстонскую границу солдаты и офицеры разоружались, а части расформировывались. Наличный состав чинов авиации к этому периоду составлял 22 офицера и 153 солдата (см. Таблицу 1). К концу января 1920 г. все самолеты, авиационное имущество были конфискованы и сданы начальнику снабжения эстонской армии¹⁵.

Имея в своем распоряжении незначительные силы, генерал Н.Н.Юденич вряд ли мог реально рассчитывать на успех своего осеннего наступления на Петроград. Объединения всех противобольшевистских сил региона, разбежавшихся по национальным квартирам, не получилось. Оставшись в одиночестве, двадцатитысячная Белая армия, поддерживаемая десятком устаревших самолетов, выполнила максимум возможного: отвлекла с решающего направления атак белых войск, южного, внимание красного командования и часть резервов, предназначавшихся против Деникина.

Таблица 1

Состав чинов авиации Северо-Западной армии к 1 января 1920 г.¹⁶

Авиационные части	Офицеры	Солдаты
Управление инспектора авиации	3	9
1 авиационный отряд	7	41
2 авиационный отряд	4	26
3 авиационный отряд	5	30
Авиационная база	3	47
ИТОГО:	22	153

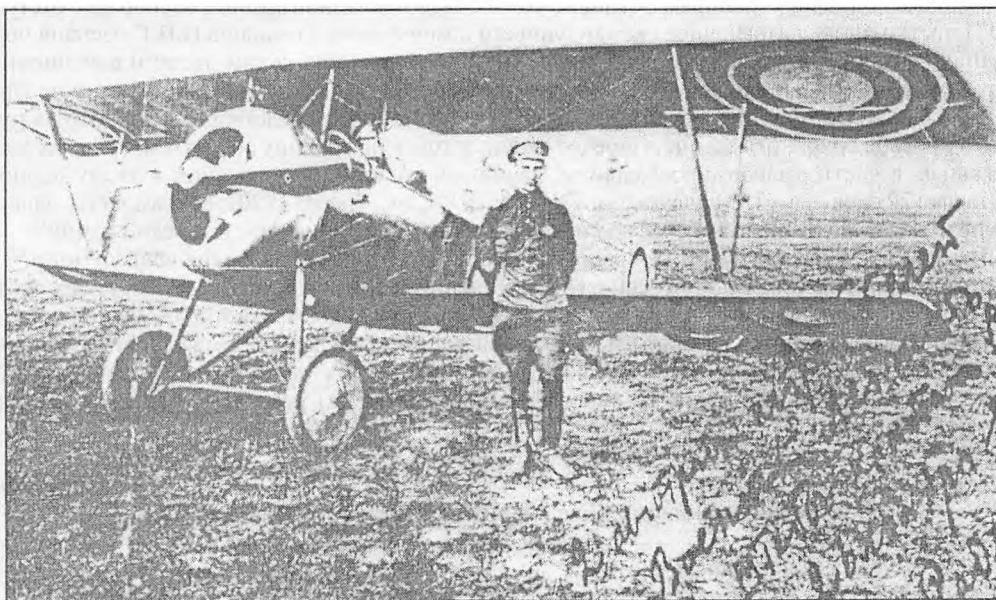
Одной из причин такого финала стали внутренние распри, на которые подталкивали белогвардейское командование союзники. Много близорукости они проявили и в истории с русским полковником Бермондом¹⁷. П.Р.Бермондт был назначен генералом Юденичем командующим Западной добровольческой армией. Но армия не получила официального признания: во-первых, из-за нахождения в ее рядах значительного числа германских частей (она состояла на треть из русских и на две трети из немцев); во-вторых, из-за давления союзников, которые не могли допустить даже косвенного германского участия в русских внутренних делах¹⁸.

Еще в июле 1919 г., когда Ливенский отряд был переправлен из Курляндии к Юденичу в Нарву, а Бермондт остался в Митаве, можно было легко заставить его с русскими частями перейти на север, обеспечив из средств союзников тем же самым, чем до тех пор снабжали немцы. Сила последних состояла именно в том, что они фактически выдавали довольствие, снаряжение и все необходимое частям, между тем как союзники от слов не переходили к делу.

Полковник Бермондт отказался выполнить приказание Юденича о переходе на Нарвский фронт, если союзники не пожелают гарантировать получения от них снабжения, снаряжения и довольствия в тех же размерах, в каких это происходило до тех пор от немцев. Так как союзные миссии отказались от выдачи такого обязательства, то отряды Бермондта остались в Курляндии. Позднее они были исключены из состава добровольческих белогвардейских формирований¹⁹.

В октябре 1919 г. полковник Я.М.Лисовский, изучив положение дел на Западном фронте, докладывал главнокомандующему вооруженными силами Юга России: «Само собой разумеется, что Добровольческая армия, находясь в большой зависимости от союзников, не может официально признать подобных военных образований, зародившихся на германской почве, но дело общей борьбы требует хотя бы неофициального признания за ними права на существование и в дальнейшей борьбе нужна хотя бы моральная поддержка для готовых и готовящихся формирований; и если есть люди, которые за свой страх и риск могут приступить к этим формированиям, то нужно закрыть глаза на средства, памятуя одну лишь великую цель...»²⁰.

Свои предложения Лисовский подкреплял некоторыми цифровыми данными по затронутому вопросу, которые излагал в объяснительной записке с грифом «совершенно секретно». По

**Командир 2 авиаотряда истребителей штабс-капитан Б.В.Сергиевский.
26 ноября 1919 г.**

его подсчетам формирование одного авиационного отряда числом в 12 аэропланов и 150 солдат (24 офицера) с покупкой снарядов, вооружения, снаряжения, полного обмундирования, включая технический аванс, обошлось в 1 300 тыс. марок, а с денежным и продовольственным содержанием в течение четырех месяцев - примерно в 2 млн. марок (см. Приложение 4).

Близоруким выглядит также отношение союзных миссий к вопросу о принятии небольшого количества германских добровольцев в русские отряды. В результате Северо-Западная армия лишилась мощной поддержки. Только авиация Западной армии насчитывала 138 аэропланов (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Состав авиации Западной русско-немецкой Добровольческой армии²¹

Воинские формирования	Количество отрядов	Количество самолетов
1. Добровольческий имени графа Келлера корпус	2	12
2. Добровольческий отряд полковника Вырголича	1	6
3. Немецкий легион	10	120
ИТОГО:	13	138

Для некоторых летчиков Северо-Западной армии с расформированием их частей Гражданская война не окончилась. Часть из них, во главе с капитаном С.Б.Сергиевским, выехала из Ревеля в Данциг, оттуда поездом в Варшаву. По прибытии офицеры явились к военному представителю белых русских, состоявшему при Верховном польском командовании. С.Б.Сергиевскому было поручено организовать воздушные силы 3 армии генерала П.Н.Врангеля, которая вскоре уже сражалась на польском Восточном фронте.

В процессе организации воздушных сил армии было получено несколько двухместных истребителей и самолетов-разведчиков. Польские ВВС для их базирования предоставили летное поле Мокотово близ Варшавы, оказывали техническое и прочее содействие.

Несмотря на это, формирование авиации 3 армии не было доведено до логического конца. В ноябре 1920 г. Польша подписала перемирие с Советской Россией, по которому польские власти обязаны были разоружить и интернировать своих прежних союзников. Находившиеся на

базе Мокотово самолеты подлежали конфискации²². Точно так же, как и в Эстонии, русские летчики оказались предоставлены своей судьбе в чужой стране. Для них это означало конец Гражданской войны.

Приложение 1

Копия письма генералу Н.Н.Юденичу от российского представителя Белых армий в Швеции Гулькевича

Секретно
№ 1193

22 июля 1919 г.

Российский посланник в Стокгольме

Милостивый Государь Николай Николаевич

В дополнение к моей телеграмме № 409 относительно поставки здешней фирмой «Юнсон и К^о» вооружения и снаряжения на отряд в 30 000 человек, имею честь препроводить у сего Вашему Высокопревосходительству список предлагаемых предметов и цены в шведских кронах. Поставка может произойти через месяц, по подписании контракта, в Ревеле или другом Балтийском порту по предварительном осмотре и принятии уполномоченными Вами специалистами. Ввиду того, что по-видимому удастся отсрочить уплату, выражающуюся в 35 миллионах крон, на четыре месяца, считал нужным представить настоящее дело на Ваше благоусмотрение и, на случай, если бы Вы нашли его достойным внимания, я уже запросил точных твердых цен и подробных условий кредита. Вам же необходимо будет озаботиться получением из Омска к сроку платежа необходимой на это суммы.

В ожидании отзыва Вашего Высокопревосходительства, примите, Милостивый Государь, уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал ГУЛЬКЕВИЧ

Список предлагаемых предметов

Комплектов обмундирования	60 000 шт.	по 365 крон шт.
Легковые автомобили (с шинами)	100 шт.	по 13 000 крон шт.
Грузовые	100 шт.	по 18 000 крон шт.
Наливные	50 шт.	по 10 000 крон шт.
Аэропланы со снаряжением	50 шт.	по 45 000 крон шт.

РГВА. Ф.40298.Он.1 Д.106.Л.7-8.

Приложение 2

Выписки из ведомостей прибывшего от союзников авиационного, автомобильного и инженерного имущества

28 июля в Ревель прибыл транспорт «Huntsgate» от Британского военного министерства для Русской Северо-Западной армии. На нем было авиационное имущество:

Аэропланов Р.Е. полных	4
Ящиков с двигателями	8
Аэропланов	2
Ящиков с патронами для аэропланов	39
Бомб аэропланых, ящиков	700
Частей к ним, ящиков	46
Ящиков с пропеллерами	14
Ящиков с крыльями аэропланов	2
Баков со смазочным маслом	400

* * *

28 ноября из Англии прибыл транспорт, пароходы «Хунсгет» и «Дания». На них было авиационное имущество:

Авиационных бомб малых	530
Авиационных бомб 50 фунт.	200
Капсюлей, ящиков	40
Авиационных принадлежностей, ящиков	2
Детонаторов для бомб, ящиков	2
Запалов, ящиков	1

РГВА. Ф.40298.Он.1.Д.97.Л.32,89.

Приложение 3

Приказ № 406 по Северо-Западной армии

Нарва

9 декабря 1919 г.

§1. Инспектора авиации переименовать в командира авиационного дивизиона с подчинением его генерал-квартирмейстеру.

§2. 2-й авиационный отряд расформировать; авиационное, техническое и хозяйственное имущество. а также суммы передать в 1-й авиаотряд, который составить из однотипных аэропланов.

§3. Недостающее число офицеров и солдат специалистов в 1-м и 3-м отрядах пополнить из расформировывающегося 2-го отряда.

§4. 3-й авиационный отряд переименовать во 2-й авиационный отряд истребителей.

§5. Всех офицеров и солдат, оставшихся за штатом, направить в распоряжение дежурного генерала.

§6. В отмену Временных штатов: № 85 - Управления инспектора авиации С[еверо]-3[ападной] а[рмии], № 86 - авиационного отряда и № 87 - авиационной базы, объявленных в приказе № 254 от 12.10.1919 г. по армии, при сем объявляю утвержденные мною Временные штаты:

№ 85 - авиационного дивизиона

Командир ав. дивизиона - 1 чел., 1500 руб. месячного оклада, военный летчик;
Адъютант - 1 чел., 950 руб. месячного оклада, может быть наблюдатель;
Офицер для поручений - 1 чел., 1000 руб. месячного оклада, военный летчик или наблюдатель.
Итого: 3 офицера, 9 солдат.

№ 86 - авиационного отряда

Командир отряда - 1 чел., 1300 руб. месячного оклада, военный летчик;
Старший офицер - 1 чел., 1100 руб. месячного оклада, может быть наблюдатель;
Летчиков - 3 чел., 1000 руб. месячного оклада;
Наблюдателей - 4 чел., 950 руб. месячного оклада (в отряде истребителей наблюдателей - 2);
Начальник хоз.части - 1 чел., 1000 руб.
Итого: 10 офицеров, 2 чиновника и 29 солдат.

№ 87 - авиационной базы

Командир базы - 1 чел., 1300 руб. месячного оклада;
Офицер для поручений - 1 чел., 950 руб. месячного оклада;
Старший офицер - 1 чел., 1100 руб. месячного оклада.
Итого: 3 офицера, 4 чиновника и 44 солдата.

Главнокомандующий армией генерал-лейтенант ГЛАЗЕНАП

РГВА. Ф.40298.Он.1.Д.1.Л.659.

**Из объяснительной записки полковника Я.М.Лисовского к докладу
о положении дел на Западном фронте и в армии полковника Бермондта-Авалова**

Некоторые цифровые данные по затронутому вопросу

I. Содержание людей исчисляется посуточно по следующему расчету:

Младший офицер	- 24 марки.
Ротный командир	- 30 марок.
Батальонный командир	- 36 марок.
Рядовой офицер	- 18 марок*.
Доброволец	- 11 марок* (также и специалисты).
Взводный	- 17 марок.

* Плюс 4 марки в сутки на продовольствие.

II. Винтовка - интендантская цена по повышенной немного оценке мирного времени - около 25 марок.

Револьвер - около 15-27 марок (в частной продаже 95-100 марок).

III. Офицерское обмундирование по казенной расценке:

Пальто	- 99 марок.
Мундир	- 60 марок.
Галифе	- 45 марок.
Комплект офицерского белья	- 35 марок.

IV. Полный комплект обмундирования, вооружения и снаряжения солдата - 700-800 марок.

V. Пример: Формирование одного авиационного отряда, числом в 12 аэропланов и 150 солдат (24 офицера), с покупкой снарядов, вооружения, снаряжения полного обмундирования его, исключительно до технического аванса, с денежным и продовольственным содержанием в течение четырех месяцев примерно - 2 миллиона марок.

Белый архив. Сб. мат. по истории и литературе войны, революции, большевизма и Белого движения /Под ред Я.М.Лисовского -Париж, 1926 -Т.1 -С 133

¹ Северо-Западная армия была создана 19 июня 1919 г. на базе Северного корпуса под наименованием Северная армия (с 1 июля 1919 г. - Северо-Западная армия). В сентябре армия начала наступление на Петроград, но в октябре-ноябре была разбита и ее остатки отброшены в Эстонию, где были разоружены, а личный состав интернирован. 22 января 1920 г. армия официально прекратила свое существование. Командующие: генерал-майор А.Л.Родзянко (19 июня - 2 октября 1919 г.), генерал от инфантерии Н.Н.Юденич (2 октября - 28 ноября 1919 г.), генерал-майор П.В.Глазенап (28 ноября 1919 г. - 22 января 1920 г.).

² Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867-1951) - государственный и военный деятель Финляндии, фельдмаршал (1938). В 1889-1917 гг. состоял на службе в русской армии. генерал-лейтенант (1917). Участник Великой войны. Главнокомандующий финской армией в войнах против СССР в 1939-1940 гг. и 1941-1944 гг. В 1944-1946 гг. являлся президентом Финляндии.

³ Директивы командования фронтов Красной армии (1917-1922). Сб. док. -М., 1978. -Т.4. -С.510.

⁴ Цит. по: Валь Э.Г. К истории Белого движения. Деятельность генерал-адъютанта Щербачева. -Таллин, 1935. -С.94.

⁵ См.: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.40298.Оп.1.Д.106.Л.7-12.

⁶ Там же. Д.97.Л.32.89.

⁷ См.. Архив русской революции. -М., 1991. -Т.2. -С.165.

⁸ См.: РГВА. Ф.40298.Оп.1.Д.106.Л.6-8.

⁹ Там же. Д.93.Л.43.

¹⁰ Архив русской революции. -С.162.

¹¹ Белогвардейский отряд князя А.Ливена начал свое формирование в январе 1919 г. в составе 6 резервного корпуса, возглавлявшегося германским генералом Р.Гольцем. под названием «Либавский добровольческий стрелковый отряд». но был более известен как Ливенский отряд. В июле

1919 г. подразделение было переправлено в Нарву к генералу Н.Н.Юденичу, в его составе находился один авиационный отряд.

¹² См.: Хайрулин М. Крылья Литвы // Ас (Москва). - 1993. - № 1. - С. 13.

¹³ Цит. по: Борис Васильевич Сергиевский. 1888-1971. - Нью-Йорк, 1975. - С. 89.

¹⁴ Составлена автором по: РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 116. Л. 4.

¹⁵ РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 116. Л. 4.

¹⁶ Составлена автором. См.: РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 116.

¹⁷ Бермондт Павел Рафалович (1877-1974). Из уссурийских казаков. Получил музыкальное образование. С 1901 г. - капсьмейстер в 1 Аргунском полку Забайкальского казачьего войска. Участник русско-японской и Великой войн. После Февральской революции 1917 г. входил в конспиративную организацию в Петрограде, выступавшую за установление военной диктатуры. Летом 1918 г. участвовал в формировании прогерманской Южной армии. Вместе с немцами эвакуировался из Киева. В первой половине 1919 г. возглавил Особый русский корпус, сформированный в Германии из русских военнопленных и немецких добровольцев. С июня 1919 г. в Латвии совместно с германскими частями действовал против советских войск. Затем командовал русско-немецкой Западной армией. 9.10.1919 г. приказом генерала Юденича был отстранен от командования и объявлен изменником. Тогда же был усыновлен грузинским князем Аваловым и с этого дня стал называть себя Павлом Михайловичем Аваловым-Бермондтом. 1. 12. 1919 г. присвоил себе звание генерал-майора. Эмигрировал в Германию, затем Югославию и США.

¹⁸ См.: Белый архив. - С. 131.

¹⁹ См.: Архив русской революции. - С. 163-165.

²⁰ Цит. по: Белый архив. - С. 131.

²¹ Составлена автором по: Авалов П. В борьбе с большевизмом. Восп. - Глюкштадт: Гамбург, 1925. - С. 111-112.

²² См.: Борис Васильевич Сергиевский. - С. 93-96.

В декабре 2000 г. в Орле на заседании диссертационного совета по историческим наукам при местном государственном университете Р.М.Абинякиным успешно защищена кандидатская диссертация на тему «Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917-1920 гг.». В работе проанализирована ситуация, в которой оказалась русская армия в феврале-октябре 1917 г., вызвавшая зарождение офицерской активности в Белом движении; определены формы и методы первичного объединения офицерства, связь и степень преемственности с ними Добровольческой армии; выявлены пути и способы вступления офицеров в армию и ее последующих пополнений; исследован социальный состав офицеров-добровольцев и его изменения в ходе Гражданской войны; изучена специфика офицерского мировоззрения и взаимосвязь с социальной средой; оценена степень сплоченности офицерского корпуса Добровольческой армии и уровень его социокультурного единства. Автор впервые предпринимает попытку комплексного изучения формирования и эволюции добровольческого офицерства в социально-мировоззренческом аспекте. Социальная характеристика офицеров Добровольческой армии произведена в самом широком смысле, включая принадлежность к староармейской структуре и положение в ней, учет чинов и особенностей чинопроизводства, служебно-должностные продвижения и преимущества, уровень потерь, устойчивость в движении, степень добровольности и, по мере возможности, сословное происхождение и национально-конфессиональный состав. Р.М.Абинякиным собраны и систематизированы обширные персонально-биографические данные на 7209 офицеров. На этой основе в диссертации впервые установлены конкретные цифры, характеризующие социальный облик добровольческого офицерства.

«РЕАЛЬНАЯ» ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО СИБИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Рассматривая деятельность («этикетку новой власти») Временного Сибирского правительства (ВСП) «социалиста в абстракции» П.В.Вологодского¹, историки традиционно приоритетное внимание уделяли не столько проводимым социально-экономическим и правовым реформам, сколько «словесным формулам в эсеровском духе» его министров. При этом партийно-политический «пасьянс» из «портретной галереи» оставался неизменным: «валеты» - то ли эсеры, то ли нет, подразделяемые на «левых» и «правых», «короли» - торгово-промышленные круги, «тузы» - военно-монархическая и черносотенная военщина².

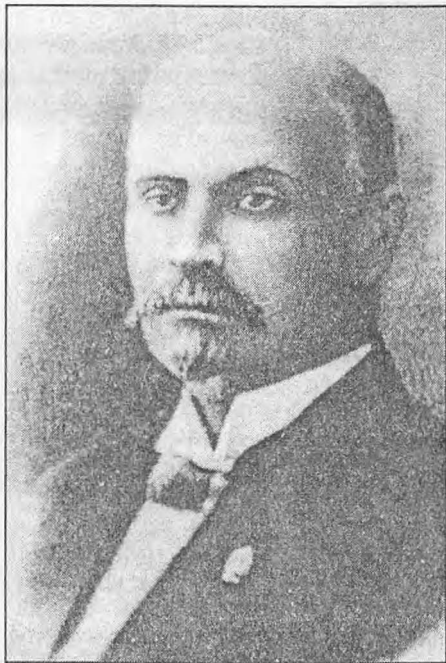
Впрочем, в данном обстоятельстве нет ничего странного, так как одним из основных источников анализа ситуации служили опубликованные выступления (затем мемуары³) заядлого картежника Вологодского. В частности, зачитанная им декларация на открытии Временной Сибирской областной Думы 15 августа 1918 г. В ней председатель совета министров отмечал: «Есть два способа предотвратить укрепление реакции: один находится в руках левых партий - он заключается в сознательной умеренности требований и устранении выступлений против вынуждаемых обстоятельствами решительных мер. Можно утверждать без всяких преувеличений, что контрреволюцию питают главным образом крайние левые течения, обостряющие реакцию справа»⁴. В целом же декларация была расценена историками как попытка политика П.В.Вологодского примирить Думу и правительство. А полярные стороны в их «настроениях» сводились к «буржуазно-демократической платформе» первой и «наклонной плоскости военной диктатуры» второго⁵.

Обособление «удобных» фигур временного баланса соперничавших политических сил⁶ (например, Вологодского) удачно сочеталось с расплывчатостью в определении целей и задач «реальных политиков» ВСП. В многочисленных исследованиях трудно увидеть четкую картину борьбы между «левыми» и «правыми» за влияние. Каждая из сторон представлялась некой «мастью из карточной колоды» в разыгрываемой невидимыми силами игре. И более того, «крутой замес» из политической ориентации министров оставил далеко в стороне главный предмет деятельности их ведомств - реформы, проводимые после свержения советской власти. Так внутриклановая «словесная баталия», отраженная в «оправдательных» мемуарах, подменила собой политику правительства, проводившуюся в народном хозяйстве.

Чем же занималось «реакционное» правительство Вологодского до «удушения» им Временной Сибирской областной Думы, отстаивавшей идеи «народоправства»? На этот вопрос советской историографией был заготовлен «буржуазно-реставрационный» трафарет (применявшийся к любой территории России времен Гражданской войны, где советская власть задыхалась без постоянной искусственной «подпитки» из центра): отменой советских декретов, ликвидацией совдепов, денационализацией промышленных предприятий, закрытием земельных комитетов, восстановлением частного землевладения.

Главными недостатками этого неизменного ответа являлись не только нежелание признавать специфику народного хозяйства, землеустройства и уклада жизни региона, но и, главным образом, приверженность к начетническому анализу государственного творчества министров ВСП. Лишь за последние годы, благодаря работам ряда историков, начался постепенный процесс «осибиживания» историографии, посвященной проблемам Гражданской войны⁷.

Первая предпосылка для вышеизложенного вывода - обвинение «правых» министров Вологодского в их не любви к «народоправству». С точки зрения «глобального подхода» к истории российского государства это вполне оправданно (как говорится, в семье не без урода). Однако не следует

Вологодский Петр Васильевич

забывать о сибирской «люльке» (областные земские советы с региональной автономией⁸), «вынянчившей», в том числе, «правых валетов» от власти. Многие из них вошли в совет министров правительства адмирала А.В.Колчака.

«Вся перечисленная сибирская группа непосредственно или преемственно связана с начальным периодом Временного Сибирского правительства, которое обосновалось в Омске, имея первичным районом распространения своей власти Западную, а потом Среднюю Сибирь, - писал в докладной записке «Состав совета министров» неизвестный участник событий. - Общим [для] всей этой группы является уклон в сторону сибирского областничества, которое представляется для них как доктрина более или менее ограниченной автономии Сибири в будущем, а в настоящем, как тактическое средство временного отграничения Сибири от более, чем Сибирь, разложившейся и зараженной Европейской России. Эта последняя идея - необходимой карантинной черты - осложняется расчетом создать в искусственно ограниченной Сибири базу для номерного и обеспеченного движения на Россию с целью ее оздоровления русскими же силами, находящимися в Сибири и пребывающими в благополучной социальной среде.

Общим для всей этой группы является недавняя принадлежность ее членов к течениям социального и политического радикализма. В большинстве, в ближайшем прошлом, эти министры имели то или иное отношение к социалистическим партиям и почти все, так или иначе, были связаны с сибирской кооперацией, находящейся под сильнейшим политическим давлением социалистов... Всей группе свойственен здоровый политический оппортунизм, склонность к деловой постановке вопросов, малая техническая подготовленность и отсутствие специальных административных знаний, значительная доля провинциализма, но в общем ряде, испытания, доказанные настроением российского патриотизма, тенденция к политической честности и слабое развитие момента личной заинтересованности во власти и честолюбия. Практическая неподготовленность, малая осведомленность в специальных вопросах и провинциализм, служат источником нападков и нареканий на совет со стороны общественных деятелей, беженцев Европейской России»⁹.

Вторая предпосылка прямо связана с представлением (как первого, так и последующего) состава ВСП двукрылым. «Левые» - «путаники», «воздыхатели», «капризники»: Б.М.Шатилов, Г.Б.Патушинский, В.М.Крутовский. «Правые» - «внутриправительственная мафия»: И.А.Михайлов, И.И.Серебренников, А.Н.Гришин-Алмазов, Н.И.Петров, Н.С.Зефирин, Г.К.Гинс¹⁰. «Камень», о который «спотыкалась» исследователи состоял в ангажированности (свидетельствами «обиженных» сибирских политических деятелей¹¹) анализа служебной деятельности представителей этих двух крыльев.

Так, Г.З.Иоффе отмечает: «С первых же шагов деятельности правительства Вологодского Михайловская группа стала брать верх... Уже в начале июля 1918 г. были приняты постановления об отмене декретов советской власти и восстановлении законов Российской империи, денационализации промышленности, возвращении всех земель их бывшим владельцам (в том числе помещикам). В августе правительство отдало приказ о запрещении деятельности советов и аресте всех представителей советской власти в Сибири»¹².

Между тем, все проекты по главному «показателю» реакционности правительства - «ничтожность декретов советской власти» - разрабатывались ведомством далеким от Михайловской группы «левого» Г.Б.Патушинского. К тому же, именно министерство юстиции инициировало вопрос о «форме и существе ответственности представителей так называемой советской власти перед законом и народом». Комиссия, образованная из представителей магистратуры, прокуратуры и адвокатуры, обсудив подсудность дел о большевиках, пришла к единогласному выводу о том, что мысль о создании специального суда над ними должна быть категорически отвергнута, так как в правовом государстве подобное судопроизводство, без отступления от идей нормально-

го, общего для всего населения, невозможно. Деятели большевизма, по мнению членов комиссии, должны были подлежать суду, но политическому, Всесибирского Учредительного собрания.

Что же касается восстановления сибирской промышленности, то помимо ее денационализации (требовавшей специального разъяснения финансовых взаимоотношений между правительством и владельцами предприятий: «Временное Сибирское правительство, во всяком случае ни вправе ни возмещать владельцам какие бы то ни было убытки, нанесенные им захватом их предприятий, ни признать за государством обязанности оплачивать рабочих за время работы их с момента объявления предприятия национализированным, ни требовать с владельцев тех сумм, которые были израсходованы на их предприятия по распоряжению органов советской власти»¹⁵), министерство торговли и промышленности одновременно направляло свою деятельность, во-первых, на оживление частного капитала и инициативы по снабжению рынка необходимыми материалами и фабрикатами, во-вторых, на безотлагательное ознакомление с хозяйственно-техническим состоянием предприятий и, в-третьих, на выяснение наиболее целесообразных способов оздоровления деятельности последних.

А в программных действиях министерства земледелия и колонизации («правого») Н.И.Петрова (за его подписью), при подготовке земельной реформы, учитывалось мнение земств Сибири, заявлявших о необходимости передачи земельных комитетов их компетенции (та самая сибирская «люлька»). Ввиду этого было издано временное положение, согласно которому при губернские и уездные *советы* по земельным делам, земельные отделы. Кроме того, создавались губернские и уездные *советы* по земельным делам, на которые возлагалось объединение усилий всех правительственных и земских земельных учреждений.

Последняя предпосылка, подтолкнувшая к выводу об ограниченности историографических рамок исторических исследований о «контрреволюционной» деятельности ВСП, - «обаяние» дневника П.В.Вологодского за 1918-1919 гг. Следует согласиться с мнением Г.З.Иоффе, отмечающего «тенденциозность» авторской рукописи, в которой «обнаруживается довольно глубокая вовлеченность Вологодского не только в официальную, «видимую» политику, но и в закулисные комбинации и махинации сибирских контрреволюционных группировок»¹⁶. (Впрочем, подобная предвзятость характерна для большинства мемуаров «жертв стихии» Гражданской войны в Сибири). Авторская канва удачно подыграла центристской позиции председателя совета министров в августовских 1918 г. взаимоотношениях между правительством и Думой. Однако не все так однозначно. «Оливковая ветвь» в виде декларации, оглашенной Вологодским на первом заседании Временной Сибирской областной Думы, состояла из множества «листочков»-докладов «противостоявших» друг другу «левых» и «правых» группировок. Так что единственная «заслуга» Петра Васильевича - усердие в составлении компиляции. Совокупность же составных частей декларации позволяет задуматься над вопросом о правомерности сложившегося исторического стереотипа о «наклонной плоскости военной диктатуры» ВСП (хотя бы его первого созыва).

И вывод, и три предпосылки к нему требуют более весомых доказательств, нежели историко-литературное наследие, послужившее стартовой основой для удобного исследователям причинно-следственного доказательства решающей роли «тузов» (помимо марксистско-ленинских принципов историзма). Немаловажную значимость при этом приобретает вопрос о синтезе информации и его критериях. В первую очередь речь идет о соответствии источниковедческой базы объекту и предмету исторического исследования¹⁵.

Представляем публикацию проблемно ориентированного комплекса первоисточников, раскрывающего «реальную» политику Временного Сибирского правительства. Документы были выявлены при завершении сбора вещественных доказательств Чрезвычайной следственной комиссией по делу «самозванного и мятежного правительства Колчака и их вдохновителей»¹⁶ 1 апреля 1920 г. Кроме разрозненных материалов об экономической деятельности правительства летом 1918 г. (работа государственного казначейства и министерства финансов: открытие кредитов и выдача ссуд, бюджетное и пенсионное исчисления, составление доходных и расходных смет, пересмотр окладов местных учреждений всех ведомств; наличие хлеба и зернового фуража по районам и губерниям Сибири на август месяц; планирование работ отделов министерства труда; правила реквизиции скоропортящихся грузов на станциях железных-дорог Сибирской железнодорожной магистрали¹⁷), членами следственной комиссии были изъяты так же докладные записки министров ведущих направлений по восстановлению разрушенного советской властью народного хозяйства Сибири.

Сопоставительный текстологический анализ этих документов с декларацией П.В.Вологодского наглядно иллюстрирует дублирование, в редакционной правке председателя совета министров. Поэтому расположение в первые публикуемых докладов учитывает порядок «поглощения». С целью сокращения объема публикации предлагаем читателю ознакомиться с текстом декларации в общедоступных печатных источниках.

* * *

**Докладная записка о деятельности и предстоящих задачах
министерства внутренних дел**

Омск

[6] августа 1918 г.

Земские учреждения, как созданные на широких демократических началах, воплощают в себе идею народовластия и имеют в основе своей деятельности все виды культурного развития (поднятие народного образования, забота о народном здравии и призрении, поднятие экономического благосостояния населения путем улучшения сельского хозяйства, промыслов, путей сообщения и проч.), являются опорой всей государственной жизни страны. Этой точкой зрения определяется характер деятельности министерства внутренних дел, в основе которого и лежат городское и земское самоуправление. А т.к. деятельность живых сил страны при старом режиме была сужена и до крайности стеснена и тем, в значительной степени, обесценена, то и призванные к жизни земские учреждения, не получившие никакого фундамента, а местами возникшие даже на гнилой и зараженной почве, не могли сразу встать на твердые ноги. Длительная и тяжкая война, всеобщий развал и отсутствие общепризнанной власти, подвергли народившиеся самоуправление тяжким испытаниям. Задачи земства в Сибири стали еще более серьезными и ответственными, а условия их работы непомерно тяжелыми. Если при нормальных условиях нужны были героические усилия, чтобы земство могло правильно функционировать, то в настоящее время, в обстоятельствах переживаемого момента, эти задачи вновь осложняются. И своими собственными силами и средствами, [которые] могут быть вполне достаточны[ми] в нормальное время, и земству и городу в данный момент не обойтись. Им на долгое время нужна будет серьезная и планомерная поддержка правительственной власти. И помочь новому земству и обновленному городскому самоуправлению выйти из этого катастрофического положения, в которое они загнаны обстоятельствами войны, дефектами революционного движения и разнузданностью советской власти, - ближайшие определенные и основные задачи деятельности министерства внутренних дел. В частности, в отношении отделов народного здравия и призрения, которые в Сибири стоят на таком низком уровне своего развития, [что] нужно объединить всех работающих на этой почве [и] их деятельность согласовать всеми имеющимися в распоряжении министерства внутренних дел силами и средствами, развить медико-санитарную помощь населению и тем понизить ужасающий процент заболеваемости и смертности, путем устройства травматологических институтов и протезных мастерских, вернуть войнам утраченную ими трудоспособность в той степени, в какой это возможно; и прийти на помощь бедствующей части беженского и переселенческого движения и, наконец, урегулировать и поднять деятельность детских приютов и богаделен, особенно переполненных из-за войны. Административный отдел министерства внутренних дел является выразителем общей политики правительства, охрана же государственного и общественного порядка и безопасности, без коих немислима нормальная деятельность страны, должна проводиться министерством внутренних дел в наиболее безболезненных для населения формах.

Управляющий министерством внутренних дел,
товарищ министра А.ГРАЦИАНОВ (подпись)

*Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ) Арх. №Н-501. Д. 10. Л. 56.
Машинопись, подлинник.*

Документ 2

**Докладная записка о деятельности и ближайших задачах
экономического отдела министерства иностранных дел**

[24] августа 1918 г.

Экономический отдел рассматривает дела, возникшие в связи со следующими вопросами: 1). денационализация имущества, принадлежавших иностранным подданным; 2). защита торговых интересов иностранных подданных на территории Сибири; 3). защита интересов русских

граждан, ведущих торговлю с Монголией; 4). меры к восстановлению правильных торговых сношений с Монголией; 5). сношения с местными иностранными консулами и с русскими консулами в Монголии по перечисленным вопросам. Кроме того, экономический отдел, до расширения личного состава министерства, принимал ближайшее участие в работах междоуведомственных комиссий: 1). по вопросу о военнопленных. Результатом таковых работ были утвержденные советом министров правила о распределении военнопленных на территории Сибири и о порядке отпуска их на работы; 2). по вопросу о Польской национальной армии на территории Сибири. В настоящее время экономическим отделом подготовлен доклад в совет министров по вопросам о нарушениях павшей советской властью конвенций, заключенных между Россией и иностранными государствами. Подготавливаются материалы к предстоящему междоуведомственному совещанию при министерстве иностранных дел о порядке и способах осуществления экономических сношений с границей. На рассмотрение предстоящему совещанию будут предложены следующие вопросы: 1). о финансовых отношениях с союзниками; 2). о потребности сибирской торговли и промышленности в заграничных товарах; 3). о возможной организации товарообмена с союзниками; 4). о способах уплаты за иностранные товары; 5). о состоянии транспорта и о переходе части Амурской флотилии в руки китайских и японских предпринимателей.

[Авторство в документе не проставлено]

*ЦА ФСБ РФ. Арх. №Н-501. Д. 10. Л. 89.
Машинопись, копия.*

Документ 3

Докладная записка о ближайших задачах Восточного отдела министерства иностранных дел

[24] августа 1918 г.

Восточный отдел имеет [честь] руководить работой дипломатических и консульских представителей Сибири, Китая и Монголии. Впредь, до утверждения штатов сибирских заграничных учреждений, министерство иностранных дел сообщило дипломатическим и консульским представителям Временного Российского правительства о падении советской власти в Сибири и предложило им оставаться на своих постах в качестве представителей Временного Сибирского правительства. Утвердительные ответы получены от консулов в Кобдо, Улясутае и Чугучаке, кои с готовностью оказывают министерству содействие по установлению связей с консулами остальных городов Монголии и Китая, отрезанных от Сибири большевистским фронтом. Несмотря на трудности установления означенной связи, министерство на днях вошло в сношения с дипломатическим агентом в Урге, не терявшим связи с Пекином и Харбином. Сношения с Японией могут быть восстановлены лишь по очищению Сибирской магистрали от красноармейских банд. Ближайшими задачами восточного отдела являются: 1). признание Временного Сибирского правительства державами Востока; 2). установление связей с дипломатическими консульскими представителями в Китае, Японии и Монголии; 3). установление восточной и южной границ Сибири; 4). установление границ между Китаем и автономной внешней Монголией, согласно тройного соглашения 25 мая 1915 г.; 5). распространение русского влияния и укрепление авторитета Сибирского правительства на Востоке; 6). защита торговых и колонизационных интересов русских граждан на Востоке; 7). переработка устава консульского; 8). смешанные суды, пограничные съезды в Монголии; 9). отмена консульской юрисдикции в Китае; 10). учреждение иных консульств в Китае, Монголии и Японии (Хатхы, Дзянь-Шаби, Ван-Куи, Калган и др.). Установление института консульских агентов на Востоке. Пересмотр штатов существующих посольств, миссий и консульств; 11). устранение пограничных трений в связи с переселенческим движением бурят и киргизов; 12). урегулирование вопроса о желтом труде в Сибири; 13). всестороннее изучение и обследование Востока и опубликование материалов. Пересмотр положения об Ургинской и Кульджинской школах переводчиков и толмачей. Учреждение аналогичной школы в Токио; 14). вопрос о сибирских факториях и концессиях на Востоке; 15). развитие института торговых старшин и органов самоуправления русских колонистов. Ввиду исконного тяготения Монголии к Сибири, восточным отделом намече-

но урегулирование текущих вопросов, касающихся взаимоотношений упомянутых стран: 1). осуществление задач Российского правительства в автономной внешней Монголии; 2). принятие на себя невыполненных Российским правительством обязательств перед Монголией; 3). признание Сибирским правительством договоров, трактатов, соглашений, конвенций и протоколов, заключенных автономной внешней Монголией с Российским правительством в 1911, 1917 гг.; 4). урегулирование сибирско-монгольской долговой торговли. Товарообмен как путь к повышению курса русского рубля; 5). открытие кредитных учреждений в Монголии, осуществление задач монгольского национального банка. Введение в Монголии денежной системы; 6). укрепление русского влияния в Монголии и борьба с китайским засильем; 7). укрепление и приобретение новых факторов, лесных угодий, рыбных озер и рек, разработка недр и добыча золота; 8). осуществление прав Сибири на организацию в Монголии почт, проведение телеграфных линий и устройство путей сообщения. Грузовой тракт Манды-Улясутай, пароходства на Косоголе и автомобильное движение по тракту Тяхта-Урга; 9). развитие военной мощи Монголии; 10). медицинская и ветеринарная помощь в Монголии: организация туземных больниц, летучих отрядов, ветеринарных пунктов, противочумных станций и дезинфекционных камер.

[Авторство в документе не проставлено]

*ЦА ФСБ РФ. Арх. №Н-501. Д. 10. Л. 87-88.
Машинопись, копия*

Документ 4

Докладная записка о состоянии дел Сибирских судебных учреждений, принятых мерах к правильной деятельности судебного аппарата и о программе предстоящей деятельности министерства юстиции

Омск

10 августа 1918 г.

Большевистский переворот, разрушив цельность и объединение государства Российского, подвергнув величайшей опасности свободу и независимость российских граждан, уничтожив начала народоправства как естественный путь развития культурных народов, расточив культурные и экономические ценности, являющиеся плодом долгой и тяжелой работы целого ряда поколений, в то же время создал на всей территории государства Российского царство беззакония, произвола и самосуда, прекратив деятельность всех судебных учреждений и уничтожив сенат, суд, прокуратуру, сословие присяжных поверенных и проч. Народное правосознание и стремление народа к правде и справедливости были подвергнуты тяжкому испытанию. После государственного переворота, свергнувшего большевистское засилье, дело отправления правосудия в Сибири оказалось в ужасном положении и возобновление деятельности судебных учреждений было сопряжено с величайшими затруднениями. Все дела и делопроизводства оказались в хаотическом состоянии, часть их вывезена из судебных мест и разослана по другим городам и местам. Так, по сообщению председателя Барнаульского окружного суда, для приведения дел, имущества, производства и прочего в надлежащий порядок и для приведения в точную известность всего оказавшегося и недостающего, образована особая комиссия. Все денежные суммы окружного суда, всего более 100 тыс. руб. и разные другие деньги, поступавшие в высший революционный суд, исчезли вместе с Барнаульским совдепом. Несмотря на все затруднения, деятельность судебных учреждений, как общих, так и мировых, к настоящему моменту восстановлена во всем округе Томской судебной палаты в составе окружных судов: Омского, Томского, Барнаульского, Тобольского и Семипалатинского, а в округе Иркутской судебной палаты в окружных судах: Иркутском и Красноярском и подведомственных им учреждениях. Кроме сего, возобновлена деятельность Троицкого окружного суда и мировых судебных установлений в городах: Троицке, Челябинске, Верхнеуральске Оренбургской губернии и Кустанае Тургайской области, временно причисленных постановлением совета министров Временного Сибирского правительства от 18 июля 1918 г. в округ Омской судебной палаты. Ходатайство соединенного собрания судебных деятелей округа Троицкого окружного суда и судебно-мировых установлений о временном причислении названного суда и установления в округе Омской судебной палаты было поддержано министерством юстиции в интересах местного

населения и в виду настоятельной необходимости в немедленном движении всех судебных дел, приостановленных вынужденным бездействием суда за время большевистского засилья, ибо Саратовская судебная палата, в округе которой числился Троицкий окружной суд, лишена пока возможности возобновить свою деятельность. В целях восстановления нормального отправления правосудия в Сибири, министерством юстиции приняты следующие меры неотложного характера:

1). Ликвидация судебных организаций так называемой советской власти и аннулирование производств, приговоров и решений революционных трибуналов, их следственных комиссий, окружных народных судов и народных судий. Согласно проекту министерства юстиции, утвержденному постановлением совета министров, все уголовные дела, названных судебных организаций, рассматриваются как внесудебный материал; все приговоры, определения и вообще все производство большевистских судов по уголовным делам - отменяются определениями, подлежащих компетентных судов; вновь возникшие в большевистских судах гражданские дела прекращаются определениями подлежащих судебных мест, а решения определения, и вообще все производство большевистских судов по гражданским делам, возникших до захвата судов большевиками, также отменяются определениями судебных мест, и дела эти получают дальнейший законный ход. Декрет совета народных комиссаров об амнистии по поводу 1 мая 1918 г. считается актом ничтожным и не имеющим значения для решения и направления уголовных дел.

2). Одним из самых существенных препятствий к быстрому восстановлению нормального отправления правосудия является крайний недостаток судебных деятелей, и потому усиление личного состава судебных учреждений составляет неотложную заботу министерства юстиции. Со времени введения в Сибирь в 1897 г. общих судебных установлений штаты судебных мест не подвергались почти никакому изменению, а между тем, население Сибири быстро увеличивалось, местная жизнь развивалась и усложнялась, вследствие чего судебные места не были в состоянии надлежащим образом удовлетворять правовые запросы населения. Закон 3 июля 1914 г. об усилении штатов не был проведен в жизнь вследствие возникшей в том же году европейской войны. Большое число судебных деятелей было отвлечено от исполнения своих прямых обязанностей и призвано в войска; многие из них по разным причинам не возвратились к своим должностям до сего времени, а новый призыв судебных чинов на военную службу создает катастрофическое положение, граничащее с отказом в правосудии. Пополнить штаты нечем, ибо в настоящий момент нет на местах необходимого контингента судебных деятелей. В целях усиления личного состава судов, министерством юстиции приняты меры к регистрации лиц, служивших в России по судебному ведомству и эвакуированных в Сибирь, кои изъявляют желание служить в сибирских судебных учреждениях.

3). За время революции существенным образом нарушена деятельность волостных судов, а с упразднением в Сибири учреждений крестьянских начальников и их съездов, уничтожена апелляционная инстанция для решения волостных судов. Дела, сданные в большом количестве в так называемые, уездные, по правительственным делам, совещания, не успели получить своего разрешения, а возникшая затем большевистская власть прекратила деятельность и этих последних совещаний. В целях создания нормального правосудия для сельского населения министерством юстиции разрабатывается и уже заканчивается законопроект о волостном земском суде. Этот тип суда будет иметь лишь временный характер, впредь до введения в Сибирь в полном объеме местного суда, применительно к законам 15 июня 1912 г. и 4 мая 1917 г. Составленный законопроект о волостном земском суде приближает этот суд к типу местного суда и связывает его с мировыми судебными установлениями путем создания апелляционной инстанции, в состав коей, кроме членов ее, председателя волостных земских судов, входит в качестве председателя этой инстанции местный мировой судья.

4). Разобшенность Европейской России, упразднение Российского правительствующего сената, крайняя потребность в высшей кассационной инстанции для сибирского суда и вообще в установлении с функциями, присущими правительствующему сенату, поставили перед Временным Сибирским правительством вопрос о необходимости учреждения для губерний и областей Сибири высшей административной судебной инстанции с присвоением ей функций высшего надзора, управления и суда. Во исполнение постановления по сему вопросу совета министров от 30 июня сего года министерством юстиции разработан проект положения об учреждении сибирского высшего суда на территории Временного Сибирского правительства. В основу сказанного законопроекта положено учреждение правительствующего сената, почему состав и сам предмет и ведомствонамечены на тех же основаниях, какие приняты для правительствующего сената по учреждению правительствующего сената (том 1, часть 2 Св. зак., изд. 1917 г.) и судебным уставом 20 ноября 1864 г. Однако в виду более ограниченной территории сибирского высшего суда и сравнительно

меньшего числа ожидаемых дел установлен ряд дополнительных положений с целью возможного упрощения в конструкции проектируемого учреждения и сокращения материальных затрат на его организацию и содержание. В сибирском высшем суде учреждаются три департамента: административный - для всех предметов и дел административного ведомства, и два кассационных департамента - для высшего кассационного разбирательства дел судебных - гражданских и уголовных. Сверх сего, для определенных законом случаев составляется: общее собрание кассационного департамента, общее собрание административного и кассационного департаментов, соединенное присутствие административного и кассационного департаментов и высшее дисциплинарное присутствие. Существенным отступлением от приведенных оснований устройства сибирского высшего суда по началам учреждения правительствующего сената допущено участие представителей городских и земских самоуправлений Сибири в присутствии административного департамента высшего суда с правом решающего голоса, в интересах и целях всестороннего освещения вопросов административного управления, в связи с особенностями местного характера.

5). С закрытием советской властью судебных установлений приостановилось движение судебных дел и вместе с тем и течение установленных законом сроков, как процессуальных, так и определенных материальным правом. С возобновлением же деятельности судебных установлений возникла необходимость в установлении правил исчисления означенных сроков по тем делам, по коим они были прерваны и, поэтому, министерство юстиции выработало проекты правил об исчислении сроков по делам гражданским и уголовным, прерванным вследствие закрытия советской властью судебных установлений.

6). Государственный переворот, свергнувший большевистское засилье, поставил на первую очередь вопрос о форме и существе ответственности представителей так называемой советской власти перед законом и народом государства Российского. Для разрешения этого вопроса необходимо было установить определенные точки зрения: во-первых, на подсудность вообще всех дел об указанных лицах, так называемых большевиках и, во-вторых, правильную квалификацию преступных деяний большевиков. В целях всестороннего освещения и детальной разработки возникших вопросов при министерстве юстиции была образована комиссия из представителей магистратуры, прокуратуры и адвокатуры, которая, обсудив первый из поставленных на ее разрешение вопросов о подсудности дел о большевиках, пришла к единогласному выводу, что мысль о создании какого-либо особого, специального типа суда над большевиками должна быть категорически отвергнута, ибо в правовом государстве немислимо создание специальных судов над отдельными группами населения без отступления от идей нормального, общего для всего населения типа суда. К такому же выводу пришло и совещание деятелей округа Иркутской судебной палаты, высказавшееся за нормальное направление дел о деятелях большевизма. При обсуждении второго вопроса о квалификации деяний большевиков сущность мнений членов комиссии свелась к следующему: одни полагали, что представителей советской власти следует судить как мятежников по 100-й и другим статьям Уголовного уложения, за насильственное посягательство на изменение государственного строя России и смещение органов Верховной государственной власти, и по 289-й статье и другим статьям Уложения о наказаниях, за самовольное присвоение правительственной или судебной власти и за совершение ими при этом лишь общеуголовных, а не должностных преступлений. Другие же полагали, что 100-я и другие статьи Уголовного уложения к большевикам не применимы, ибо они должны рассматриваться не как мятежники, а как лица, совершившие государственный переворот, т.е. деяние, не предусмотренное уголовным законом, и что большевиков, совершивших преступления при отправлении ими своих должностей, следует судить как за должностные преступления, предусмотренные 5-м разделом Уложения о наказаниях. За деяния изменнического характера, по мнению членов комиссии, виновные лица подлежат уголовной ответственности по 108-й статье Уголовного уложения. Кроме всего, все деятели большевизма, по мнению членов комиссии, должны подлежать политическому суду Всесибирского Учредительного собрания. В соответствии с выработанными в комиссии положениями министерством юстиции составлен законопроект о квалификации деяний большевиков, по которому все представители советской власти, опасные для государственного порядка и общественного спокойствия, подлежат политическому суду Всесибирского Учредительного собрания; все, совершившие деяния изменнического характера, подлежат уголовной ответственности по 108-й статье Уголовного уложения. Лица же, совершившие преступления при осуществлении или по поводу осуществления ими советской власти, подлежат уголовной ответственности по 289-й статье Уложения о наказаниях и подлежащим статьям того же Уложения, предусматривающим преступления общеуголовного характера.

7). Экономические условия современной жизни, в связи с падением ценности денежных знаков, вызвали возрастание стоимости всех предметов гражданского оборота в 10 или более

раз. В связи с таким явлением получается zagrożение окружных судов маловажными по существу делами о кражах на сумму свыше 300 руб., а между тем сам порядок производства предварительных следствий и предание суду по такого рода делам, а затем и разрешение их судом с участием присяжных заседателей, вызывает ничем не оправдываемые расходы казны на весь более сложный процесс движения этих дел. В целях облегчения деятельности окружных судов и сокращения расходов казны по делам о кражах на сумму более 300 руб. министерством юстиции выработан законопроект об изменении подсудности дел о кражах по цене похищенного. Согласно этому законопроекту дела о кражах, когда цена похищенного предмета свыше 300 руб. и не превышает 2000 руб., разрешаются мировыми судебными установлениями и виновные караются тюрьмою от 6 месяцев до 1,5 лет, а окружному суду подсудны дела лишь о кражах на сумму свыше 2000 руб., и в первый раз виновные подлежат лишению всех особенных прав и преимуществ и отдаче в исправительные арстантские отделения по 4-й степени 31-й статьи Уложения о наказаниях, а во второй раз, отдаче в те же отделения по 1-й степени 31-й статьи Уложения о наказаниях. Увеличение цены похищенного при подсудности дел о кражах мировым установлением до пределов, установленных Уставом гражданского судопроизводства. т.е. до суммы 2000 руб.

Патушинский Григорий Борисович

8). Суд присяжных заседателей - это по выражению ученых юристов «проводник народной правды, воплотитель справедливости и совести и лучшее проявление духа общественности», до настоящего времени введен не на всей территории Временного Сибирского правительства. Нет этой лучшей формы суда во всем округе Иркутской судебной палаты. Но принимая во внимание, что без суда присяжных заседателей, благотворное начало судебных уставов 20 ноября 1864 г. лишено своей почвы, своей основы; без суда присяжных они не в состоянии оказать благотворного влияния на народ и на развитие в нем правового чувства и истинной законности, министерство юстиции принимает меры к скорейшему улучшению суда присяжных в округе Иркутской судебной палаты. Во исполнение сего истребованы от старшего председателя названной палаты в срочном порядке все материалы и статистические сведения по сему вопросу, ибо, по получении таковых, министерство не применит дать по этому вопросу быстро надлежащего разрешения в смысле полной и безусловной необходимости немедленного введения суда присяжных в пределах восточной Сибири.

9). Одной из самых неотложных задач министерства юстиции в данный момент является разделение следственных и мировых функций созданного Муравьевым типа двуединого Сибирского суда, который ни в какой мере не может удовлетворять потребности в суде скором, доступном и близком населению. Протоестественное соединение функций следователя и мирового судьи одинаково тягостно давит как на население, так и на самого мирового судью. Однако столь благотворная реформа не может быть в настоящий момент осуществлена вследствие отмеченного выше катастрофического положения в личном составе судебных деятелей, ибо реформа эта непрерывно связана со значительным увеличением числа как судебных следователей, так и мировых судей. Наконец в целях создания истинно народного суда на всем обширном пространстве Сибири и согласования существующих судебных учреждений с новым политическим строем и требованиями общественной жизни необходимо: во-первых, введение в Сибири местного суда с применением к сибирским условиям закона от 15 июня 1912 г. о преобразовании местного суда и внесенных в этот последний, постановлением Временного Российского правительства от 4 мая 1917 г., изменения, в смысле большей демократизации суда. Во-вторых, обновление состава присяжных заседателей в соответствии с постановлением Временного Российского правительства от 21 сентября 1917 г. и, в-третьих, учреждение туземного суда для туземных народностей, проживающих в пределах Сибири и управляющихся в своих делах по своим обычаям.

В заключение необходимо сказать, что министерство юстиции Временного Сибирского правительства, несмотря на встречаемые затруднения, ставит себе в неперемнную заботу наладить и улучшить надлежащим образом судебный аппарат в Сибири, приспособить его к новым условиям жизни и пойти навстречу заявленному самим народом правосознанию, дабы достичь таким путем торжества закона, истинного правосудия и уважения к достоинству сибирского суда.

Министр юстиции ГРИГОРИЙ ПАТУШИНСКИЙ (подпись)
И. об. начальника 2-го отделения министерства юстиции
(подпись неразборчива)

*ЦА ФСБ РФ. Арх. №Н-501. Д. 10. Л. 57-61.
Машинопись, подлинник.*

Документ 5

Докладная записка управляющего министерством народного просвещения

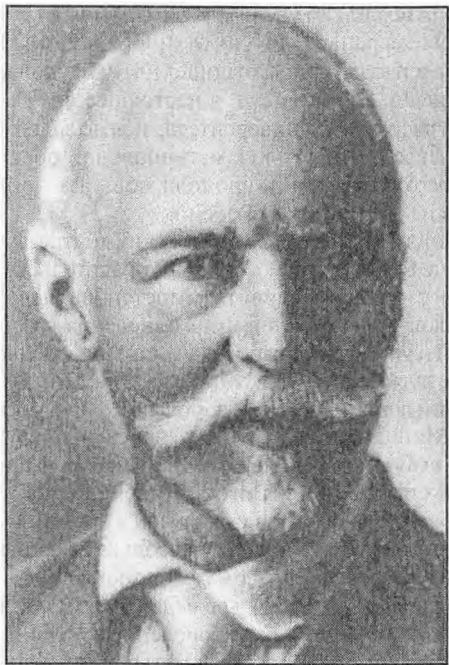
31 июля 1918 г.

Министерство народного просвещения приступило к работе 25 июня почти с чистым листом бумаги в руках, т.к. никаких материалов, более или менее современных, в его распоряжении не было, если не считать справочной книжки по Западно-Сибирскому учебному округу, которая далеко не охватывает всей уже освобожденной территории Сибири. Материалы, имевшиеся в управлении Западно-Сибирского учебного округа, в свое время были захвачены Томским советом депутатов, частью уничтожены, частью перепутаны, и притом то, что сохранилось, осталось в Томске. Министерству предстояло прежде всего построить центральное управление, комплектование служащих, которое и в настоящее время далеко не закончено, вследствие крайнего недостатка подходящих лиц в Омске и отказа опытных служащих приехать из Томска. Конструкция центрального управления намечена в следующей форме: министерство, находясь в общем заведовании управляющего министерством и его помощника (вакансия), должно включать в себя двух директоров отделов народного просвещения и общих дел (вакансия) и распределять ближайшее заведование между восемью отделениями: высшая школа, средняя школа, высших начальных училищ, начальных училищ (вакансия), внешкольного, дошкольного образования (вакансия), специальных училищ, статистики (вакансия), счетного и пенсионного (вакансия), книгоиздательства и учебных пособий (вакансия). Из этих восьми отделений высшая школа должна быть поручена помощнику управляющего, специальные училища временно поручены директору отдела народного просвещения, средние учебные заведения и высшие начальные училища имеют своих заведующих, а остальные отделения обслуживаются по мере возможности теми же лицами, но это совершенно ненормально в виду большого объема работы. Слабо также представлен штат канцелярских служащих. Две машинистки работают на чужих машинах, которые во всякое время могут быть отобраны, а приобрести их в городе невозможно. Вообще конструирование канцелярии министерства встречает много затруднений, и наличному совершенно недостаточному штату приходится перенапрягаться до последней возможности. Высшая школа представлена в Сибири Томским университетом, Томским технологическим институтом и высшими женскими курсами в Томске, получившими при Временном Российском правительстве автономии, [и] требует меньших забот центрального управления своей внутренней жизнью. Министерство полагает, что высшие учебные заведения должны в настоящее время держаться основных положений, выработанных на съезде при министерстве народного просвещения в июне 1917 г. и подтвержденных позднейшими распоряжениями Временного Российского правительства. Одну из ближайших задач министерства должно составлять учреждение, при первой обозначившейся возможности, новых высших школ в таких центрах, как Иркутск, Хабаровск, Владивосток, а равно учреждение института исследований, который заменил бы для Сибири Российскую Академию наук. Все высшие школы Сибири, вместе с институтом исследований, несомненно, разовьют до надлежащей высоты дело с естественными силами и богатствами обширной Сибири и создадут многочисленные источники ее процветания, не говоря уже о том, что высшие школы создадут кадры преподавателей, необходимые для средних учебных заведений, чис-

ло которых растёт с каждым годом и будет расти во много раз сильнее, если принять во внимание, что в ближайшее же время население Сибири должно сильно увеличиться. Сибирь, вероятно, единственная составная часть России, выздоровевшая раньше других от политической разрухи, будет играть выдающуюся роль в промышленном и культурном отношении, и она должна быть готова к этой роли созданием новых высших школ. В частности, в настоящее время по инициативе иркутян ведутся переговоры об открытии в Иркутске университета, и дело задерживается некоторыми осложнениями с помещением, невыясненностью с материальной обеспеченностью университета, а также неуверенностью, что в состоянии продолжающейся войны можно рассчитывать на скорый приезд профессоров из Европейской России.

Средние учебные заведения требуют большого вмешательства как со стороны их внутреннего устройства, так и со стороны их числа. Как известно, еще Временным Российским правительством был внесен законопроект, который имел в виду, с одной стороны, увеличить компетенцию педагогических советов, с другой, приблизить среднюю школу к населению путем введения в совет представителей земского и городского самоуправления и установления подведомственности школ губернским земствам. Проект этого частично осуществляется, еще не будучи утвержденным, в некоторых средних школах, особенно за время советской власти, что было необходимо при фактическом упразднении учебного окружного начальства. Министерство народного просвещения уже провело через совет министров временные правила о выборном начале в средней школе, расширив компетенцию педагогических советов, пополненных представителями общественных самоуправлений и родительских комитетов. Вместе с этим, советом министров утвержден и другой законопроект министерства о перевыборах всех педагогов в ближайшее время в несколько пополненных педагогических советах в виду предоставления им автономий с правом самопополнения. Что же касается второй стороны реформы, а именно передачи средней школы в ведение земства, то, признавая эту меру принципиально правильной, совет министров нашел проведение ее в данный момент несвоевременной, ввиду того, что молодое неокрепшее сибирское земство, разогнанное советской властью вскоре после своего рождения, вновь возникло лишь 1-2 месяца тому назад и то далеко не везде и в настоящее время едва ли будет в состоянии справиться с новой сложной задачей, тем более, что на нем лежит немалая задача по заведению начальными школами. Как только обозначится возможность этой реформы, она, конечно, немедленно будет проведена в жизнь, что в значительной степени разгрузит работу центрального управления. На ближайший год министерство намерено, как это не обременительно, оставить среднюю школу в своем непосредственном заведении, осуществляя контроль через представителей министерства. Средняя школа, как известно, имеет несколько типов, имеющих различные программы, и особенно большая разница имеет место между мужскими и женскими школами. Принимая во внимание, что в настоящее время женщина признана наравне с мужчинами вполне способной проходить университетский курс, вытекает сама собой необходимость уравнивать программы мужской и женской гимназий. При этом возникает вообще вопрос о пересмотре программ, для чего должны быть привлечены мнения педагогических советов, поэтому министерство, не внося изменений в программы в данный момент в виду близости начала занятий, намечает заняться этим вопросом в ближайшее зимовье и созвать для окончательной выработки программ съезд педагогов средней школы.

Высшие начальные и начальные училища уже Временным Российским правительством переданы в заведение земств, и за министерством остается лишь обязанность общего контроля за ведением учебного дела и расходованием кредита, который должен осуществляться через представителей министерства, на которых должна лежать также роль инструкторов. Не внося в данный момент изменения в программы, министерство в ближайшем учебном году намерено предпринять необходимые шаги в направлении осуществления принципов единой школы. Для этого потребуется или соответствующее пополнение курса высших начальных училищ, или некоторые изменения в младших классах средних учебных заведений. Вместе с тем, министерство принимает к своей непрременной обязанности разработать план школьной сети, чтобы совместно с земствами приблизиться к осуществлению всеобщего обучения, полагая, что только грамотный народ может проникнуться сознанием твердой государственности, необходимой для прочного строительства жизни страны. В преследование той же цели настоятельно необходимо осуществить планомерную работу в области внешкольного и дошкольного образования. В Сибири, где свыше 70% неграмотных, внешкольное образование должно сыграть особенно важную роль. В первую очередь необходимо озаботиться созданием вечерних классов и школ грамотности для взрослых, поставив их на прочный материальный базис, организовать в наиболее культурных центрах курсы для подготовки инструкторов и деятелей по внешкольному образованию; необходимо также прийти на помощь земствам и различным обществам, преследующим

Сапожников Василий Васильевич

задачи внешкольного образования и физического развития, пробудить общественную самостоятельность путем поощрения организации местных интеллигентных сил деревни в общества народных домов. Наконец чувствуется настоятельная потребность создания печатного органа, в котором находили бы отражение возникающие в различных местах Сибири мероприятия, проекты, освещалась теория и практика внешкольного и дошкольного образования.

Отдельный вопрос представляет устройство специальных школ (промышленных, технических, фельдшерских, художественных и тому подобное), которые находились до сего времени в различных ведомствах. Вопрос об их подведомственности должен разрешиться по соглашению с министерством в ближайшее время, т.к. крайний недостаток техников, образованных ремесленников, фельдшеров является серьезным препятствием для развития промышленности. В неопределенном положении сейчас находятся духовные школы, а равно преподавание закона Божьего во всех школах. Их судьба будет выяснена после принципиального решения вопроса об отношении церкви и государства. Если сойдется отделение церкви от государства, то духовные школы должны будут содержаться на

особые средства духовных общин или реорганизоваться в средние школы нормального типа с переходом их в министерство народного просвещения. Пока на ближайшее полугодие министерство проектирует оставить духовные школы в первоначальном положении и испрашивать кредит на личный состав, не предрешая дальнейшей их судьбы. Принимая во внимание, что невысокий уровень знаний во всех наших школах зависит от недостаточной опытности учительского персонала, министерство полагает, что в контакте с учительскими организациями необходимо создание курсов и периодических съездов учителей, на которых преподаватели могли бы совершенствоваться, слушая лекции избранных педагогов и в живом обмене мнений черпать опыт в деле просвещения. Текущим летом министерство уже поддержало курсы, организованные в Томске, выдав субсидию более 60 тыс.руб. Общий вопрос, касающийся всех школ, - это кредиты на их содержание. Оплата преподавательского труда, ввиду необычайного вздорожания жизни, оказывается беспримерно низкая, большая часть преподавателей получает вознаграждение едва равное служащим и значительно ниже жалования канцелярских служащих, несмотря на прибавку (не везде получающуюся) на дороговизну жизни. Отсюда делается понятным, что многие учителя склонны оставлять педагогическое поприще и принимать места, хотя и не соответствующие их образовательному цензу и идейным стремлениям, но обеспечивающие от голода их семьи. Повышение вознаграждения как учителей, так и профессоров, дает возможность привлекать к школе лучшие педагогические силы. Выработанные министерством ставки по средней начальной школе уже утверждены советом министров. Вместе с этим, в настоящее время заканчивается составление общей сметы на содержание министерства народного просвещения, которая на предстоящее полугодие выразится суммой свыше 70 млн.руб., в составлении сметы большую помощь министерству оказала комиссия по народному образованию при областной Думе. Смета достигла крупных размеров, но будем помнить, что знание есть залог богатства и силы страны, что каждая затраченная копейка вернется государству рублем.

Управляющий министерством народного просвещения,
профессор В.САПОЖНИКОВ (подпись)

*ЦА ФСБ РФ. Арх.№Н-501.Д.10.Л.47-49.
Машинопись, копия.*

(Продолжение следует)

- ¹ Биографию см.: Шиловский М.В. Вологодский Петр Васильевич //История Белой Сибири в лицах. -СПб.,1996. -С.7-10; Дмитриев Н.И. От провинциального адвоката - в премьеры (П.В.Вологодский) //Интеллигент в провинции. -Екатеринбург,1997. -Вып.1. -С.97-101.
- ² См.: Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. -М.,1970. -С.102-108; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. -М.,1983. -С.67-71; Лившиц С.Г. Временное Сибирское правительство (июль-ноябрь 1918 г.) //Вопросы истории. -1979. -№ 12. -С.98-100; Соловейчик А.С. Борьба за возрождение России на Востоке (Поволжье, Урал и Сибирь в 1918 году). -Ростов-на-Дону,1919. -С.25; Спирин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917-1920 гг.). -М.,1968. -С.267.
- ³ Вологодский П.В. Из хроники антибольшевистского движения в Сибири. -Харбин,1924.
- ⁴ Временная Сибирская областная Дума. Стенограф. отчет. Сессия 2-я. Заседание 1-е. -Томск,1918. -С.11.
- ⁵ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. -С.72.
- ⁶ Там же. -С.69.
- ⁷ См.: Литература последних лет по истории Белой Сибири. Библиограф. указатель. -Кемерово,1999.
- ⁸ См.: Шиловский М.В. Сибирская областная Дума (август-ноябрь 1918 г.) //История Белой Сибири. Тез. 3 науч. конф. -Кемерово,1999. -С.23.
- ⁹ Дроков С.В. Государственному делу преданы... //Белая армия. Белое дело. -1999. -№ 6. -С.81.
- ¹⁰ Биографии см.: Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. -М.,1994; История Белой Сибири в лицах; Дмитриев Н.И., Смирнов С.В. Жертва общественного долга //Белая армия. Белое дело. -2000. -№ 8. -С.75-84; и др.
- ¹¹ Авксентьев Н.Д. Государственный переворот Колчака //Гражданская война в Сибири и Северной обл. Сб. док. -М.-Л.,1927; Аргунов А.А. Между двумя большевиками. -Париж,1919; Он же. Рецензия на кн.: Гинс Г. Сибирь, союзники и Колчак //Современные записки (Париж). -1921. -№ 6; Зензинов В.М. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске. -Париж,1919; Он же. Из жизни революционера. -Париж,1919.
- ¹² Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. -С.71.
- ¹³ ЦА ФСБ РФ. Арх.№Н-501.Д.10.Л.78.
- ¹⁴ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. -С.69.
- ¹⁵ См.: Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура. Проблемы источниковедения советской истории //Под ред. Соколова А.К. -М.,1994. -С.393-394.
- ¹⁶ См.: Дроков С.В. Следственное дело А.В.Колчака как источник по истории Гражданской войны в Сибири. Автореф. дисс... канд. ист. наук. -М.,1998; Он же. Некоторые проблемы истории Гражданской войны в Сибири //Вопросы истории. -1999. -№ 6.
- ¹⁷ ЦА ФСБ РФ. Арх.№Н-501.Д.10.Л.39-46,64-67,76,85-86.

Публикацию подготовил Дроков С.В.

ИЗ ИСТОРИИ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ БРИГАДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРАЖИ*

Ареной ожесточенных боевых действий между белыми и зелеными и обороняющимися красными стал Балашовский уезд. Стык трех губерний - смежные районы Новохоперского, Борисоглебского и Балашовского уездов - был в мае-июле 1919 г. центром самостоятельного повстанческого движения, которое во многом облегчило наступление Донской и отчасти Кавказской армий. Балашов занимался белыми дважды, с трехдневным перерывом (21-25 июня и 28 июня-6 июля). Несмотря на кратковременность присутствия, значительная часть этого обширного, густонаселенного уезда была освобождена. Одновременно началось восстановление государственного и земского управления, в том числе полицейских сил. Эта работа оказалась связана с именем подполковника Гаврикова, чья эпопея хорошо иллюстрирует процесс строительства стражи фактически во фронтовых условиях.

В приказе Саратовского губернатора № 4 от 1 июля предписывалось состоявшему в распоряжении командира Царицынской городской стражи подполковника Гаврикова допустить к исполнению должности начальника Камышинской уездной стражи с прикомандированием к канцелярии губернатора для формирования стражи этого уезда. Однако уже 14 июля губернатор предписал начальнику ст. Царицын перевезти до ст. Поворино чинов администрации Балашовского уезда во главе с начальником уезда подполковником Гавриковым (трех офицеров и пятых солдат). Приказ губернатора № 32 от 20 июля гласил: «И. д. начальника Камышинской уездной стражи подполковника Гаврикова, командированного в Балашовский уезд в район действий Донской армии для получения нужных сведений о времени возможности гражданской власти вступить в отправление ее обязанностей и для предварительных работ по организации сельских и волостных учреждений, допускаю до вр. исп. дол. начальника Балашовского уезда». Вместе с Гавриковым отправилась и. д. пристава Камышина Гомазов и и. д. пристава Камышинской уездной государственной стражи (ГС) прапорщик Сергеев¹.

Предписание губернатора требовало перед командированием в Балашовский уезд получить сведения от старшего из военных штабов, какой район уезда может быть передан гражданскому управлению, о чем немедленно донести. Если военные власти разрешат, «немедленно приступить к формированию разрушенного большевиками аппарата государственной стражи, существовавшего до Государственного переворота, и произвести, руководствуясь положением о сельских и волостных выборах, выборы волостных старшин, сельских старост, сотских и десятских, дабы из них на первое время организовать сельскую охрану до сформирования уездной государственной стражи. Тем же сходам необходимо предложить выделить из состава самих же сельчан необходимое на первое время количество, как кадр, будущих чинов стражи, организовать их в отдельные управления, уездные приставства и волостные участки, поставив во главе их надежных людей из рекомендованных сходами опытных, честных и расторопных чинов для временного и. о. начальников в таких управлениях». Гавриков уполномочивался приглашать и допускать к и. о. чинов администрации и стражи. На разъезды и содержание выделялся аванс - 20 000 рублей, для осведомления населения - распоряжения правительства и объявления губернатора. В помощники разрешалось выбрать лучших из резерва ГС².

С 26 июля до 6 августа считались в командировке за собственными лошадьми 22 стражника. В большинстве они направлялись в Мало-Ивановку. Насколько можно понять, речь шла о молодой страже Балашовского уезда. Большая часть стражников вернулась с некоторым опозданием 7-9 августа, то есть к моменту отступления с территории уезда. Приказом ГС № 35 от 16 августа предписывалось прикомандировать к резерву 22 чина Балашовской уездной стражи с 11 августа, среди которых помощник начальника стражи, 4 старших и 17 младших стражников. Вероятно, эти люди и стали основным костяком стражи Балашовского уезда, но реально приступить к исполнению собственно полицейских обязанностей у них времени и возможности не было³.

5 августа и. д. начальника отдела общих дел подполковник Петухов передал комбригу распоряжение командировать подполковнику Гаврикову трех вполне надежных стражников взамен

* Окончание. Начало см.: Белая армия. Белое дело. - 2000. - №8.

имевшихся у него и не соответствовавших своему назначению. Однако эта помощь пришла опять-таки к моменту сворачивания деятельности на территории уезда. 10 августа Гавриков донес об оставлении им 7 августа на ст.Поворино, ввиду военных обстоятельств, канцелярий как уездного управления, так и Балашовских городской и уездной стражи, а также собственных документов и имущества. 18 августа, по распоряжению военных властей об очищении линии Поворино - Царицын, подполковник Гавриков вместе с приставом Гомазовым и четырьмя стражниками прибыл в Царицын, но тут же был эвакуирован, а 28-го доложил о своем приезде в Геленджик, где получил приказ вице-губернатора отправиться в распоряжение комбрига. Чины стражи при этом были откомандированы в Новороссийск как место эвакуации резерва ГС⁴.

Ситуация запуталась. 30 сентября комбриг в отношении губернатора описал предысторию вопроса: в штабе ГС в списке чинов, предназначенных в бригаду, значился и подполковник Гавриков на должность пристава Царицына. Однако по приезде выяснилось, что Гавриков приказом от 1 июля уже допущен вр. и. д. Камышинской уездной стражи. В приказе губернатора от 20 июля он упоминался уже как вр. и. д. начальника Балашовского уезда. Приказом от 3 августа (на самом деле - 3 сентября) подполковник был отправлен в распоряжение комбрига. Но на какую должность? Дело в том, что еще 13 августа комбриг писал губернатору о прибытии ротмистра Тяпкина и просил допустить его к исправлению должности командира Балашовской уездной ГС с 7 августа. При этом подполковника Обера, вр. и. д. командира Балашовской уездной стражи, предполагалось допустить к и. д. командира Камышинской стражи с 1 августа, с допущением вр. и. д. командира Камышинской стражи подполковника Гаврикова приставом Царицына. Таким образом, Гавриков попадал на предназначенную должность за считанные дни до эвакуации. Вообще вся эта пуганица очень характерна, так как дело постоянно требовало людей, и согласование министерских предназначений и реального исполнения обязанностей часто давало сбои. Вице-губернатор 10 октября разъяснял комбригу, что Гаврикова следует считать прикомандированным на должность пристава Царицына⁵.

Приказом № 61 от 5 сентября подполковник Гавриков был освобожден от должности с откомандированием в распоряжение комбрига и уволен в двухнедельный отпуск «во все города России» по 18 сентября. 19 сентября он сообщил о возвращении в Геленджик, а 24-го доложил губернатору о своем отправлении согласно предписанию в распоряжение комбрига⁶. Дальнейшая жизнь и служба этого штаб-офицера по имеющимся документам не прослеживается.

Из Царицына чины, управление ГС и ее резерва, за исключением городской стражи, выехали 18 августа, на следующий день после эвакуации гражданских управлений. Генерал-майор Манойлов доносил о своей эвакуации 19 августа с чинами управления, резерва и уездной стражи в Новороссийск и о прибытии в этот город 23 августа. В тот же день гражданские управления (губернское и три уездных) и ГС (за исключением Царицынской городской и части уездной) прибыли в Геленджик, за неимением свободных мест в Новороссийске⁷.

Накануне эвакуации командир Царицынской городской стражи В.Н.Заседов обратился к комбригу с просьбой передать резерв и уездную стражу в его ведение «для несения усиленной патрульной и постовой службы». Заседова не устраивало, что все подразделения эвакуируются, а охрана города возлагается лишь на городскую стражу. При отказе в просьбе он был готов снять с себя ответственность за беспорядки и грабежи. В тот же день, 16 августа, В.Н.Заседов отправил письмо и губернатору. В нем говорилось, что городская стража имеет не полный состав. К тому же ее хотят подчинить военным. При этом все высшие чины городской стражи не офицеры и не военнообязанные. Стража не снабжена ни обозом, ни лошадьми, ни кухнями, ни врачом, ни достаточным вооружением, снаряжением и теплой одеждой. При отступлении в последнюю минуту при таких условиях только зря погибнут опытные полицейские кадры⁸. Несмотря на перечисленные трудности, городскую стражу все же оставили в городе и, так как Царицын удержался, она смогла избежать трагической судьбы. При этом были и отличившиеся. Приказом Кавказской армии № 427 от 22 сентября чины 7 участка ГС Царицына А.Ильичев (№ медали 108 936) и И.Тарасов (№ медали 108 940) «за проявленные ими подвиги самопожертвования» награждались Георгиевскими медалями 4 степ. В приказе говорилось, что «23 августа 1919 г. во время наступления большевиков на город Царицын, стоя на посту у почтового отделения при поселке Французского завода и поддерживая телефонную связь с канцелярией государственной стражи, несмотря на то, что поселок находился в сфере действительного огня и в последний уже ворвались конные матросы, проявили выдающееся самоотвержение и мужество, оставаясь до последней минуты на посту, покинув таковой после отхода войсковых цепей, при чем Ильичев был ранен в спину, а Тарасов временно пленен большевиками»⁹.

3 сентября командующий бригадой ГС докладывал губернатору, что отправление эшелона бригады со ст.Новороссийск на ст.Тихорецкая намечено на 5 сентября. В свою очередь, комбриг

предписал своему помощнику Н. Арнольди отправляться с эшелонам до Торговой, и в случае распоряжения об изменении маршрута следовать в Пятигорск. Это вызвало нервную реакцию губернатора, который указал, что стража, как и все учреждения, подчиняется губернатору и перемещаться без его ведома не может. К тому же 3 сентября В. В. Ермолов объявил приказом о своем вступлении в главное начальствование над частями ГС губернии с 22 августа. В соответствии со ст. 97 Временного положения о ГС комбригу предлагалось делать представления губернатору обо всех предполагаемых назначениях по страже для отдания соответствующих приказов о допусках к должностям.

Губернатор еще при эвакуации просил П. Н. Врангеля разделить губернское управление и стражу (последнюю предлагалось направить в Пятигорск). Врангель не согласился и предписал всех эвакуировать в Новороссийск. Теперь же выяснялось, что Черноморская губерния не может разместить в городе управление бригады. В то же время в Новороссийск вернулись команды из командировок, и здесь собралось уже до 100 стражников. Комбригу предлагалось избрать какой-либо другой пункт по направлению к Царицыну, и в нем пока обосноваться с управлением. Резерв следовало направить по дороге на Царицын, а в случае разрешения военных - вернуться в город¹⁰.

Уже после эвакуации вице-губернатор предписал командиру резерва командировать 33 стражника в Геленджик. 16 сентября В. В. Ермолов проинформировал коменданта Геленджика о перемещении ГС в другой пункт и сохранении в городе небольшой команды для несения службы при губернском управлении. Всего оставалось 36 стражников, из которых около десяти подлежали скорой отправке. С 25 сентября оставшимися при губернском управлении чинами стражи являлись: подпрапорщик Я. Сияшин, 7 унтер-офицеров, 10 стражников, 4 казачьих урядника и 6 казаков. Еще семь человек тем же приказом зачислялись в команду дополнительно. Всего она насчитывала 35 человек. 8 января 1920 г. на Геленджик напали зеленые и заняли его. В результате боя были убиты помощник командира бригады полковник Н. Арнольди и четыре стражника, два стражника получили ранения. В плен попали ротмистр Никольский, казначей резерва есаул Поляков с казенными суммами, два чиновника и 20 стражников. Комбриг в это время находился в командировке в Новороссийске, и во временное командование бригадой вступил и. д. командира резерва ротмистр М. Г. Деконский. В Геленджике зеленые разграбили цейхгауз губернского резерва: были похищены 571 английская винтовка с 40 000 патронов, 14 шинелей, 40 папах, личные вещи отсутствовавших стражников, все вещи командира городской стражи Царицына, двадцативедерный котел. Дела канцелярии резерва были сожжены. Этот бой практически положил конец небольшой команде стражи, находившейся при губернском управлении. Велики были и потери материальной части, если учесть постоянные трудности со всеми видами довольствия¹¹.

20 сентября Манойлов донес об отправлении с эшелонам бригады со ст. Новороссийск на ст. Торговая на основании предписания Черноморского военного губернатора от 27 августа и предписания начальника штаба ГС от 30 августа. О полицейской или боевой деятельности основных сил бригады после этого перемещения информацией мы пока не располагаем¹².

Одним из важных показателей состояния части является масштаб и характер нарушений и проступков. 18 июля командир резерва предписал: «За последнее время самовольные отлучки стражников без увольнительных записок вошли как в обычай. Приказываю прекратить это явление. Стражники являются воинскими чинами и не только подчиняются всем военным правилам, а должны как блюстители порядка, показывать пример в строгом исполнении установленных правил». Разрешалось отпускать треть свободной от наряда стражи. Тем же приказом стражник резерва А. Смолин за нарушение обязанностей дневального был арестован строгим арестом на 10 суток. 23 июля было проведено служебное расследование по поводу пьянки двух стражников резерва. 27 июля стражник Пчелинцев «за самовольную отлучку и неуместные выражения в поданной им докладной записке» арестован на 15 суток строгим арестом. Приказ № 27 от 8 августа сообщал о происшествии: стражник якобы ложно передал приказ комбрига вывести людей на занятия. Командир пешей сотни получил на вид, а сам стражник - 2 суток ареста.

13 ноября уже в Геленджике и. д. губернатора В. Андрияновым был отдан приказ № 11 по ГС: двух стражников резерва, кубанских казаков, находившихся в командировке в этом городе, «за неодобрительное поведение и нерадение по службе» откомандировать обратно в резерв для отправления в действующую армию; унтер-офицера резерва, находящегося в Геленджике, за пьянство и самовольные отлучки арестовать на 10 суток на гауптвахте. Следующим приказом последовали организационные изменения: по случаю ареста подпрапорщика Я. Сияшева за нетрезвый образ жизни и нанесение оскорблений словами и действиями заведующему отделом стражи в Геленджике Лазареву и угроз начальнику отдела Саратовского губернского управле-

ния поручику Ермолову - старшим команды резерва ГС в Геленджике назначен унтер-офицер Ф.Ф.Копылов.

25 ноября и. д. губернатора отдал приказ № 14 во исполнение предписания главкома № 32698 от 14 ноября: стражникам с 19.00 находиться в казарменных помещениях, в крайнем случае отлучаться в город лишь с разрешения губернатора или заведующего отрядом стражи в Геленджике. «Бесчинствам, пьянству и карточной игре не может быть места в страже, так как эти позорные явления и пороки будут наказываться мною самым беспощадным образом вплоть до передачи виновных военно-полевому суду и отсылки на фронт».

В. Андриянов в отношении станичному атаману станицы Пашковская требовал разыскать не вернувшихся в срок из отпуска двоих казаков этой станицы, саратовских стражников, и выслать их к месту служения.

Случались служебные неприятности и с классными чинами. 2 августа хорунжий Мирошниченко был в «последний раз» предупрежден о беспорядочном несении службы в доме губернатора. Приказом начальника гарнизона Царицына от 8 сентября командир городской стражи надворный советник В.Н.Заседов был временно отстранен от должности, 17 сентября арестован и 20-го судим военно-полевым судом. Он обвинялся в неведении денежной отчетности, присвоении вверенного имущества, промедлении из личных видов в отсылке по принадлежности вверенных денег и предложении взятки должностному лицу с целью склонить его к совершению подлога. Суд признал обвиняемого виновным с несколько смягченными формуировками и назначил наказание - восемь месяцев тюрьмы. Приказом комбрига от 2 октября Заседов был исключен из списков бригады, в. и. д. командира Царицынской городской стражи назначен полковник Захаров.

26 октября через корпусный суд производилось освидетельствование умственных способностей полковника Вика. Род проступка остается неизвестным. Врачи заключили, что он страдает начальной стадией прогрессивного паралича и в силу этого заболевания способен по временам приходиться в возбужденное состояние, доходящее до полного аффекта. Оставаться на военной службе он более не может. Суд принял заключение экспертов и дело прекратил¹³.

Повседневная служба стражи была наполнена весьма разнохарактерными событиями. 26 июля пристав 2 части Царицына задержал бывшего комиссара городского хозяйства С.Д.Беляева. В этот же день, в 16.10 на предприятии «Русского акционерного общества артиллерийских заводов» произошли взрывы снарядов, в результате чего загорелись мастерские. Были вызваны войска и пожарные. До их прибытия пожар тушили пристав с двумя надзирателями и 18 стражниками. Им удалось спасти около 150 вагонов имущества, из которых 25 с артиллерийскими снарядами¹⁴.

Об обстановке в Царицыне и несении службы дают представление суточные рапорты и записки командира городской стражи за 27 июня-16 августа 1919 г.

27 июня - пять человек совершили кражу под видом обыска; задержан бывший командир Особого советского гражданского полка Иван Жахов, в прошлом - царицынский городовый.

28 июня - задержаны казначей Царицынского военкома В.Заморонов и коммунист И.М.Рясин, а также семь красноармейцев, выздоровевших в больнице Французского завода после ранений и тифа; кража у персидского подданного; самоубийство телеграфиста в болезненном состоянии.

30 июня - убийство с ограблением персидского подданного единоплеменниками; две кражи. в том числе похищение часов-браслета из квартиры князя Джурича.

2 июля - сведений о происшествиях не поступало.

3 июля - заявлений о происшествиях не поступало. В ночь на 3 июля был ограблен городской музей.

4 июля - три кражи; задержание - красного офицера Т.Тимофеева; бывшего советского комиссара милиции Л.Мотина, обвинявшегося в незаконных реквизициях, вымогательствах, присвоении вещей; Г.В.Башера, за разграбление квартиры Жарикова при советской власти на 29 305 рублей; шести выписавшихся из больницы в красноармейцев.

5 июля - кража, покушение на кражу.

7 июля - пять краж.

8 июля - кража; обнаружение трупа мужчины в овраге за Французским заводом.

10 июля - изъятие обнаруженного днем ранее в районе Французского завода склада оружия: 7 ручных бомб, из них 4 без трубок; исправного пулемета «Кольт»; 24 кругов к пулемету «Льюиса»; 5 снаряженных лент к пулемету «Кольта»; 140 русских и японских винтовок, в том числе 29 неисправных; 1500 патронов к ним (годным оружием было решено вооружить стражу, негодное - сдать на артиллерийский склад); заявление об изнасиловании; покушение на кражу; негодник заявил об ограблении; случай смерти от холеры; обнаружение утопленника.

11 июля - заявлений не поступало.

13 июля - три кражи и пожар.

14 июля - несчастный случай - мальчишка попал под трамвай; нападение троих неизвестных на домовладельца - подоспели патрули; две кражи.

15 июля - кража, смерть от холеры; два убийства (на квартире сбытчика краденого при дележе добычи известный рецидивист засгрелил хозяина и его брата, сам скрылся за Волгу, трое соучастников задержаны).

16 июля - две кражи и находка подкидыша.

17 июля - кража; находка подкидыша; утонул ребенок; задержание дезертира и трех коммунистов во время ночной облавы приставам 2 части.

19 июля - вооруженный грабеж аптеки; убийство обывателя; обнаружение трупа убитого военнопленного мадыря; кража, смерть от холеры.

20 июля - кража; дебош - ночью четыре офицера и военный чиновник, пьяные, ворвались в квартиру с целью обыска, один выдавал себя за пристава, требовали содействия от двух проходивших стражников. Пристав прибыл с офицерами комендатуры и задержал дебоширов.

21 июля - заявлений о происшествиях не поступало.

22 июля - взрыв снарядов и пожар на складе на берегу Волги, сгорели вагоны с орудиями, фуражом, продовольствием, одеждой. Один солдат убит, двое тяжело и один легко ранены; два пьяных стражника провели самочинный обыск и были задержаны; самоубийство; побег арестанта, который был вскоре пойман вместе с подельником-рецидивистом.

23 июля - обнаружение похищенного; кража; смерть на воде; обнаружено убийство с грабежом домовладельцы.

24 июля - самоубийство; четыре кражи; задержан активный большевик И. Мутовкин.

25 июля - кража; находка подкидыша; задержание шайки из пяти человек, которая совершила в период 12-22 июля ряд краж.

26 июля - по требованию атамана станицы Иловлинская задержаны бывший красный комендант этой станицы Яков Чурсин и его помощник Ф. Соловьев, «изобличенные в яром большевизме и насилии над казачеством».

28 июля - заявлений не поступало.

29 июля - кража; покушение на кражу; покушение на самоубийство из-за семейных неурядиц.

30 июля - пять офицеров-казаков явились в Общественное собрание, распили принесенную водку, а затем стали буянить: избивали официантов и отобрали деньги; задержаны казаки, похитившие театральные костюмы, скатерти, мармелад и т.п. После разбирательства они были отпущены, кроме есаула Астраханского казачьего войска Николая Чурбанова. При нем оказалась часть похищенных театральных костюмов. На вопросы он отвечал, что помнит только ссору с есаулом-астраханцем Склярковым и более ничего.

31 июля - обнаружен труп убитого мужчины; пьяная драка четырех человек, из которых один ранен перочинным ножом; по делу о буйстве офицеров в Общественном собрании комендантом арестованы полковник Кубанского пластунского батальона Серафимович и поручик того же батальона Покровский.

1 августа - заявлений не поступало.

2 августа - солдат 1 Донской инженерной сотни гяжею избил на базаре торговца.

4 августа - заявлений не поступало.

6 августа - заявлений не поступало.

7 августа - кража со взломом; убийство с ограблением.

8 августа - заявлений не поступало.

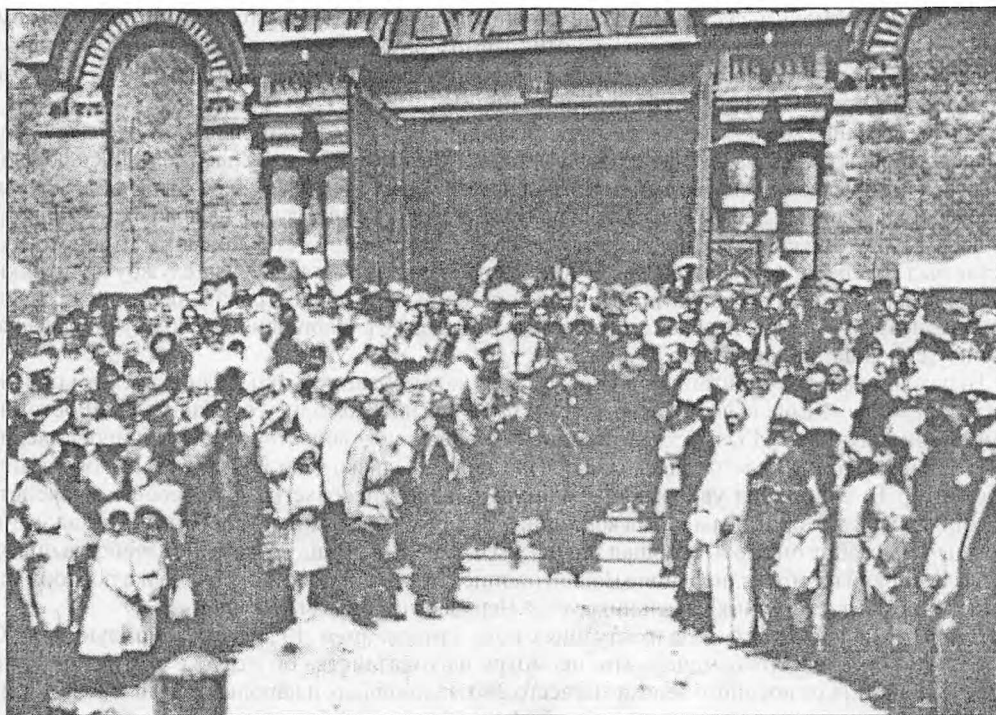
11 августа - заявлений не поступало.

12 августа - на месте преступления захвачены три человека, пытавшихся вынести из магазина готового платья продукцию обмундировочной мастерской Кавказской армии, временно помещавшейся в магазине.

13 августа - убийство домовладельца вместе с семьей из трех человек; попытка ограбления в лавке; кража; офицерский дебош - 15 пьяных офицеров перессорились в Скорбященском салу; убийство и самоубийство; ссора и драка.

16 августа - заявлений не поступало; задержан подозреваемый в убийстве; арестована шайка грабителей - пристав и два участковых надзирателя задержали в разных концах города шесть человек, участвовавших по трое в двух ограблениях¹⁵.

Проблемы комплектования стражи волновали и центральное, и местное руководство. Приказ главкома от 15 сентября содержал информацию, опирающуюся на телеграмму атамана Ку-

После парада и молебна. Царицын. 15 октября 1919 г.

банского казачьего войска о том, что не только строевые, но и тыловые части принимают на службу казаков, и их «значительное число» служит в ГС, ординарцами и вестовыми в комендантских и других ротах, в учреждениях и заведениях армии. Приказывалось не принимать кубанских казаков, подлежавших призыву по войску, никуда, кроме Кубанских частей¹⁶. Действительно, наличие кубанцев в рядах Саратовской стражи подтверждается документально, хотя установить их количество не представляется возможным.

10 октября 1919 г. вице-губернатор В. Андриянов, отвечая на циркулярный запрос командующего ГС о способах прикрепления к службе невоеннообязанных стражников, писал, что в современных условиях вообще нелегко подыскивать чинов стражи. На эту службу идут те, кому некуда деваться из-за закрытия предприятий или опасющиеся мобилизаций. А для настоящего умиротворения нужна надежная ГС. Поэтому не надо жалеть средств. Среди основных условий успешности службы Андриянов прежде всего ставил точное исполнение обещаний в отношении жалования (без которого жили месяцами), обмундирования, кормовых. Одно это «сильно подняло бы дух стражника. Из полуоборванного существа он вдруг превращается в прилично одетое должностное лицо, которому не нужно (как это теперь неоднократно наблюдается среди стражников) считать каждый переход, дабы не снашивать подметок чуть держащихся на сапогах». Остальные предлагавшиеся меры были столь же понятны и справедливы, сколь и невыполнимы в сложившихся условиях: страхование жизни, пенсии семьям, пятилетние, возрастающие прибавки к жалованию, обучение детей на казенный счет, внешние знаки отличия - нашивки, медали, ордена, инвалидные дома для потерявших на службе здоровье.

В некоторых бригадах мерой удержания в строю служили подписки, но они никакой юридической силой не обладали. Были также предложения взимать денежный залог, терявшийся при оставлении службы, что также не отнесешь к особо действенным мерам в условиях войны¹⁷.

Материальное, хозяйственное, финансовое положение стражи было не лучше, чем у строевых частей армии. Приказом по резерву от 13 июля в опись имущества внесли 12 японских и 8 русских винтовок и 100 (!) патронов к ним. Приказом от 20 июля были оприходованы полученные от 1 Артиллерийского парка 101 японская винтовка и 2515 патронов, а также 195 патронов к трехлинейкам, а 25-го - создана комиссия по освидетельствованию полученного резервом ору-

зия. О напряженном положении с вооружением свидетельствовал циркуляр штаба ГС от 17 сентября. В отмену августовского предписания о передаче всего отбираемого оружия комбригам ГС предлагалось докладывать об отбираемом оружии губернаторам и поступать по их указаниям, так как имела необходимость в вооружении также чинов уголовно-розыскных управлений и других лиц местной администрации¹⁸.

Комплектование конским составом также было явно неудовлетворительным. 23 июля произошло зачисление лошадей на фуражное довольствие. Приказ от 29 июля содержал описание лошадей резерва: насчитывалось их пять, причем три казенные. С 7 августа на фуражное довольствие зачислялись десять приведенных стражниками лошадей. С 9 августа зачислялись на довольствие еще три. Приказ от 10 августа содержал описание десятилошадям, приведенных стражниками. То есть конский состав был крайне мал, и большинство животных привели сами явившиеся на службу стражники¹⁹.

Приказом от 1 июля губернатор выделил командиру городской стражи «на первое обзаведение инвентарем и другие необходимые расходы по страже г. Царицына» 10 000 рублей авансом - сумму совершенно мизерную²⁰.

Неразбериха с документацией и перебои с финансированием отзывались жалким положением стражников. Еще в августе губернатор предписывал комбригу отправиться в Ростов-на-Дону к командующему ГС и исходатайствовать денежное довольствие и обмундирование, ибо промедление грозило нежелательными последствиями. Однако дело затянулось. 13 ноября вице-губернатор В. Андриянов уведомлял комбрига о переадресовке на 4 полевое казначейство 2,5 млн. рублей для бригады и писал командиру резерва: «Стражники бедствуют без жалования, одежды». 3 декабря он вновь сообщал теперь уже комбригу: «Ввиду отказа казначейства оплачивать ассигновки на обмундирование Вашей подписью Вам посылается ассигновка полтора миллиона. Доставит помощник начальника уезда Черкасов сегодня выехавший»²¹.

Столь же напряженной была и ситуация с обмундированием. 19 августа командующий ГС в сообщении губернатору отмечал, что, несмотря на ходатайства об отпуске обмундирования, удалось получить от военного ведомства всего 200 маломерных и неполных комплектов английского обмундирования, которые передали Екатеринославской бригаде. Имелся также наряд на 1500 русских комплектов, отобранных у большевиков. Это обмундирование, по получении, предполагалось разверстать между всеми бригадами, в том числе 150 комплектов предназначались для Саратовской ГС. Перед главным начальником снабжений вновь возбуждался вопрос об отпуске возможно большего количества обмундирования, с использованием трофейных складов, так как приближались холода. «Если это ходатайство не удовлетворят, то останется последний путь - постройка обмундирования своими силами». Только 11 октября В. Андриянов предписал комбригу выслать нарочного для получения этих 150 комплектов обмундирования. В то же время ротмистр М.Г. Деконский, будучи в командировке в Георгиевске, выяснил, что «постройка» полушубка обойдется в 400 рублей. После чего комбриг 1 октября ходатайствовал о выдаче аванса в 600 000 рублей. 4 октября последовало новое обращение: подступают холода, форма для ГС не утверждена, поэтому необходимо снабдить стражников хотя бы тем, что не может быть изменено, то есть папахами, сапогами, полушубками. Необходимо выдать эти вещи, а затем приступить к изготовлению остального, поставив подрядчикам рядусловий. 9 октября комбриг получил от вице-губернатора распоряжение об отдаче подряда на обмундирование с торгов, а на следующий день В. Андриянов возбудил ходатайство об отпуске 600 000 рублей и разрешил командировать ротмистра Деконского для закупок материала на «постройку» полушубков.

17 ноября при резерве начала работу комиссия по приемке в казну предметов собственного обмундирования, имевшегося у стражников. После составления акта принятое обмундирование оставалось на руках у стражников уже как казенное. Это мероприятие можно смело расценить как шаг отчаяния. Удалось ли изготовить своими силами полушубки неизвестно²².

19 августа начальник штаба ГС писал губернатору о том, что начальник УВД внес в Особое совещание доклад об ассигновании в распоряжение каждого комбрига аванса в 10 000 рублей на найм перевозочных средств, так как на отпуск автотранспорта рассчитывать не приходилось, и единственным способом его приобретения оказывалась реквизиция. Это возможно было сделать через штаб ГС, то есть подыскать машину, собрать о ней сведения, уведомить штаб, который испросит разрешение на реквизицию. Процедура сама по себе была весьма длительная и трудоемкая. 1 октября комбриг представил губернатору требовательную ведомость на экипажи и лошадей, так как разъезды были необходимы, а штатные автомобили отсутствовали и приобрести их не представлялось возможным²³.

Таким образом, финансовое и вещевое довольствие бригады было плохим: собственные ресурсы и настойчивость оказывались наиболее надежным средством. Однако надо отметить

известную робость штаба ГС в отношении реквизиций даже для удовлетворения насущнейших потребностей подчиненных.

Служба стражников предполагала частые командировки. Например, только что зачисленные трое германских колонистов (губернский резерв) были тотчас направлены в командировки для набора стражников: двое в Камышинский и Царицынский уезды, один - в Ессентуки. Это позволяет также предположить, что в ряды стражи привлекался надежный и зажиточный элемент из среды колонистов. Но эта мера, если она и была, встретила резкий отпор со стороны главноначальствующего генерал-лейтенанта П.Н.Врангеля²⁴. Были командировки и хозяйственного плана: за собственной лошадей, за Волгу на уборку сена и т.п. В частности, приказом по Царицынской уездной ГС от 11 июля 22 конных стражника были командированы в Дубовку - большое поселение под Царицыном²⁵.

Государственная стража формировалась буквально на ходу, по мере освобождения территории губернии. При этом с самого начала она строилась как государственная служба, руководствовавшаяся нормативными документами и призванная быть орудием умиротворения и поддержания порядка, а не террора и политической борьбы. Однако снабжение стражи было крайне плохим и ненадежным. Это создавало трудности и с комплектованием, и с поддержанием дисциплины. При этом в принципе комплектовалась стража достаточно интенсивно, костяком ее рядового состава становились, как правило, солдаты старой армии с большим процентом унтер-офицеров. Материал о деятельности городской стражи Царицына показывает, что даже в условиях прифронтового города, долго являвшегося оплотом большевиков и имевшего прежде характерную кличку «русского Чикаго», была возможна эффективная полицейская служба. Целый ряд удачных раскрытий уголовных преступлений, задержания видных большевиков позволяли Царицыну иногда по несколько дней подряд жить без происшествий. Для описываемых условий это можно считать успехом. Боевая деятельность Саратовской стражи выявляется лишь эпизодически. Однако следует учесть, что долгое пребывание стражи на Северном Кавказе почти наверняка сопровождалось несением службы и, вполне возможно, участием в боевых действиях.

¹ Государственный архив Саратовской области (ГАСарО). Ф.15р.Оп.1.Д.5.Л.3.17-18; Д.42.Л.200.

² Там же. Д.45.Л.24.

³ Там же. Д.10.Л.11,13,25,26,31.

⁴ Там же. Д.45.Л.124,127; Д.46.Л.30,68,73,74; Д.49.Л.240.

⁵ Там же. Д.46.Л.101,105,140.

⁶ Там же. Д.5.Л.35; Д.45.Л.130,140,142.

⁷ Там же. Д.5.Л.32,33; Д.46.Л.79,81.

⁸ Там же. Д.46.Л.53,55.

⁹ Там же. Л.94.

¹⁰ Там же. Д.9.Л.13; Д.46.Л.63,71; Д.49.Л.328.

¹¹ Там же. Д.5.Л.39-40,61,67,68; Д.46.Л.61,82,97.

¹² Там же. Д.46.Л.90.

¹³ Там же. Д.9.Л.14,15,17; Д.10.Л.3,4,12,17,24; Д.40.Л.207; Д.46.Л.115,117,119; Д.50.Л.47,65; Д.73.Л.6-8.

¹⁴ Там же. Д.49.Л.30.

¹⁵ Там же. Д.58.Л.1-6,8-11,13,14,16-25,27-37,38-43,45-46 Сюжет с офицерским дебошем в Общественном собрании 30 июля, вероятно, тот самый, который описан П.Н.Врангелем. -См.: Врангель П.Н. Воспоминания. -М.,1992. -Ч.1. -С.294.

¹⁶ ГАСарО. Ф.15р.Оп.1.Д.19.Л.64.

¹⁷ Там же. Д.46.Л.135-136,141.

¹⁸ Там же. Д.10.Л.2,6,10; Д.46.Л.83.

¹⁹ Там же. Д.10.Л.9,13,22,26-27.

²⁰ Там же. Д.5.Л.3.

²¹ Там же. Д.41.Л.4,5,9; Д.46.Л.62.

²² Там же. Д.9.Л.16; Д.46.Л.58,109,121,133,134.

²³ Там же. Д.46.Л.59,111.

²⁴ Там же. Д.10.Л.1; Д.39.Л.14-17.

²⁵ Там же. Д.10.Л.5,28; Д.12.Л.7.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ. 1918 - 1920 ГГ.*

Решение о срочном создании отдела агитации и пропаганды было принято советом министров Северо-Западного правительства 16 сентября 1919 г., после долгих дебатов о том, кому он должен подчиняться. Отдел был создан как автономная часть, подчиненная непосредственно совету министров, а не какому-либо отдельному министру. Общее руководство отделом возлагалось на министра внутренних дел, а его организация поручалась коллегии министров (П.А.Богданов, И.Е.Евсеев, Ф.А.Эрн). В ее обязанности входило составление сметных предположений, структуры и плана деятельности отдела. На расходы отпускалось 200 тыс. рублей¹. Однако вскоре произошли некоторые изменения. Общее руководство взял на себя совет министров, а распоряжение кредитами перешло к коллегии министров². Наконец, 27 сентября совет министров принял положение об отделе агитации и пропаганды³. Целью отдела провозглашалась борьба с большевизмом и попытками восстановления старого режима в армии и на территориях, освобожденных от большевиков. В его руках сосредотачивалось все дело политической пропаганды и агитации, и никакие другие учреждения этим видом деятельности заниматься не имели права. Все прокламации до выхода их в свет предварительно посылались на просмотр совета министров. Так было по крайней мере в начале деятельности отдела.

Возглавлял отдел Б.В.Дюшен, инженер-технолог по образованию, член меньшевистского крыла РСДРП с 1903 г. В 1917 г. Временное Российское правительство назначило его комиссаром Ярославской губернии. Летом 1918 г. он являлся одним из организаторов Ярославского восстания, заочно был приговорен советской властью к смертной казни. В 1919 г. эмигрировал в Эстонию. Позднее в конце 1919 г. - начале 1920 г. он выступил с критикой Белого движения, перешел на позиции сменовеховства и призывал к мирному сотрудничеству с советской властью. Сначала сотрудничал в берлинской газете «Накануне», а в 1926 г. вернулся в СССР⁴.

Новый орган состоял из четырех подотделов: редакционного, издательского, распространения и культурно-просветительского, к которым затем добавились подотделы использования плакатов, работы с эстонским населением и специальная школа для обучения методам пропаганды и агитации⁵. Заведующим подотделом распространения стал К.А.Башкиров, издательским - Ф.Иконников. В редакционный подотдел вошли также сотрудники отдела агитации от блока социалистов. В обязанности редакции входило составление агитационных брошюр, листовок, прокламаций и т.д. и редактирование материалов, поступивших со стороны. Вся подготовленная к изданию продукция подлежала утверждению советом министров. Отдел имел право открывать свои отделения во всех местностях России⁶.

Деятельность отдела агитации и пропаганды началась в начале октября 1919 г. С 1 октября по 1 ноября было проведено пять общих собраний и коллегий и шесть собраний редакционного подотдела. За все время его существования на рассмотрение поступило 75 произведений агитационной литературы и 11 художественно-агитационных плакатов⁷.

Как отмечает М.Е.Гурьев⁸, отдел агитации и пропаганды отличался творческим подходом к организации своего дела. Со всей очевидностью можно утверждать, что в его составе были прекрасные аналитики, которые творчески анализировали большевистскую агитационно-пропагандистскую литературу, очень точно улавливали ее психологические акценты, ориентированные на интеллект и менталитет «среднестатистического» российского военнотружущего.

8 октября отдел объявил конкурс на составление листовок для армии и населения. Такое новшество не использовалось ни на Востоке, ни на Юге, и, по мысли инициаторов этого начинания, должно было исключить политическую однобокость агитационных материалов, свойственную агиторганам Колчака и Деникина⁹. В состав жюри входили редакция, коллегия министров, общественные деятели, литераторы и художники по приглашению отдела. Причем члены жюри не имели права участвовать в самом конкурсе¹⁰. По его условиям, требовалось написать текст объемом в четверть печатного листа, выдержанный в демократическом духе и языке, понят-

* Окончание. Начало см.: Белая армия. Белос дело. -2000. -№7.8

ным солдату и крестьянину. Авторам предлагалось восемь тем: «За что мы воюем», «Учредительное собрание», «К солдатам Красной армии», «Почему большевики - враги народа», «О помощи союзников», «Для чего образовалось правительство Северо-Западной области России», «Как обеспечить свободу», «Будущее России». За лучшие произведения предполагалось выдать четыре премии в 1000, 750, 500 и 250 рублей¹¹. Всего на конкурс было подано 49 рукописей.

23 октября состоялось заседание комиссии, на котором присутствовали министры: Ф.А.Эрн и П.А.Богданов, члены редакционного отдела: Б.В.Дюшен, М.М.Бренстедт, К.А.Башкиров, секретарь Л.П.Михельсон и представители общественности: главный редактор газеты «Свобода России» Г.Л.Кирдецов, художники Н.Ф.Род и С.Н.Шиллинг. Премии были удостоены 9 рукописей: «Белые офицеры - красным солдатам», «Солдатам Красной армии. Сказка», «За что воюют солдаты Белой армии», «За что мы воюем» (две рукописи листовки с одинаковым названием), «Братьям красноармейцам», «Солдатам Красной армии», «Стой и подумай, солдат-крестоносец»¹².

Первая премия была присуждена начальнику псковской контрразведки офицеру Вирбелауэру¹³. Как указывал В.Л.Горн, «большинство прокламаций - труд людей самых разнообразных слоев и профессий (в т.ч. и офицеров) и написаны в самых разных концах Эстонии»¹⁴.

Современные исследователи указывают большое значение самого факта этого конкурса для характеристики Белого движения Северо-Запада. Так, М.Е.Гурьев отмечает, что такой, казалось бы, нетрадиционный по тем временам подход к организации агитпропработы на самом деле был вполне традиционным для российской интеллигенции, поскольку в дореволюционной России практика проведения творческих конкурсов в различных сферах культурной деятельности (музыка, живопись, архитектура, литература) была вполне привычным явлением¹⁵.

В Красной армии такого рода конкурсы в частях и соединениях не проводились. Вероятно, причиной тому было то, что организаторами агитационно-пропагандистской работы чаще всего были люди, не имевшие до революции опыта подобного рода, не знакомые со многими культурными традициями, представление о которых было лишь у наиболее образованной части населения.

На сегодняшний день известно 15 названий листовок, изданных отделом агитации и пропаганды Северо-Западного правительства. Самая полная коллекция этих листовок опубликована в книге В.Л.Горна, где представлено 14 листовок правительства, из которых десять приведены в приложении «Прокламации, выпущенные правительством»¹⁶, а четыре рассредоточены по тексту¹⁷. Вот список листовок правительства из книги В.Л.Горна, изданных отделом по конкурсу в хронологической последовательности в течение октября-начала ноября 1919 г., с указанием их тиража: 1). «Граждане солдаты Белой армии» (10 тыс. экз.); 2). «Да здравствует Учредительное Собрание» (10 тыс. экз.); 3). «Белые офицеры - красным солдатам» (10 тыс. экз.); 4). «Красноармейцы» (25 тыс. экз.); 5). «К солдатам Красной армии» (50 тыс. экз.); 6). «Декларация правительства» (100 тыс. экз.); 7). «Граждане солдаты» (40 тыс. экз.); 8). «Солдатам Красной армии. Сказка» (50 тыс. экз.); 9). «Земля трудящимся» (30 тыс. экз.); 10). «Братья красноармейцы» (50 тыс. экз.); 11). «Победа близка» (50 тыс. экз.); 12). «За что мы воюем» (50 тыс. экз.); 13). «Стой и подумай, солдат-крестоносец!» (50 тыс. экз.); 14). «Воззвание к русским солдатам и офицерам отряда Бермондта. Г.г. офицеры и солдаты!».

А.В.Смолин обнаружил в фондах Стэнфордского университета еще одну листовку отдела агитации и пропаганды Северо-Западного правительства, не учтенную у В.Л.Горна, «Как нам обеспечить нашу свободу!» (см. Приложение 2).

За октябрь-ноябрь от имени правительства было опубликовано 12 названий листовок общим тиражом в 165 тыс. экземпляров и 17,5 тыс. агитационных открыток¹⁸. Значительная часть листовок печаталась в типографии И. и А.Пальман в Ревеле. Из-за типографской волокиты часть прокламаций была выпущена с большим опозданием - в первой половине и середине ноября¹⁹.

Попытку классификации листовок Северо-Западного правительства по направленности обращения, по форме подачи материала и по содержанию была предпринята А.В.Смолиным²⁰. По «читательскому адресу» автор разделил материал на три группы:

а). к белым солдатам («Граждане солдаты Белой армии», «Стой и подумай, солдат-крестоносец», «За что мы воюем»);

б). к красноармейцам («Белые офицеры - красным солдатам», «К солдатам Красной армии», «Солдатам Красной армии. Сказка», «Братья красноармейцы», «Победа близка», «Граждане солдаты»);

в). общего характера («Да здравствует Учредительное собрание», «Декларация правительства»).

По форме подачи материала деление произошло на: а). ответы на поставленные вопросы; б). сказки; в). притчи.

Листовки были рассчитаны на широкие красноармейские массы, они писались скорее псевдонародным, чем народным языком. Особенность содержания правительственных листовок состояла в том, что они одновременно выступали как против большевиков, так и против старых порядков, провозглашая восстановление свобод Февральской революции. А.В.Смолин выделяет следующую схему содержания листовок:

1). Против кого идет борьба: большевиков, старых порядков (помещики, царь);

2). Цели борьбы: за дело освобождения народа, землю и волю, свободу и равенство - за Учредительное собрание, власть народа, царство свободы, восстановление свобод Февральской революции - за государственный контроль над фабриками и заводами, спасение революции, установление законности и порядка;

3). Обвинения в адрес большевиков: узурпация власти - инициатива в развязывании Гражданской войны - вина за голод и разруху - предательство национальных интересов - обман крестьянства;

4). Средства достижения цели: уничтожение большевизма с помощью армии.

Анализ содержания листовок показывает, что главная задача этих материалов сводилась к разоблачению большевизма, изложению целей борьбы²¹.

Другими мероприятиями Северо-Западного правительства в области агитационной и издательской деятельности были организация информационного бюро «для осведомления западных и наших правительств и иностранной прессы и для парализования работы контрразведчиков...»²² и учреждение в составе министерства народного просвещения книжной палаты для сбора и хранения произведений печати, изданных на территории, занятой белыми войсками и в государствах Прибалтики, с тем, чтобы впоследствии передать весь собранный материал в Публичную библиотеку в Петроград²³. Другой целью сбора печатной продукции палатой была возможность их последующего использования как улики на суде против большевистского режима²⁴.

На протяжении некоторого времени функции книжной палаты на Северо-Западе были возложены на отдел агитации и пропаганды. Проект постановления об открытии самостоятельной палаты был утвержден на заседании совета министров 10 ноября 1919 г. Основная задача учреждения сводилась к «охране от бесследного исчезновения произведений печати, издаваемых в настоящее время на территории Северо-Западной области и Эстонии на русском языке»²⁵. Книжная палата создавалась в составе министерства народного просвещения. Как отмечал член правительства В.Л.Горн, организация палаты осуществлялась в рамках решения общекультурных задач, которые ставились министром народного просвещения Ф.А.Эрном²⁶. Понимавший важность сбора и сохранения печатной продукции для воспроизведения впоследствии эпохи Гражданской войны министр лично сыграл большую роль в деле создания книжной палаты: «Ф.А.Эрн хотел сберечь хотя бы часть этих сокровищ», - писал В.Л.Горн²⁷.

Напряженные отношения у Северо-Западного правительства складывались как с эстонскими властями, так и с военным командованием Северо-Западной армии. Особенно обострились отношения после начала агитационной деятельности правительства и распространения материалов в войсках. В штабе армии резко враждебно относились к «левой» (демократической) пропаганде. Противостояние военных и гражданских властей в области агитации и пропаганды выражалось в следующих формах.

Во-первых, в противодействии распространению на фронте и занятых территориях листовок правительства и газеты «Свободная Россия», поездкам членов правительства на фронт. Военные чиновники чинили различные препятствия для распространения листовок правительства и даже уничтожали их. Командование саботировало распространение правительственного воззвания «Граждане солдаты!», а также, на первых порах, и правительственной газеты «Свободная Россия», распространявшейся на фронте в количестве 10 тыс. экземпляров по особому соглашению с Северо-Западным правительством²⁸. «Потребовались поездки некоторых министров на фронт, чтобы положить конец своеобразной цензуре комендантов и штабов»²⁹. М.С.Маргулиес писал в своем дневнике о распространении «Свободной России»: «Наша газета до солдат плохо доходит; штабы ее задерживают, - говорят, просто уничтожают... Газета наша почти не попадает на фронт, получить ее - жажда огромная»³⁰.

В результате доходило до того, что чиновники правительства лично развозили печатную продукцию на фронте. Так, министр почт и телеграфов М.М.Филиппео несколько раз объезжал фронт, собственноручно доставляя печатную продукцию правительства, «нагрузив десяток-другой мешков номерами «Свободной России», лежавшими в полевом штабе»³¹. К.А.Башкиров также отмечал, что ему приходилось заниматься нелегальным распространением правительственных листовок на «Белой» территории³².

Значительная часть строевых офицеров Северо-Западной армии также была решительно настроена против демократической правительственной агитации на фронте³³. Однако часть офи-

церов армии, особенно фронтовых, сочувствовала идеям Северо-Западного правительства и помогала распространению газеты «Свободная Россия» на фронте³⁴.

Во-вторых, в угрозах и репрессиях в отношении журналистов, звучавших со стороны штабов как Родзянко, так и Балаховича. Г.Л.Кирдецов указывал, например, что после появления в «Свободной России» статьи, в которой описывались злодеяния балаховцев в Пскове, он, как редактор, и некоторые из его ближайших сотрудников долгое время находились под угрозой личной расправы со стороны военных³⁵.

Характерный случай произошел в Нарве, где 22 сентября 1919 г. сотрудниками контрразведки был арестован заведующий гаражом при управлении снабжения Северо-Западной армии, петербургский журналист, сотрудник газеты «День» А.А.Садыкер по обвинению в контактах с советской властью. Несмотря на анонимный характер обвинения (донос) и отсутствие улик, он был передан военно-полевому суду. Случайно узнавшие об этом сотрудники газеты «Свобода России» обратили на дело внимание министра юстиции Е.И.Кедрина. Однако его депеша военному прокурору пришла слишком поздно, и Садыкер был расстрелян³⁶.

Особняком от Северо-Западного правительства стояла газета Н.Н.Иванова «Новая Россия» в Ревеле, хотя ее программа и была близка к программе правительства. После создания правительства газета стала вести борьбу на два фронта - против верхов армии и против правительства, обвиняя его одновременно и в псевдодемократизме и в потворстве черносотенцам³⁷. Такое отношение Н.Н.Иванова к правительству объяснялось личными амбициями редактора и сложными взаимоотношениями с правительством, в которое он сначала вошел, но откуда вскоре был изгнан. Кроме того, на страницах «Новой России» развернулась широкая кампания за признание самостоятельности Эстонии.

В свою очередь, Северо-Западное правительство обвинило «Новую Россию» в большевизме. В ответ на это газета 21 октября напечатала статью «На выздоровление», приветствуя террор, который военное командование предполагало устроить после взятия Петрограда.

Достаточно редким примером эффективного взаимодействия военных и гражданских властей стало издание с 5 октября в Гдове штабом Северо-Западной армии совместно с правительством «Гдовской газеты», на выпуск которой было выделено 15 тыс. рублей³⁸. Всего вышло 11 номеров газеты, но 2 ноября, ввиду приближения к Гдову Красной армии, газета прекратила свое существование. Она выпускалась на одной полосе и публиковала в основном материалы, предоставляемые штабом армии, а также панегирические статьи о генералах Н.Н.Юдениче и Е.К.Арсеневе.

В Латвии издательская деятельность Белого движения в данный период осуществлялась военными органами армии П.Р.Бермондта и была связана с подготовкой и осуществлением наступления на Ригу.

После того, как в конце июля 1919 г. Антанта предъявила ультиматум с требованием к частям Р.фон дер Гольца в Латвии покинуть территорию страны до 20 августа, затем до 31 августа, многие демобилизованные германские солдаты поступали добровольцами на русскую службу в Западный корпус Бермондта. С 3 октября все немецкие части в Курляндии по приказу фон дер Гольца перешли под командование П.Р.Бермондта. Таким образом, из Прибалтики к началу октября «исчезли» германские войска, а их место заняла русская Западная добровольческая армия, численностью в 51-52 тыс. человек, из которых около 40 тысяч составляли немцы³⁹.

В середине августа генералы Британской военной миссии сделали шаги по организации нового антибольшевистского фронта в Прибалтике, попытавшись объединить под своим контролем находившиеся здесь русские войска, в том числе и Западный добровольческий корпус. Была достигнута договоренность о начале общего наступления 15 сентября и распределены участки фронта. В связи с приближением даты начала Петроградской операции Н.Н.Юденич настойчиво требовал от П.Р.Бермондта, которого 28 августа он назначил «начальником сформированных в Курляндии и Лифляндии отрядов» и тем самым поставил в свое подчинение, переброски его войск под Нарву. Однако все эти требования были безрезультатными⁴⁰.

20 сентября П.Р.Бермондт обратился к жителю Митавы с воззванием «Всем жителям...», подписанным «главнокомандующим Западной добровольческой армией полковником А.валовым»⁴¹, из которого следовало, что 21 августа он, как представитель русской государственной власти, взял на себя защиту Латвии после оставления ее немецкими войсками. А логичное заявление было сделано и в отношении районов Литвы, занятых русскими вооруженными силами. Это воззвание расклеили по приказу полковника Вырголича в Литве с сообщением, что «все области Литвы, занятые русскими войсками, считаются принадлежащими к Российскому государству»⁴².

17 сентября в Митаве между берлинским Военно-политическим советом и Западной добровольческой армией состоялось соглашение, по которому совет становился единственным пра-

вомочным государственным учреждением Западной России. Совет признавал полковника Бермондта командующим всеми русскими и немецкими добровольческими войсками на Западном фронте. 6 октября в Митаве при командующем Западной армией был образован совет управления, для выполнения военно-административных функций в занимаемых армией районах под председательством сенатора графа К.К.Палена, просуществовавший до 13 ноября 1919 г.⁴³

8 октября Западная добровольческая армия перешла в наступление на Ригу, заняла Усть-Двинск и пригороды Риги. В боевых приказах Бермондт выдавал свои действия за акт самообороны, реально же речь шла о свержении правительства Латвии (К.Улманиса) и возвращении России областей Балтийского побережья⁴⁴.

Во время наступления и осады Риги аэропланы войск Бермондта-Авалова сбрасывали на город различные воззвания. Так, 8 октября три аэроплана войск Бермондта сбросили над Ригой листовки на русском языке, в которых латыши призывались подчиниться власти полковника Бермондта, чтобы быть присоединенными к великой и могучей России. Листовки заканчивались угрозой, что «всех отпавших от креста и Евангелия и слушающихся агитаторов» впоследствии жестоко накажут⁴⁵.

Кроме листовок, с аэропланов сбрасывали также митавскую газету «Троммель» (в переводе «барабан»), которая сообщала о составе Западно-русского центрального совета. В том же номере (сброшенном 11 октября) Бермондт извещал, что он с 7 октября от имени Великобритании начал организацию государственного строя⁴⁶.

Силы, ориентировавшиеся на Антанту, осудили действия Бермондта. 9 октября Н.Н.Юденич издал приказ по Северо-Западному фронту, в котором Бермондт объявлялся изменником и исключался из его списков⁴⁷. Северо-Западное правительство поддержало приказ Юденича, выпустив 12 октября в Ревеле самостоятельное воззвание к войскам корпуса Бермондта-Авалова под названием «Г.г. офицеры и солдаты!» за своей подписью. Это воззвание в виде листовки распространялось при посредстве аэропланов эстонского и латышского штабов в районе расположения войск Бермондта под Ригой⁴⁸. Конечно, как отмечал Г.Л.Кирдецов, это воззвание осталось «лоскутом бумаги», к тому же оно запоздало.

Наступавшим войскам Бермондта противостояли латышская армия, пришедшие на помощь части эстонской армии, вооруженные силы Антанты в лице англо-французской эскадры. Осада Риги войсками Бермондта продолжалась в течение пяти недель, сопровождалась тяжелыми боями с применением авиации и артиллерии и большими потерями как в военной силе, так и среди мирного населения.

Значительную роль в боевых действиях играло печатное слово как средство агитации и пропаганды. Во второй половине октября сдавшиеся в плен русские бермондтовцы составили воззвание к своим товарищам с разоблачением обмана Бермондта и с предложением не воевать с латышами. Это воззвание было опубликовано в виде листовки и сбрасывалось с латышских аэропланов над расположением войск Бермондта. «Так как воззвания эти были не анонимные, а подписанные фамилиями, известными русским солдатам, оставшимся по ту сторону Двины, они сыграли большую роль в разложении русской части бермондтовской армии»⁴⁹.

3 ноября латышская армия при поддержке союзников перешла в наступление и к середине декабря выбила русско-германские части из Латвии. 19 ноября Бермондт передал командование армией Эбергарду, который эвакуировал разгромленные войска в Германию. 2 декабря 1919 г. Западная добровольческая армия была упразднена. Остатки ее русской части сосредоточились в лагере Альтенграбов⁵⁰.

Корпус Вырголича в Литве, насчитывавший в конце ноября 500 штыков, действовал совершенно самостоятельно. После ликвидации Западной добровольческой армии он пешим порядком ушел к германской границе⁵¹.

4-й этап

В ходе боев 25-26 октября произошел перелом военной ситуации, приведший к дальнейшему поражению Северо-Западной армии. Армия отступила к границам Эстонии, где перешла на ее территорию и была интернирована. 24 ноября Н.Н.Юденич отказался от непосредственного руководства армией, возложив военное командование на генерал-лейтенанта П.В.Глазенапа и оставив за собой общее руководство. 26 ноября на заседании Северо-Западного правительства было принято решение о прекращении его официальной деятельности. 22 января 1920 г. Юденич подписал приказ о ликвидации армии. Для решения всех дел, связанных с расформированием, была создана ликвидационная комиссия во главе с генералом И.К.Паленом. Первое ее заседание

состоялось 24 января, последнее - 15 марта. Таким образом, начиная с марта-апреля, следует говорить уже не о русском Белом движении на территории Эстонии, а о русской эмиграции в Эстонии.

На протяжении декабря 1919 г. - февраля 1920 г. происходило свертывание военной и гражданской издательской деятельности Белого движения и перерастание ее в издательскую деятельность русской эмиграции в Эстонии. Ряд белых газет послужил своеобразным мостом к периодике русской эмиграции. В связи с этим С.Г.Исаков говорит о цепочках периодических изданий одного направления: от «Новой России» - к «Верному пути» и «Жизни», от «Приневского края» - к «Ревельским новостям».

Отступление белогвардейцев было столь неожиданным и стремительным, что у сотрудников аппарата агитации и пропаганды не было выработано никаких аргументов, объяснявших сложившуюся ситуацию. Лишь в некоторых материалах появлялись ссылки на предательство в рядах Северо-Западной армии⁵². В этих условиях, как отмечает М.Е.Гурьев, агитационно-пропагандистская работа белогвардейцев была почти полностью свернута. Вопрос стоял уже не о боевых успехах или неудачах, а о том, чтобы сохранить личный состав в боеспособном состоянии.

В условиях перехода армии на территорию Эстонии и ее разоружения сотрудники агитпроп-органов делали все возможное для того, чтобы пребывание военнослужащих на чужбине не теряло смысла. Пользуясь тем, что удалось переправить с собой часть типографского оборудования, они выпускали листовки, в которых утверждали, что в скором времени все желающие смогут отправиться сражаться за идеалы Белого движения на другие фронты.

Одновременно усилился цензурный режим со стороны эстонских властей. Так, В.Л.Горн указывал относительно «Свободы России»: «Последние сводки нашего штаба эстонская цензура 26 ноября вовсе выбросила. «Свобода России» поместила статью «Черные дни», а на месте сводок зияла большая плешь в газете»⁵³.

Гражданская издательская деятельность выразилась в продолжении выпуска газеты «Свобода России». На последнем заседании правительства 5 декабря 1919 г., принявшем заявление о самороспуске, среди прочих вопросов было признано целесообразным продолжение издания газеты «Свобода России» под наблюдением избранного тогда же официального представителя правительства в Эстонии (им был избран В.Л.Горн, заместителем - И.Т.Евсеев). На эти цели выделялось 25 тыс. эстонских марок⁵⁴.

Однако после роспуска правительства «Свобода России» стала независимым органом русских в Эстонии, причем тех из них, которые примыкали к левому лагерю русской общественности в Эстонии⁵⁵. Поэтому в середине декабря сменился фактический редактор газеты - им стал председатель русского Социалистического блока в Эстонии Б.В.Дюшен. Оставшиеся в Ревеле в качестве представителей при эстонских властях министры бывшего Северо-Западного правительства В.Л.Горн и П.А.Богданов вначале пытались еще оказывать влияние на редакцию газеты и стремились через издание выражать свою точку зрения на происходящие события, но скоро редакция стала проводить свою линию. Дюшен закрепил юридически право собственности на «Свободу России» за сотрудниками газеты на правах паевого товарищества.

На первых порах сохранялась связь газеты с русским Социалистическим блоком, но в конце декабря в блоке произошел раскол. Признавая, что вооруженная борьба против большевиков доказала свою несостоятельность, эсеры («народники») и социал-демократы («марксисты»), входившие в блок, разошлись в практических выводах. Первые настаивали на продолжении вооруженной борьбы при условии ее изъятия из рук реакционных элементов и в тесном контакте «с трудовой демократией окраин и Европы». Вторые стояли на отказе от вооруженной борьбы и

**Генерал от инфантерии
Юденич Николай Николаевич**

призывали ограничиться демократической пропагандой и организацией русских масс в Советской России и за границей⁵⁶. В Социалистическом блоке большинство оказалось на стороне «народников», редакция же «Свободы России» встала на позицию меньшинства - социал-демократов («марксистов»), став органом этой группы ревельских русских социалистов. Органом ревельских эсеров («народников») стала газета «Народное дело», начавшая издаваться 7 июля 1920 г.

«Свобода России» по-прежнему выступала на два фронта - против большевиков и реакционеров-монархистов, декларировала верность идеалам Февральской революции и тем демократическим преобразованиям, которые за ней последовали. После заключения в феврале 1920 г. мирного договора между Эстонией и Советской Россией газета призвала местных русских перейти к мирной работе, на этой основе объединиться и отказаться от участия в военных «авантюрах» против Советской России. В то же время усиливался интерес к эстонской жизни⁵⁷.

В этот период, с конца 1919 - начала 1920 г. ведущими публицистами газеты стали Б.Дюшен (иногда выступал под псевдонимом Д.Никитин), К.Башкиров, Л.Михельсон (выступал под псевдонимом Л.Павлович), Н.Негорев. К.Башкирову принадлежали статьи о печальной судьбе русских беженцев и солдат-северозападников в Эстонии, а также очерки-воспоминания о Февральской революции, событиях 25 октября 1917 г. в Петрограде, разгоне Учредительного собрания в январе 1918 г., свидетелем которых он был. Очерки и рассказы очеркового типа Л.Михельсона были посвящены Белой армии. Причем отношение его к офицерству и особенно генералитету являлось весьма критичным, что выразилось в иронических портретах-зарисовках «Прапорщик Грей», «В маленьком гарнизоне», «Превосходительный полковник», «Студент Клякс», «Гусар смерти», «Оригинальная профессия» и др. В такой же манере были написаны рассказы и очерки Льва Тонкого.

Ряд рассказов и очерков на страницах газеты принадлежал А.Вершинину (с наиболее резким критическим отношением к Белой армии), он же был автором опубликованных в издании мемуарно-документальных произведений - «Последние минуты Северо-Западной армии (из дневника офицера)», «В царстве тифа», «Как мы путешествовали (из рассказов старого белоармейца)», «Без Родины (наброски из жизни русских беженцев в Юрьеве)». На страницах газеты выступал с рассказами, путевыми заметками, эссе о современной жизни, писателях и художниках прошлого. статьями на литературные темы, эссеистическими заметками о литературе и искусстве Н.Негорев (также под псевдонимом Н.Н.). Ему принадлежали статьи «Смех» - о роли смеха в жизни и современной литературе, «Ветер с моря» об И.Северянине. Другими авторами статей в газете были А.А.Байов (также под псевдонимом А.Г.), В.Белов, С.Марин, Б.Половцев, П.Прозоров, Н.Роот.

В конце ноября-декабре в работах Г.Л.Кирдецова и Б.В.Дюшена, опубликованных в газете, явно наметились тенденции сменовеховской идеологии, оформившейся в 1921 году. Принципиальные положения обосновывались в передовой статье Б.Дюшена «Россия жива» в № 92 от 25 апреля 1920 г. Начиная с мая, Б.Дюшен в передовых статьях выступал против всех белогвардейских сил и правительств. Эта позиция газеты была расценена эстонскими властями как пробольшевистская, и 23 июня по распоряжению военных властей газета «Свобода России» была закрыта, а редактор арестован и выслан из Эстонии. Формально запрет мотивировался «оскорблением» в газете «союзных и дружественных Эстонии правительств» (Польши и Англии), но фактически просоветской позицией «Свободы России». Таким образом, под названием «Свобода России» газета издавалась с 18 сентября 1919 г. по 23 июня 1920 г., всего вышло 86 номеров в 1919 г. и 51 номер (с № 87 по № 138) в 1920 г.

24 июня вместо «Свободы России» стала выпускаться газета «За свободу России», продолжившая линию предшественницы. 26 августа на № 23 газета была закрыта военными властями по предложению министра иностранных дел⁵⁸. Таким образом, меняя названия, издание просуществовало ровно год - с 26 августа 1919 г. (первый номер «Свободы России») до 26 августа 1920 г. (последний номер «За свободу России»).

В Ревеле продолжал свою издательскую деятельность Н.Н.Иванов. В начале 1920 г. он издавал газету «Верный путь», первый номер которой вышел 13 января, а последний - 17 февраля. Всего был выпущен 31 номер. Редактором газеты являлся А.И.Арро. Как указывает С.Г.Исаков, А.И.Арро был формальным редактором, а фактическим редактором стал А.В.Чернянский⁵⁹. Н.Н.Иванов напрямую не участвовал в издании газеты, но в общественном мнении все считали «Верный путь» его органом.

На практике газета «Верный путь» была политической трибуной генерала С.Н.Булак-Балаховича. В ней печатались приказы, воззвания, документы и письма Булак-Балаховича. В № 1 издания С.Н.Булак-Балахович заявил: «Газета «Верный путь» является моей политической трибу-

ной». Печатный орган выступал как против большевиков, так и против монархистов, за конфедеративное устройство будущей России. Призывая к дальнейшей вооруженной борьбе с большевиками, издание считало необходимым вести ее только «на добровольческом начале» и в децентрализованном порядке, опираясь на «местный патриотизм» и вообще местные силы. В целом газета отразила кризис в идеологии Белого движения⁶⁰.

Литературные публикации издания были подписаны: стихи - Н.Рудникова, А.Чернявский (А.Черниговский), проза - В.Баранов, Г.А.Елачич (Де Бужим), Р.Ляхницкий, С.Рулов (лирические миниатюры). На страницах газеты печатались очерки и рассказы документального типа. Статьи подписывали генерал Булак-Балахович, Никольский, Г.Тарасов, М.А.С-ъ, другие материалы - Ветвицкий (С.Г.Исаков считает, что под этим псевдонимом скрывался С.В.Штейн)⁶¹, В.Винниченко, И.Ермолаев, А.Леонтьев, Р.Ляхницкий, Б.Половцев, Пятницкий, А.Радзиевский, С.Рулов (С.Рул-ов), Н.Серженский, Г.Тарасов (Г.Т-ов), Н.Чалин. А.Чернявский, Альбус. Постоянными рубриками были: «Вести из Петрограда», «Местная жизнь», «Русский театр», «Сообщения из штаба главнокомандующего», «Хроника». Вскоре после начала выхода газеты в редакции назрел конфликт, приведший к уходу из нее ряда сотрудников (Б.Половцев, А.Радзиевский, Полтавский, Ветвицкий) и прекращению издания.

Продолжением «Верного пути» стала газета «Жизнь», которая выходила с 18 февраля по 13 апреля 1920 г., всего было издано 39 номеров. Ее формальным редактором также был А.И.Арро, а фактическим - А.В.Чернявский. «Жизнь» отразила изменившуюся в Эстонии обстановку в связи с заключением мирного договора с Советской Россией. На смену призывам к продолжению вооруженной борьбы с большевиками пришли голоса о необходимости «мирной концентрации всех живых сил для сохранения их во имя лучшего будущего России»⁶². В газете сохранилось резко отрицательное отношение к большевикам, советской власти и левым силам в русской эмиграции (отсюда частые выступления против местных социалистов и их органа - «Свободы России»). В «Жизни» также восхвалялся С.Н.Булак-Балахович, печатался Н.Н.Иванов, хотя редакция (А.В.Чернявский) уже не всегда была с ним согласна. Как отмечает С.Г.Исаков, в газете был хорошо поставлен театральные отдел (Г.И.Тарасов). Литературный же отдел (рассказы В.Баранова, С.Рулова, фельетоны С.Пятницкого и А.Черниговского) наоборот был весьма слаб⁶³. Продолжением «Жизни» стала позднее еженедельная газета «Русь», но вышло в свет только два ее номера - от 19 и 26 апреля 1920 г.

Осуществлялась и военно-издательская деятельность. Так, в начале 1920 г. некоторое время продолжала выходить газета «Приневский край» (с 1 по 7 января вышли № 44-50).

В дальнейшем линию «Приневского края» подхватила выходившая с 4 по 21 марта 1920 г. газета «Ревельские новости». Она также стояла на правых русско-швинистических позициях, была связана с ликвидационной комиссией Северо-Западной армии, идеологически была близка к «Национальному центру» и «Союзу возрождения России», к гельсингфорсской газете «Новая Русская жизнь». В издании активно работал Я.Оредовский, бывший сотрудник «Приневского края»⁶⁴.

Таким образом, на издательское дело Белого движения на Северо-Западе решающее влияние оказали политические условия, в которых разворачивалась «Белая» борьба в регионе. Основными чертами издательского дела были:

1). функционирование центров, координировавших издательскую работу по гражданскому и военному ведомствам и отразивших противоборство «либералов» и «государственников» в Белом движении;

2). зависимость издательского дела от политических режимов в Эстонии и Финляндии, видевших в русских белогвардейцах, сторонниках восстановления единой и неделимой России, врагов своей молодой независимости, и переносивших неприязнь на всех русских жителей этих республик;

3). участие в издательском деле, в основном, принимали местные культурные и политические деятели. В тоже время издательское дело Белого движения на Северо-Западе было связано с именами таких выдающихся деятелей русской культуры, как А.И.Куприн и Л.Н.Андреев.

В целом издательское дело Белого движения на Северо-Западе стало существенной частью издательского дела всего антибольшевистского лагеря периода Гражданской войны. Оно характеризовалось теми же чертами, но имело и ряд отличий. Кроме того, Белое издательское дело на Северо-Западе явилось неотъемлемой частью отечественного книгоиздания после 1917 г. До начала 1990-х гг. вопросы Белого издательского дела в годы Гражданской войны не изучались по политико-идеологическим мотивам. И эта область книжного дела до сих пор, во многом, является лакуной отечественного книговедения.

**Книгоиздание Белого Северо-Запада в 1919 г.:
проблема воссоздания книжного репертуара Белого движения**

Русское книгоиздательское дело Эстонии и Финляндии в 1918-1919 г. (кроме периода существования советской власти на отдельных территориях) было связано с несколькими основными направлениями:

- русское местное население;
- русская эмиграция («небелогвардейская печать»);
- Белое движение Северо-Запада, рассматривавшее Эстонию и Финляндию как свою тыловую базу («белогвардейская печать»).

ЭСТОНИЯ

В Эстонии при германской оккупации русская издательская деятельность не осуществлялась. За 1918 г. пока удалось зафиксировать только одно издание - брошюру «Германия и занятые ею провинции. Протест эстонского народа», изданную на русском и эстонском языках⁶⁵.

Как отмечает С.Г.Исаков, в 1919 - 1921 гг. в Эстонии вышло 10 книг и брошюр местных русских авторов, т.е. тех, кто проживал на ее территории, примерно столько же книг не местных русских писателей и 12 изданий классиков для школьного чтения. Из них немногим более 30 книг и брошюр вышло на русском языке, но только три были напечатаны в 1919 г., а большая часть - в 1921 г.⁶⁶ Указатель «Русская печать в Эстонии. 1918-1940 гг.» учитывает 7 названий русских книг, вышедших в Эстонии в 1919 г.⁶⁷

К первому направлению относятся «Русский календарь на 1920 г.» А.Агрономова, изданный приходским советом при Ревельской Николаевской церкви в 1919 г.⁶⁸; «Русская хрестоматия» Н.Н.Троицкого, изданная в Пярну (Пернове) и напечатанная в Юрьеве в типографии Э.Бергмана⁶⁹; «Устав Юрьевского семейного общественного собрания «Родник»⁷⁰. В Юрьеве в 1919 г. вышла брошюра И.Беляева (в 1920х гг. - известного русского литератора в Эстонии) «Голод. День в умирающем городе»⁷¹.

Ко второму направлению можно отнести издания стихов И.Северянина, выпущенные эстонским издательством «Одамеэс» (Odamees) в Юрьеве. В 1919 г. вышли две книги - «Creme des Violettes. Избранные поэзы»⁷² и «Punajogi. Эстляндские поэзы»⁷³, в 1920 г. - «Вербэна. Поэзы 1918-1919 гг.»⁷⁴

Третье направление - русское белогвардейское книгоиздание на территории Эстонии было представлено несколькими брошюрами, отражавшими два основных течения в Белом движении - военное (государственно-патриотическое) и гражданское (либеральное). К первому относится «Краткая записка о возникновении Северного корпуса и дальнейшей его боевой деятельности», написанная начальником штаба Северного корпуса штаб-ротмистром Б.Видякиным⁷⁵. Второе течение представляет изданная в Ревеле отделом агитации и пропаганды при правительстве Северо-Западной области России брошюра профессора-экономиста, впоследствии участника Русской академической группы в Эстонии, Ю.Д.Филиппова «По поводу образования новой власти»⁷⁶.

Издательства, специализировавшиеся на выпуске русской литературы в Эстонии, возникли только в 1920 г. Первыми среди них стали «Кольцо» в Ревеле и «Альфа» в Юрьеве. Крупным русским издательством, специализировавшимся на выпуске русских книг, являлся «Библиофил» в Ревеле (1921-1922 гг.).

ЛАТВИЯ

Русских книг, вышедших в Латвии в 1919 г., пока удалось выявить только три. Это:

- Бухгольд. Графическая статика. -Рига, 1919;
- Вейс Я. Большевики у власти. Правдивый перечень (очевидцем) того, что сделано большевиками-правителями России за (год существования) советской власти. -Рига, 1919. -63 с.;
- Шац-Анин М. У. Темпорализм. Опыт философии еврейской культуры. -Рига, 1919. -100 с.⁷⁷

ФИНЛЯНДИЯ

В 1918-1919 гг. в Финляндии было издано 26 названий книг на русском языке⁷⁸.

К изданиям, предназначенным для местного русского населения, можно отнести, в первую очередь, религиозную литературу: уставы культурно-просветительного общества при Выборгском православном приходе, попечительства при православном приходе в Гельсингфорсе⁷⁹ и др.

Книгоиздание русской эмиграции было представлено, в основном, ее политически активным белогвардейским крылом. Здесь можно выделить издания, непосредственно связанные с Белым движением Северо-Запада и издания, связанные вообще с идеологией антибольшевистской борьбы. К первым относились два выпуска «Голоса Всероссийской власти», в которых печатались речи и указы адмирала А.В.Колчака, декларации Российского правительства, приказы главнокомандующего Северо-Западным фронтом и другие документы⁸⁰, брошюра бывших членов Политического совещания при Н.Н.Юдениче «Образование Северо-Западного правительства»⁸¹, «Положение о Российской народной Белой дружине»⁸². Белую идеологию вообще отражали брошюра Л.Н.Андреева «S.O.S» в различных изданиях, брошюры Н.Бадрина⁸³, К.Вышевича⁸⁴, Н.Н.Зворыкина⁸⁵ и другие.

БЕЛЫЙ РУССКИЙ СЕВЕРО-ЗАПАД

На сегодняшний день книжных изданий, вышедших на территориях Петроградской и Псковской губерний, временно занятых Белыми войсками, не выявлено.

Приложение 2

Военные и гражданские листовки Белого движения на Северо-западе России

Данная публикация является первой для листовок Белого движения Северо-Запада России в их исходном полиграфическом исполнении. Документы любезно предоставлены автору и редакции альманаха Архивом Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (США, штат Калифорния).

Мы выражаем искреннюю благодарность и огромную признательность сотрудникам Архива за бескорыстную помощь и поддержку:

Elena S. Danielson, Archivist, Hoover Institution, Stanford;

Carol A. Leadenham, Assistant Archivist for Reference, Hoover Institution, Stanford;

Ronald M. Bulatoff, Archival Specialist, Hoover Institution, Stanford.

* * *

Граждане солдаты „Бѣлой Арміи“!

Красныя войска терпятъ пораженіе на всѣхъ фронтахъ. Они отступаютъ къ Москвѣ. Въ тылу Красной Арміи идутъ непрерывныя возстанія крестьянъ и нападенія „зеленыхъ“, подрывающія силу большевиковъ.

Народныя массы прозрѣли. Они ждутъ съ нетѣрпеніемъ Великаго Дня освобожденія отъ большевистическаго кроваваго ига.

Большевистскіе вожди уже подготавливаютъ свое бѣгство.

Еще одно усиліе и врагъ будетъ сломленъ!

Дружнѣй впередъ, солдаты „Бѣлой Арміи“!

Вы творите великое дѣло освобожденія трудовой Россіи отъ кроваваго ига кучки самозванцевъ.

Вы идете не за восстановленіе власти помѣщиковъ и капиталистовъ, не за возвратъ стараго режима. И всякій, кто нашептываетъ Вамъ о старомъ режимѣ, кто пытается восстановить порядки, бывшіе при царѣ, — врагъ Вамъ, врагъ Правительства Сѣверо-Западной области, или большевистскій провокаторъ.

Помните это, граждане солдаты!

Вы несете освобожденіе крестьянамъ и рабочимъ, томящимся въ большевистской неволѣ.

Вы идете прекратить тысячи безцѣльныхъ казней и разстрѣловъ, восстановить порядокъ, дать работу рабочему, землю — крестьянину!

Вы идете ради сверженія самозванныхъ комиссаровъ, ради передачи власти Учредительному Собранію, свободно избранному всѣмъ народомъ.

Вы несете изстрадавшимся братьямъ своимъ — крестьянамъ и рабочимъ — свѣтъ и свободу, а не рабство царскаго режима.

Впередъ, товарищи, за Учредительное Собраніе, за Землю и Волю, за Свободу и Равенство, смѣлѣе впередъ!

Отдѣлъ Агитаціи и Пропаганды при Совѣтѣ Министровъ Правительства
Сѣверо-Западной Области Россіи.

Да здравствуетъ Учредительное Собрание!

Тяжелое время переживаетъ Русская Земля. Разбита на отдѣльныя части гражданской войной, вызванной кучкой безумцевъ - преступниковъ, разрушается она. Гибнуть лучшие сыны страны, гибнуть города, деревни. Крестьянинъ и рабочій отрываются отъ своихъ полей и очаговъ и измученные и голодные принуждаются большевиками брать винтовку, чтобы убивать своихъ же братьевъ и отцовъ такихъ же, какъ и они, крестьянъ и рабочихъ. Всѣ устали, всѣ ждутъ конца, ищутъ какого-то выхода.

И невольно возникаетъ мысль о народномъ Учредительномъ Собрании, что разогнали большевики въ Январѣ 1918 года штыками наемныхъ убійцъ.

Въ немъ одномъ видятъ теперь спасеніе русский гражданинъ. Да здравствуетъ учредительное собрание! — говоритъ крестьянинъ: оно одно можетъ дать мнѣ землю и защитить мой трудъ, дать возможность работать, сознавая, что нагрянувшій непріятель не разоритъ моей деревни и не отниметъ достоянія потому и кровью добытого. Оно одно дастъ мнѣ такъ долгожданную волю.

Да здравствуетъ Учредительное Собрание! — говоритъ рабочій: Оно одно дастъ мнѣ возможность возстановить мое честное имя, которымъ покрываются большевики, творя свое гнусное дѣло разоренія Россіи. Оно одно дастъ мнѣ свободныя, свои рабочія организаціи, которыя будутъ защищать мой трудъ.

Да здравствуетъ Учредительное Собрание! — говорятъ солдаты Бѣлой и даже Красной Арміи: Она избавитъ меня отъ пролитія братской крови, дастъ возможность забыть ужасы Гражданской войны, возвратиться къ мирному труду.

Да здравствуетъ Учредительное Собрание! — говорятъ народы, сосѣди Россіи, оно установитъ наши взаимоотношенія съ тобою, Русскій Народъ, уничтожитъ вѣковую вражду, столь старательно вызываемую черными и красными большевиками.

Да здравствуетъ Учредительное Собрание! — говоритъ православный, католикъ, іудей и язычникъ; оно защититъ меня отъ тѣхъ преслѣдованій, которымъ подвергаюсь только потому, что не хочу мѣнять вѣры моихъ отцовъ.

Да здравствуетъ Учредительное Собрание! Оно одно дастъ всѣмъ желанный покой, установитъ порядокъ, дастъ свободу личности и равенство всѣхъ передъ закономъ.

Да здравствуетъ единый полновластный Хозяинъ Земли Русской!

За власть Учредительнаго Собрания, за власть народа противъ угнетателя борется Правительство и Армія Северо-Западной Области Россіи.

Всѣ, кто желаютъ истинной свободы и равенства, помогутъ въ этой борьбѣ.

Отдѣлъ Агитаціи и Препаранды при Совѣтѣ Министровъ Правительства
Северо-Западной Области Россіи.

Солдатамъ Красной Арміи.

СКАЗКА.

Разскажу я вамъ, люди русскіе, сказку, а ужъ вы тамъ сами смекайте, есть ли въ той сказкѣ правда.

Это вѣрно, что войну буржуи и капиталисты выдумали.

Только буржуи и капиталисты-то были нѣмецкіе.

Всякому вѣдомо, что земля нѣмецкая совсѣмъ невеличка, а нѣмцевъ этихъ самыхъ въ ней наплотилось, что таракановъ за печкой. Поластроили нѣмцы и фабрики и заводы, всю землю свою астроили и стало имъ тѣсно. Такъ тѣсно, что и дышать было трудно.

А рядомъ, какъ на ало, раскинулась отъ моря до моря великая, привольная матушка Русь.

Правда, порядка въ ней мало было.

Какъ ужъ тамъ порядки, когда Гришки Распутныя завалишь.

Сорокъ лѣтъ нѣмцы къ войнѣ готовились. Ребята своихъ съ малолѣтства военному строю обучали. Пушки лили, снаряды готовили. Всѣ фабрики такъ строили, чтобы въ случаѣ войны любой токарный станокъ для патроннаго производства приспособить.

За три года до войны нѣмцы уже и новую карту своей земли напечатали.

Границу, вѣдь, до Дибля перекинули. Черное море себѣ отмежевали. И стали только удобнаго случая поджидать.

Почуялъ чертъ, что душегубствомъ пахнетъ и давай нѣмцу помогать.

Ему вѣдь это и на руку.

Извѣстно, что война не божеское дѣло, а только диаволу на потѣху. Надумили чертъ пари сербскаго Принца принаци австрійскаго въ городѣ Сараевѣ подстрѣлить.

Ну, нѣмцы за это и ухватились. Съ этого вся каша и заварилась. Вотъ это хорошо помнать.

Пошли народы на народы; полилась кровь человѣческая.

Сплелъ былъ нѣмецъ. Не даромъ онъ сорокъ лѣтъ къ войнѣ готовился и потому первое время и впрямь свои границы расширилъ.

Но потомъ, когда всѣ народы противъ нѣмецкаго гребительства возстали, смекнулъ нѣмецъ, что дѣло его плохо. И больше всего его пугала Русь православная, которая отъ стараго порядка освободившись, свободной стала.

Тогда чертъ опять на помощь нѣмцу припелъ.

— Есть, — говоритъ онъ нѣмцу, — такіе сумасшедшіе люди — Ленинъ, Троцкій, Колонтаиха и еще кое кто. Запечатай ихъ въ вагонъ, чтобы проѣдомъ по Нѣмецкой землѣ кого-не-заразили и пусти въ Русь. Они тамъ всѣ головы помутятъ. И пойдеть братъ на брата и развалится Русь сама собой. Тогда придешь и голыми руками ее возьмешь. Это, — говоритъ чертъ, почище твоихъ удумливыхъ газонъ будетъ.

И послушалъ нѣмецъ черта.

Такъ и сдѣлалъ.

Народъ русскій праздновалъ равенство и братство. Какъ къ празднику Свѣтлому къ Учредительному Собранію готовился.

Нѣмецъ слабѣлъ. И, если бы тогда обвѣщенная Русь на него ударила, то война на дѣлнй годъ раньше окончилась бы. И давно былъ бы у насъ миръ и покой.

Но тутъ-то и заработалъ нѣмецкій „гостиницъ“.

Вышли чертови посланцы изъ всего вагона и давай народъ православный мутить.

Съ три короба ему наобещали.

И миръ немедленный, и землю, и дѣло, и несметныя богатства.

И началось тутъ душеубійство на радость диаволу.

А щемецъ только руки протираеть отъ радости: солдаты его щьлы, а русскіе сами другъ друга убиваютъ.

И не забывитъ русскій народъ что водворилось на Руси самодержавіе, да такое. какого при царяхъ отъ начала Руси не бывало: самодержавіе комиссаровъ большевистскіхъ.

Опричники на Руси завелись такіе, какихъ и у Грознаго Ивана не было. Тѣ хотъ Богу молиться не заиренчали. А большевики и Бога отбѣнили. Образа въ школахъ постигали храмы Божьи въ кинематографы да танцульки обратили. Дали, правда, землю, да въ жервыи же урожан весь хлѣбъ у крестьянъ отобрали. Семью отбѣнили и у матерей дѣтей стали отбирать. А кто задумалъ спорить, того сейчасъ китайцамъ на расправу. И шалетъво же этихъ, косоглазыхъ на Русь свитую, точно вороновъ ль падаеть.

Закрылись фабрики и заводы обнищала деревня, вся Россія развалилась, начался моръ голодъ, болѣзни.

Видно и Богъ отвернулся отъ русскаго человека.

Только комиссарамъ и ихъ опричникамъ и житье.

Да чертъ въ нескѣтъ радуется. У союзниковъ и безъ насъ, уже война кончилась.

Покараеть Господь Богъ щьмца.

Видно не зря сказано:

„Поднявшій мечъ, отъ меча и погибнетъ“.

А у насъ на Руси все кровь льется. И кровь братская родная.

* * *

Вотъ и сказки моей конецъ.

Подумайте о пей, братья солдаки красной арміи.

Вѣдь не по своей волѣ вы кровь родную проливаете. Силкомъ васъ, люди сумасшедшие заставляютъ.

Вверхъ ногами, вѣдь стоять долго нельзя. Пора опомниться, пора отрезвиться и отать на ноги. И съ Юга и съ Сѣвера, и съ Запада и съ Востока идутъ намъ на выручку здоровыи свѣжіе люди. Не вѣрьте, что это контеръ революционерыи и враги свободы. Я былъ среди васъ и не видѣлъ свободы, теперь я среди нихъ и вижу, что онц то и несутъ вамъ настоящую свободу.

Будемъ всѣ подавать голоса за своихъ избранниковъ въ Учредительное Собраніе. Оно то и будетъ хозяиномъ земли Русской.

Оно, только одно оно, можетъ водворить среди насъ и миръ и покой и вакопъ и настоящую свободу для всѣхъ народностей Россіи равную.

Огдѣль Агитцаи и Пропаганды при Советѣ Министровъ
Правительства Сѣв.-Зал. области Россіи.

9.7479

Секв. Тип. І. я А. П. льмача въ Ревелъ.

Красноармейцы!

Комиссары обманывают и предають вась. Они за вашими спинами посылають телеграммы въ Америку и другія страны, пытаясь добиться свободного выѣзда изъ Россіи Ленину, Троцкому Зиновьеву и другимъ предателямъ крестьянъ и рабочихъ

Они чуютъ неминуемую и скорую гибель своей преступной авантюры.

Армія Деникина приближается къ Москвѣ. Ею взяты Воронежъ и рядъ другихъ городовъ. Отдѣльныя части ея вступили въ Тульскую губернію. Колчакъ наноситъ краснымъ поражение за поражениемъ. Поляки взяли Двинскъ и Полоцкъ. Псковъ наканунѣ паденья. Пути къ Петрограду расчищены. Внутри идутъ возстанія крестьянъ и нападенія „зеленыхъ“ на желѣзныя дороги и красныя войска. Красноармейцы разбѣгаются. Ихъ больше не пугаетъ пуля китайца, башкира и коммуниста.

Комиссары скрываютъ отъ Васъ близость своей гибели, ибо боятся справедливаго народнаго гнѣва.

Они говорятъ Вамъ, что „Бѣлая войска“ сражаются за капиталистовъ и помѣщиковъ, за восстановленіе стараго режима. Но въ рядахъ „Бѣлой Арміи“ Ваши же братья — крестьяне и рабочіе, перешедшіе отъ большевиковъ. И они идутъ не за старыи режимъ, а за восстановленіе Свободы, добытыхъ Февральской Революшей, за освобожденіе народныхъ массъ отъ кроваваго ига кучки коммунистовъ.

На знамени „Бѣлой Арміи“ огненными буквами начертано: „Вся власть народу.“

„Бѣлая Армія“ идетъ за Учредительное Собраніе, свободное избранное всѣмъ народомъ, за прекращеніе братоубійственной гражданской войны, за передачу всей земли крестьянамъ, за 8-часовой рабочій день для рабочаго, за государственный контроль надъ фабриками и заводами, за равенство всѣхъ гражданъ и восстановленіе всѣхъ свободъ, добытыхъ кровью и муками тысячъ лучшихъ гражданъ въ дни Великой Февральской Революцій!

Все это скрываютъ отъ Васъ комиссары.

Имъ выгодно обманывать Васъ и проливать братскую кровь ради наживы кучки предателей и проходимцевъ. Довольно пролито братской крови! Довольно страданій пережито трудовыми народными массами.

Россія изъ богатѣйшей въ мірѣ страны превращена въ страну голодныхъ, нищихъ и забытыхъ людей. Опомнитесь! Втыкайте штыки въ землю! Прекращайте безумную бойню! „Бѣлая Армія“ идетъ не противъ Васъ, крестьянъ и рабочихъ, а противъ кучки, залитыхъ кровью невинныхъ гражданъ, коммунистовъ и комиссаровъ.

Поймите это, красноармейцы! Поймите, что Васъ предають и обманываютъ! Бросайте оружіе, расходитесь по домамъ. Гибель коммунистовъ близка.

Отдѣлъ Агітаціи и Пропаганды при Совѣтѣ Министровъ Правительства Сѣверо-Западной Области Россіи.

Земля трудящимся!

П Р И К А З Ъ

По Министерству Земледѣлія Сѣверо-Зап. Области Россіи.

СОВѢТЪ МИНИСТРОВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ СѢЛАСТИ РОССІИ ВЪ ЗАСѢДАНІИ СВОЕМЪ 18-го ОКТЯБРЯ 1919 ГОДА ПОСТАНОВИЛЪ :

ВПРЕДЪ ДО ОСОБЫХЪ РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ РОССІИ ВЪ ОСВОБОЖДЕННЫХЪ СЕЛЬСКИХЪ МѢСТНОСТЯХЪ ПО ЗЕМЕЛЬНОМУ ВОПРОСУ ПРИМѢНЯЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ПОЛОЖЕНІЯ :

1) Органы административной власти на мѣстахъ не входятъ въ разсмотрѣніе какихъ-бы то ни было споровъ и тяжбъ о правѣ собственности и владѣніи внѣгородскими землями сельско-хозяйственного значенія.

2) Никто не имѣетъ права со дня прихода бѣлыхъ войскъ самовольно захватывать земли или, наоборотъ, возстановлять свое нарушенное прежнее владѣніе подъ страхомъ наказанія по всей строгости законовъ военного времени и немедленнаго принудительнаго возстановленія фактическаго положенія, предшествовавшаго допущенному самоуправству.

3) Службы и пр. помѣщенія, живой и мертвый инвентарь (скотъ, лошади, с.-х. машины и орудія и т. п.) продолжаютъ оставаться въ распоряженіи тѣхъ лицъ, которые владѣли ими до послѣдняго прихода бѣлыхъ войскъ.

4) Изъ лѣсовъ, какъ частновладельческихъ, такъ казенныхъ и прочихъ, кромѣ надѣльныхъ, образуется особый лѣсной Фондъ, который поступаетъ въ распоряженіе Министерства Земледѣлія

Сѣверо-Западной Области Россіи, согласно приказа отъ 28-го іюня 1919 г. за № 190.

5) Такъ называемыя совѣтскія хозяйства, а также коммуны и коллективы, кон къ приходу бѣлыхъ войскъ окажутся безхозяйными, показательныя хозяйства и поля, племенные разсадники, питомники плодовыхъ деревьевъ и прочія агрикультурныя предприятия прежней Совѣтской Власти, переходятъ полностью въ распоряженіе Земельныхъ Отдѣловъ или Уѣздныхъ Земствъ на мѣстахъ.

6) Исполненіе настоящаго постановленія возлагается на Земельные Отдѣлы, а гдѣ таковыхъ не имѣется, впредь до ихъ возникновенія на волостныхъ и уѣздныхъ земства.

7) Дѣйствіе приказа Командира Отдѣльнаго Корпуса Сѣверо-Западной Арміи и Военно-Гражданскаго Управленія отъ 19-го іюня 1919 года за № 13 «О временномъ правѣ пользованія землею» прекращается, причемъ всѣ дѣла, возбужденныя на основаніи приказа № 13, подлежатъ немедленному прекращенію.

ВСѢМЪ УЧРЕЖДЕНІЯМЪ И ДОЛЖНОСТНЫМЪ ЛИЦАМЪ ПРЕДЛАГАЮ ВЫШЕИЗЛОЖЕННОЕ ПРИНЯТЬ КЪ БЕЗУСЛОВНОМУ ИСПОЛНЕНІЮ.

МИНИСТРЪ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ СѢВЕРО-ЗАПАДН. ОБЛАСТИ РОССІИ

П. БОГДАНОВЪ.

ОТДѢЛЪ АГИТАЦИИ И ПРОПАГАНДЫ ПРИ СОВѢТѢ МИНИСТРОВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА СѢВ.-ЗАП. ОБЛАСТИ.

За что мы воюемъ.

Время величайшей трагедіи переживаетъ никакая Россія, обманутая, истерзанная гололю и терроромъ, залитая кровью лучшихъ ихъ сыновъ, затоптанная въ грязь наша ЦНА.

Кучка неизвестныхъ проходивцевъ, назвавшихся большевиками, и проникнувъ въ первые революціи въ Россію, путемъ самаго наглаго обмана и провокаціи захватила власть и въ уже два года издвигается надъ русскимъ ономъ. Нигдѣ не вырванные, никѣмъ не контролируемые, несмѣлимые большевистскіе комиссары, извѣстнѣе подлость называть себя рабоче и крестьянскимъ правительствомъ, сбѣжаны жизни рабочихъ и крестьянъ самими жандармами. Объявивъ Россію самымъ своимъ народомъ, большевики начали съ того, разогнали Учредительное Собраніе, избранное путемъ всеобщаго прямого, равнаго и тайнаго голосованія, путемъ единственнаго способа, путемъ Народнаго всеобщаго избрания.

Объявивъ конецъ войнѣ, большевики вступили въ войну со всемъ міромъ, проводя мобилизацию самымъ безжалостнымъ и жестокимъ образомъ. Проповѣдая справедливость и правосудіе, они уничтожили судъ и отдали безправнаго народа на произволъ комиссаровъ, пущихъ преступниковъ и каторжниковъ. Большевики захватили власть, обѣщавъ все благо, и исполнили ни одного обѣщанія. Все ихъ проделанное обѣщанія — ложь. Большевики разгнали железныя дороги, города и деревни, истребили систему, государственное и крестьянское хозяйство; они отняли все самое дорогое, что мы имѣли, отняли все свободы, религію, семью.

Вотъ съ кѣмъ воюють ВЪЗЫМЪ РУССКІИМЪ ЦНА, сознавшія весь ужасъ большевистскаго авианія. Воюють за возвращеніе себя РОДИНѢ, домашнихъ очаговъ, за право свободно жить свое мнѣніе, за право быть заработающими, наконецъ.

Наша совѣсть, нашъ умъ, все человѣческое, что у насъ есть, обязываетъ насъ къ войнѣ съ большевиками, къ войнѣ за самые свѣтлые идеалы.

Мы должны воевать съ большевиками за освобожденіе нашей измученной РОДИНЫ изъ когтей кроваваго большевистскаго ига, превозмудца жестокостью все существовавшая на землѣ формы рабства и надвѣательства надъ человеческой личностью.

Мы не можемъ не воевать съ большевиками, какъ не можемъ не дышать. Мы должны уничтожить большевиковъ, если хотимъ имѣть свое отечество, свой языкъ, свои законы, свою религію. Мы должны до конца воевать съ большевиками, если у насъ есть хоть капля сожалѣнія къ тѣмъ миллионамъ несчастныхъ нашихъ братьевъ, которые томится отъ холода и голода въ огромной тюрьмѣ — совѣтской Россіи, и безъ суда и свѣдѣнія тысячами разстрѣливаются чрезвычайными комиссиями.

Весь міръ, возмущенный кровавыми режиссерами. Ленина и Троцкаго, всталъ противъ большевиковъ, и добровольцы всехъ націй сражаются въ рядахъ Бѣлыхъ Арій; и если мы, русскіе, не тѣло и душу терзають Московскіе комиссары, не побѣдимъ, не уничтожимъ большевиковъ, нашему позору не будетъ названія, мы будемъ люди безъ родины, безъ имени; намъ не будетъ мѣста на землѣ, мы навсегда останемся чужими рабами.

РОДИНА жлетъ насъ. Задыхающаяся въ крови убитствъ, РОДИНА призываетъ насъ къ освобожденію. Надо спѣшить, пока не поздно. Арміи Колчака громить большевиковъ на Уралѣ, Арміи Деникина подошли къ Москвѣ. Еще одинъ послѣдній ударъ на Петроградъ — и большевикамъ рухнетъ, сраженный въ голову.

Честь этого послѣдняго, смертельнаго для большевиковъ удара волей судьбы выпадаетъ на долю СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМІИ. Взять Петроградъ — это наша святой долгъ, подвигъ, за который имя — освободителей РОССІИ — навсегда останется за героями.

Отдѣлъ Агитации и Пропаганды при Совѣтѣ Министровъ
Правительства СѢв.-Зап. области Россіи.

Секр. Тич. 1. и Пальянъ, Ровель.

Стой и подумай, солдатъ-крестоносець!

Среди тяжелой борьбы съ упорнымъ врагомъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1917 г. могучій Русскій народъ сбросилъ съ себя гниющую власть самодержавія и добился свободы, равенства и братства. Но недолго продолжалось это время. Не успѣлъ еще онъ утвердить свою власть, созвавъ всенародное учредительное собраніе, не успѣлъ укрѣпить завоеванную свободу, какъ народная власть была украдена кучкой комиссаровъ съ Ленинымъ и Троцкимъ во главѣ.

Обманомъ и подкупомъ, обиданъ вѣчный миръ, хлѣбъ и золотыя горы, добились они пласги и вмѣсто самодержавія въ Россіи установилось комиссародержавіе. гдѣ какаждый комиссаръ сталъ царемъ.

Миръ, который обѣщала Ленинъ обманутому Русскому народу былъ позорно заключенъ. Чтобы удержать власть надъ народомъ, они создали сначала красную гвардію, а затѣмъ и красную армію. Но обманъ всетаки открылся. Каждый изъ насъ теперь знаетъ какой миръ получили Русскій народъ. Все народы окончили войну и теперь отдыхаютъ: только многострадальный Русскій народъ, заключивъ преждевременный миръ съ пѣмцами, стонетъ проливая свою братскую кровь, подгоняемый комиссарами и ихъ опричниками коммунистами. Всякій изъ насъ позналъ теперь хлѣбъ, который даютъ

комиссары Русскому народу и отъ котораго не успеваютъ хоронить. Большевитскіе шпионы сплуютъ по всей землѣ Русской и попробуй кто-нибудь сказать, что власть не хороша, что комиссары сыты, а народъ гибнетъ отъ голода, — сейчасъ же въ чрезвычайку и расстрѣль безъ суда. — Это называется коммунистическая свобода и обѣщанный рай.

Но, повторяемъ, не всѣхъ удалось обмануть комиссарамъ. Нашлись люди, которые поняли истинныя цѣли тирановъ-комиссаровъ и какъ древніе рыцари крестоносцы шли на освобожденіе гроба Господня, они встали за освобожденіе поруганной обманутой и истерзанной родины. Они возстали за жизнь и свободу своихъ отцовъ, матерей и женъ и теперь желѣзнымъ кольцомъ охватили тѣ русскія земли, гдѣ свили себѣ гнѣздо народные кровопийцы комиссары.

Крѣпче винтовку солдатъ крестоносцевъ и да не дрогнетъ рука твоя въ борьбѣ за правое дѣло.

Вѣче нажимъ и тебя ждетъ слава спасителя родины — Русскій народъ молится за тебя и ждетъ твоего прихода. Бѣлый крестьянинъ побѣдитъ кровавую звѣзду и это знаютъ комиссары, собираясь бѣжать кто куда, съ награбленнымъ народнымъ золотомъ, но не уйти имъ отъ суда народа!

Впередъ, крестоносець, за жизнь и свободу народа!

Впередъ за Всенародное Учредительное Собраніе!

**Отдѣлъ Агитаціи и Пропаганды при Совѣтѣ Министровъ
Правительства Сѣв.-Зад. области Россіи.**

Саж. Тип. Г. А. Пашкина, Ревель.

КАКЪ ОБЕСПЕЧИТЬ НАШУ СВОБОДУ!

□□□

Прежде всего мы дружно свергнемъ большевиковъ и выгонимъ изъ предѣловъ страны всѣхъ враговъ народа и, созвавъ Учредительное Собраніе, можемъ закрѣпить такъ тяжело добытую свободу. Нашими лозунгами должны быть: „равенство и братство“, „свобода слова, печати и союзовъ“. Долой смертныя казни и безпорядокъ! Народъ долженъ учиться и чтобъ не было бы больше на Руси безграмотнаго темнаго человѣка. Печатное дѣло должно быть поставлено въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, чтобы каждый гражданинъ могъ читать и понимать къ чему ведегъ работа выборныхъ народомъ правителей. Словомъ, народъ самъ будетъ править и хозяйничать на своей землѣ. Это будетъ такъ и къ этому стремятся теперь вожди бѣлой арміи. Всѣ мы дѣти одной матери — Великой Руси — и всѣ мы должны всячески помогать нашимъ вождямъ, чтобы привести въ порядокъ нашу жизнь и если мы это такъ будемъ дѣлать, то никакая вражеская сила не сломитъ нашу свободу и Русскій народъ больше не будетъ знать бѣдности, угнетенія и рабства. Мы не должны злобно смотрѣть на инновѣрцевъ нашей земли. Великая Россія всѣмъ родная мать и кто еѣ знаетъ, тотъ еѣ любитъ, но пришлымъ врагамъ мы не дадимъ болѣе обманывать и грабить насъ, мы сами Русскіе должны строить свое благоденствіе и сами же будемъ пользоваться плодами нашихъ трудовъ, а не дадимъ рвать на клочки нашу родину наёмникамъ и шпионамъ враговъ нашихъ. Дружнѣй сомкни кольцо Русскій народъ и примкни къ демократическимъ вождямъ, твоимъ, которые подъ бѣлымъ знаменемъ несугъ тебѣ твое избавленіе отъ разбойниковъ.

Отдѣлъ Агітаціи и Пропаганды при Совѣтѣ Министровъ
Правительства Сѣв.-Зап. области Россіи.

-
- ¹ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -СПб.1999. -С.286.
² Там же.
³ Там же. -С.287.
⁴ Исаков С.Г. Русские в Эстонии: Историко-культурные очерки. -Тарту,1996. -С.154.
⁵ Устинкин С.В. Трагедия Белой гвардии -Н.Новгород,1995. -С.261.
⁶ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.287.
⁷ Там же.
⁸ Гурьев М.Е. Агитационно-пропагандистская деятельность белогвардейцев на Северо-Западе России в 1918-1920 гг. -СПб.1997. -С.80.
⁹ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.287; Кирдцов Г.Л. У ворот Петрограда (1919-1920). -Берлин.1921. -С.254.
¹⁰ Кирдцов Г.Л. У ворот Петрограда (1919-1920). -С.253.
¹¹ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.288.
¹² Там же.
¹³ Там же.
¹⁴ Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -Берлин,1923. -С.175-176.
¹⁵ Гурьев М.Е. Агитационно-пропагандистская деятельность белогвардейцев... -С.82.
¹⁶ Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -С.382-393
¹⁷ Там же. -С.144-145,173-174,253-254,276-277.
¹⁸ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.288; Корнатовский Н.А. Борьба за Красный Петроград (1919). -Л.,1928. -С.437.
¹⁹ Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -С.176.
²⁰ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.288-289.
²¹ Аграшников А.В. Идеология и общественное сознание в Гражданской войне на Северо-Западе России: проблемы взаимосвязи. -СПб.,1994. -С.121.
²² Маргулис М.С. Год интервенции //Летопись революции. -Берлин,1923 -Кн.3. -С.13.
²³ Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -С.257.
²⁴ Молчанов Л.А. «Ввиду важности сохранения для потомства материалов по истории...» //Библиотека (Москва). -1998. -№ 2. -С.75.
²⁵ Там же.
²⁶ Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -С.257.
²⁷ Там же.
²⁸ Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -С.161.
²⁹ Кирдцов Г.Л. У ворот Петрограда (1919-1920). -С.252.
³⁰ Маргулис М.С. Год интервенции //Летопись революции. -Берлин,1923. -Кн.2. -С.284,287.
³¹ Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -С.258; Кирдцов Г.Л. У ворот Петрограда (1919-1920). -С.252.
³² Башкиров К.А. Под Белым крестом (Чему я был свидетелем). -Рига,1922. -С.65.
³³ Гершельман А.С. В рядах Добровольческой армии. Вооруженная борьба с III Интернационалом 1919 г. -М.,1997. -С.30.
³⁴ Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -С.173
³⁵ Кирдцов Г.Л. У ворот Петрограда (1919-1920). -С.261.
³⁶ Кирдцов Г. У ворот Петрограда (1919-1920). -С.36; Башкиров К.А. Под Белым крестом. -С.55; Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.197.
³⁷ Исаков С.Г. Русские в Эстонии. -С.29.
³⁸ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.199.
³⁹ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.340-342.
⁴⁰ Там же. -С.344.
⁴¹ Опул.: Бережанский Н. Бермондт в Прибалтике в 1919 г. Из записок бывшего редактора //Историк и современник. -Берлин,1922. -Г.1. -С.34-35.
⁴² Там же. -С.37.
⁴³ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.345-346.
⁴⁴ Там же. -С.345.
⁴⁵ Бережанский Н. Бермондт в Прибалтике в 1919 г. -С.45.
⁴⁶ Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -С.276.
⁴⁷ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.347.
⁴⁸ Кирдцов Г.Л. У ворот Петрограда (1919-1920). -С.338; Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. -С.276-277.
⁴⁹ Бережанский Н. Бермондт в Прибалтике в 1919 г. -С.65.
⁵⁰ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.349-350.
⁵¹ Бережанский Н. Бермондт в Прибалтике в 1919 г. -С.82.
⁵² Гурьев М.Е. Агитационно-пропагандистская деятельность белогвардейцев... -С.82.
⁵³ Там же.

- ⁵⁴ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. -С.388.
- ⁵⁵ Исаков С.Г. Русские в Эстонии. -С.147.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же. -С.148.
- ⁵⁸ Исаков С.Г. Русские в Эстонии. -С.149.
- ⁵⁹ Там же. -С.29.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Жизнь (Ревель). -1920. -18 февр.
- ⁶³ Исаков С.Г. Русские в Эстонии. -С.30.
- ⁶⁴ Там же. -С.31.
- ⁶⁵ Германия и занятые ею провинции. Протест эстонского народа (Saksamaa ja Okkuperitud Maad. Gestirahwa asemikude protest saadetud Saksamaa walitsusele) /На рус. и эст. яз. -Б.м.,1918. -11 с. Выявлена по: Библиография русской революции и Гражданской войны (1917-1921). Из каталога РЗИА. -Прага.1938. -С.299.
- ⁶⁶ Исаков С.Г. Русские в Эстонии. -С.42.
- ⁶⁷ Русская печать в Эстонии. 1918-1940 гг.: Био-библиографические и справочные материалы к изучению культурной жизни русской эмиграции. -М.,1998. -С. 93.
- ⁶⁸ Агрономов А. Русский календарь на 1920 г. -Ревель,[1919]. -20 с.
- ⁶⁹ Троицкий Н.Н. Русская хрестоматия. -Пернов.1919-1921. -Ч.1. -80 с.; Ч. 2. -94 с.
- ⁷⁰ Устав Юрьевского семейного общественного собрания «Родник». -Юрьев,1919. -16 с.
- ⁷¹ Беляев И. Голод. День в умирающем городе. -Юрьев,1919. -35 с.
- ⁷² Северянин И. Creme des Violettes. Избранные поэмы. -Юрьев,1919. -124 с.
- ⁷³ Северянин И. Рипајогі. Эстляндские поэмы. -Юрьев.1919. -68 с.
- ⁷⁴ Северянин И. Вєрвєна. Поэмы 1918-1919 гг. -Юрьев,1920. -103 с.
- ⁷⁵ Б.В. Краткая записка о возникновении Северного корпуса и дальнейшей его боевой деятельности. -Б.м.,[1919]. -28 с.
- ⁷⁶ Филиппов Ю.Д. По поводу образования новой власти. -Ревель,1919. -20 с.
- ⁷⁷ Выявлено по: Русская книга. -1921. -№ 3: Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1818-1945. Библиография. Из каталога РЗИА. New-York,1993. -С.25; Абызов Ю.И. Русское печатное слово в Латвии. 1917-1944 гг.: Био-библиографический справочник. -Stanford,1990. -Ч.IV. -С.341.
- ⁷⁸ Подсчитано автором по: Библиография русской литературы, изданной в Финляндии. 1813-1972. -Helsinki.1988; Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции; Русская книга (Новая Русская книга). -1920-1922; Книга Русского Зарубежья в собрании РГБ. 1918-1991. Библиографический указатель. -М.,1994. -Ч.1.
- ⁷⁹ Устав культурно-просветительного общества, организованного при Выборгском православном приходе. -Выборг.1919. -15 с.; Устав попечительства при православном приходе в г. Гельсингфорсе. (регистрированное общество); Stadgar for kuratoriet vid grekisk-katolska forsamlingen. -Гельсингфорс.1919. -7,7 с.
- ⁸⁰ Голос Всероссийской власти. -Гельсингфорс.1919. -Вып.1. -24 с.; Вып.2. -32 с.
- ⁸¹ Образование Северо-Западного правительства: объяснения членов Политического совещания при главнокомандующем Северо-Западного фронта В.Д.Кузьмина-Караваева, А.В.Карташева и М.Н.Суворова. Сент. 1919 г. -Гельсингфорс,1919 (на титульном листе 1920). -48 с.
- ⁸² Положение о Российской народной Белой дружине. С объяснительной к нему запиской. -Выборг.1919. -16 с.
- ⁸³ Бадрин Н. В когтях у большевиков. В тюрьме и на воле. -Гельсингфорс,1919. -92 с.
- ⁸⁴ Вышевич К. Украинский вопрос, Россия и Антанга. -Гельсингфорс,1918. -44 с.
- ⁸⁵ Зворыкин Н.Н. Аграрный вопрос в России. 1919. -Выборг.1919. -8 с.

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

ГЕНЕРАЛ Р.К.БАНГЕРСКИЙ: МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

Краткая биография¹

Рудольфс Бангерскис (Рудольф Карлович Бангерский) родился 21 июля 1878 г. на мызе Личкрога в волости Таурупес Лифляндской губернии. 20 октября 1895 г. он вступил вольноопределяющимся в Рижский учебный унтер-офицерский батальон. В 1899-1901 гг. окончил Санкт-Петербургское юнкерское училище, выпущен в 93 пехотный Иркутский полк. Участвовал в русско-японской войне. В 1912-1914 гг. окончил два класса Николаевской академии Генерального штаба.

До августа 1915 г. капитан Бангерский исполнял обязанности старшего адъютанта штаба 31 армейского корпуса. С 12 августа назначен командующим 1 Усть-Двинским латышским батальоном. В октябре 1916 г. за боевые отличия произведен в подполковники, а в декабре этого же года - в полковники. Временно командовал 2 Рижским и 4 Видземским латышскими стрелковыми полками. Исполняющий должность начальника штаба сводной латышской стрелковой дивизии. Командир 17 Сибирского стрелкового полка с

25 января 1917 по 3 марта 1918 г.² Награжден орденами Св. Анны 4-й, 3-й и 2 степ., Св. Станислава 3 степ., Св. Владимира 4 степ., Георгиевским крестом (солдатским) и Георгиевским оружием.

Дежурный генерал штаба гарнизона Екатеринбурга с 29 июля 1918 г. Начальник штаба 7 Уральской дивизии горных стрелков, затем начальник 12 Уральской стрелковой дивизии и командующий Уфимской группой. Был произведен в чин генерал-майора и награжден орденами Св. Георгия 4 степ. и Св. Владимира 3 степ. До ноября 1920 г. служил в армии Дальневосточной республики, затем до 3 августа 1930 г. командиром 3 Латгальской дивизии. Впоследствии генерал командовал Технической дивизией и был начальником Высших военных курсов. 16 марта 1937 г. он вышел в отставку, будучи награжден латвийским Военным орденом, крестом айзсаргов

«За заслуги», литовским орденом «Витязь», эстонским орденом Орла и другими латвийскими и иностранными орденами. С 1937 г. работал директором местного правления фирмы «Кегелис» («Кирпич»), написал книгу «Тернистый путь латышских стрелков».

Во время советской оккупации в 1940-1941 гг. Р.К. Бангерский сумел избежать репрессий. С 1942 г. он - референт Генеральной дирекции юстиции, а с 10 апреля 1943 г. по 20 мая 1945 г. генеральный инспектор латышского легиона⁴. Одновременно с февраля по май 1945 г. возглавляет Латвийский национальный комитет⁵.

20 июня 1945 г. генерал был интернирован англичанами в Фаллингбостельский концентрационный лагерь, в котором находился до 17 декабря 1946 г. Затем проживал в латышском лагере беженцев в Ольденбурге. Умер Рудольф Карлович Бангерский 25 февраля 1958 г. после ранений, полученных в транспортной катастрофе, и был похоронен на Омстедском кладбище Ольденбурга. В 1958-1960 гг. в Копенгагене вышли из печати четыре тома его воспоминаний. 16 марта 1995 г. прах воина был перенесен в Ригу и захоронен в братской могиле.

Рудольф Бангерский: воспоминания о моей жизни, том 2. Отрывки из первой части «Россия и Дальний Восток»⁶

По следам полка⁷

... Только в Екатеринбурге мне удалось узнать, что еще месяц тому назад полк переехал в Челябинск. Ехать в поезде было скучно, пассажиры были неразговорчивы, газет и журналов не было. На станции Вятка в вагоне появился матрос-агитатор. Увидев человека в военном, он пристал ко мне с лозунгом «перекуем мечи на орала». Я не сдержался и высказался в том смысле, что может быть наоборот. Агитатор возмутился и начал кричать, что, мол, контрреволюционные речи и тому подобное. Пришлось в свое оправдание пояснить, что война еще не закончилась, врагов у Республики много и нельзя разоружаться.

В Челябинске полка тоже не оказалось, но там я узнал, что он ушел в Троицк - уездный город в 130 километрах к югу⁸. По прибытии в Троицк выяснилось, что большая часть полка была уже демобилизована и оставались только административная и хозяйственная часть. Полковым командиром был поручик Суворов, которого избрали сразу же после моего ухода в отпуск. Когда вечером я пришел в расположение полка, то неожиданно большинство солдат встали, хотя при большевиках это было уже не принято, но, видимо, еще военная дисциплина сохранялась. Я понял, что контакт с людьми восстановлен и атмосфера благоприятная, хотя перед этим многие офицеры поплакались своими жизнями. На второй день я пришел в полковой комитет, где председатель сказал мне, что полк принимать не надо, так как он скоро будет окончательно расформирован, а Бангерский получит пост в новой армии. Я выразил желание отдохнуть, и комитет остался доволен. Чтобы легализовать мое пребывание в Троицке, мне нашли работу контролера на местном консервном заводе, где меня доброжелательно приняли. В полку я получил двухмесячную зарплату и деньги за проданные мой экипаж и коня. С моим конем оказался связан анекдотичный случай. Жители Троицка, в основном татары, не могли ездить на коне с коротким хвостом (хвост коня обрезают у пьющего мусульманина, и это позор). Но мой строевой конь был очень хорош и какой-то татарин все же купил его и увел коня к себе. На следующий день он уже разъезжал на нем, подвязав ему фальшивый хвост.

Неожиданное предложение

3 марта 1918 г. я был демобилизован и исключен из полкового списка, но спокойной жизни не получилось. В один из мартовских дней меня пригласили к комиссару Апфельбауму⁹.

- Здравствуйте, товарищ Бангерский. Хотя мы знаем, что Вы против советской власти, все же мы Вас приглашаем как военного специалиста участвовать в организации Красной армии, а затем и для занятия командирской должности. В Оренбургском крае появились контрреволюционные банды атамана Дутова и нам нужны революционные военные силы.

- А откуда Вы знаете, товарищ комиссар, что я против советской власти?

- Ну, достаточно того, что мы об этом знаем.

- Если Вы так в этом уверены, то как же Вы хотите доверить мне защиту революции?

- Мы сумеем заставить Вас подчиниться и служить так, как нам нужно.

- Что Вы, товарищ комиссар!? Если я берусь работать, то я буду работать без принуждения.

- Да, мы это знаем.

- Скажу вам откровенно, товарищ комиссар. Если я буду уверен, что большевизм несет счастье и благосостояние народу, то я буду одним из первых в рядах борцов. Но пока у меня такого убеждения нет. Мне как иностранцу, латышу, не хотелось бы участвовать в раздорах русского народа. И я бы хотел еще какое-то время отдохнуть. Не могли ли бы Вы это мне позволить?

- Хорошо, отдохните, но подумайте о моем предложении. От службы Вы не отвертитесь, и Вас все равно заставят.

Мы расстались, но не надолго. Через пару недель Апфельбаум меня снова пригласил и уже категорическим тоном заявил, что я должен стать во главе формирующегося отряда Красной армии.

В ответ я попросил, чтобы меня отпустили в Москву за приказами и инструкциями по формированию. Комиссар засомневался, но я сказал, что здесь, в Троицке, остаются все мои вещи, да и в Москве вы меня легко найдете. Апфельбаум дал мне две недели на поездку, и в апреле я выехал из Троицка. В Челябинске оказалось, что поезда на Москву не идут, так как, начиная с Пензы, все станции забиты чехословацкими эшелонами, едущими на Владивосток... Просидев в Челябинске почти неделю, я наконец-то уехал, но не на Уфу и Самару, а в Екатеринбург. Прибыв в Екатеринбург, я был вынужден задержаться, так как в этот день не было поезда. С трудом я договорился на комнату в гостинице, но еще нужно было получить разрешение на ночлег. У большевиков с этим было очень строго.

Екатеринбургское приключение

Пока я ходил за разрешением, наступил вечер. Вернувшись в гостиницу, я был очень удивлен, увидев вооруженных красноармейцев. Охрана стояла на лестнице и у некоторых комнат. Когда я тихонько расспросил, то мне объяснили, что это облава и ищут оружие. Оружие - пистолет «Парабеллум» - было и у меня, но мне с ним было очень жаль расставаться. Зайдя к себе в комнату, я стал лихорадочно соображать, куда бы его спрятать, но ничего не приходило на ум. В дверь застучали и потребовали открыть. Вошли двое вооруженных людей, причем один с пистолетом и ручными гранатами, и встали у дверей. Третий, видимо старший, подошел ко мне и спросил, есть ли у меня оружие. Я ответил, что у меня есть только парабеллум, но он мне самому нужен, и у меня есть на него разрешение. Я показал разрешение на оружие, полученное еще в Сигулде, но пистолет у меня все равно отобрали. Тогда я попросил расписку, и старший на клочке бумаги написал что-то похожее. Больше у меня ничего не смотрели и не проверяли. Ночью, когда я уже уснул, в дверь снова раздался громкий стук. Посмотрев на часы, я увидел, что уже два часа ночи, но за дверью громко требовали ее открыть, угрожая в противном случае ее выломать. Опять эти же три вооруженных красноармейца велели мне одеться и идти с ними. По ночной улице шли медленно, причем я шел впереди, а красноармейцы с винтовками сзади. Старший, видя, что я нервничаю, велел своим товарищам идти со мной рядом и успокоил меня, сказав, что меня не расстреляют. Но тем не менее настроение у меня было неважное. От берега озера мы повернули налево, и меня привели в какой-то дом. В большой комнате находилось человек десять, на полу лежало много оружия, которое эти люди чистили и перебирали. Я стал возмущаться, почему мне не дали послать, ведь сюда я мог бы прийти и днем. В ответ на это мне сказали, что два дня назад было выступление противников власти, и все разрешения на оружие аннулированы. Я ответил, что только что прибыл в Екатеринбург и ничего не мог знать. Вскоре сопровождавший меня старший из охранников ушел куда-то с докладом и, вернувшись, сказал, что я свободен и могу идти. На мой вопрос, не могу ли я получить обратно свое оружие, мне ответили, что через пару дней приедет окружной комиссар, который может дать разрешение. Мне ничего больше не оставалось, как вернуться к себе в гостиницу и ждать.

Мне сказали, что комиссар находится в прибывшем поезде, и я был им принят. Комиссар оказался человеком лет тридцати, гладко выбритым, с длинными волосами до плеч, небольшого роста и сухощавым. Он выглядел, как юноша, но когда я всмотрелся в его потрепанное лицо, то понял, что его юношеские годы давно прошли¹⁰. Когда я показал ему свое разрешение на оружие, то комиссар рассмеялся и сказал, что хотя там есть и печать, но оно все равно никуда не годится. Затем осмотрев меня с головы до ног, он заявил, что я получу пистолет обратно только тогда, когда поступлю к ним на работу. Да и у них он лучше сохранится, чем у меня. Стало ясно, что пистолет я не верну. Мне было любопытно посмотреть на всемогущего окружного военного комиссара. Больше ничего меня в Екатеринбурге не удерживало, и на следующий день я убыл в Москву.

Московские наблюдения

Прибыв в Москву, первым делом я стал искать своего старого знакомого генерала Бонч-Бруевича, который как я слышал, был каким-то большим военным начальником у большевиков¹¹. Я нашел его в поезде, в котором он работал, недавно прибыв из Петрограда. Бонч-Бруевич заметил, что хорошо, если я решил поступить на военную службу. На что я честно признался ему, что я удрал из Троицка, где комиссар Апфельбаум заставлял меня начать формирование Красной армии для борьбы с атаманом Дутовым. Еще я добавил, что, видя репрессии против офицеров, я не имел морального права вступить в ряды новой армии. Генерал Бонч-Бруевич был немного озабочен и дал мне это понять, что ему не очень нравится, что я говорю так чисто сердечно. Затем он сказал мне, что скоро все встанет на свои места, вот только получим инструкции и штаты. И добавил, что если я хочу поступить на работу, то надо сходить и зарегистрироваться у генерала N - бывшего командира I-го корпуса и тот даст мне информацию о штатах и инструкциях. Ради интереса я все-таки сходил в указанный вагон, где меня принял довольно молодой генерал с круглым розовым лицом и большой рыжей бородой. Я рассказал ему о своем прибытии из Троицка, и что я обращаюсь к нему по поручению генерала Бонч-Бруевича. Выслушав меня, генерал N ответил, что некоторые недоразумения до сих пор были, не было инструкций и каждый поступал по своему усмотрению. Дальше такого не будет, ведь уже есть общая инструкция по формированию армии, и к каждому военному округу уже поставлены военные руководители. И в Уральский военный округ уже все отправлено, и все, что нужно, вы получите в Троицке, и весь ваш военный стаж будет учтен для пенсии. Пока Красная армия формируется на добровольческих началах, и офицеры также приглашаются добровольно. Но может быть потом будет мобилизация. Я не пожалел, что явился к генералу N, теперь я был в курсе дел по организации Красной армии. Новый порядок призыва и дальше будет касаться профессионалов старой армии, которым было сложно устраиваться, а тем более при существовавших революционных беспорядках. Ясно, что тем, кто не мог попасть в ряды белогвардейцев, надо было вступать в Красную армию.

Уйдя от генерала N, я встретил одного из своих товарищей по академии, от которого узнал, что Военная академия переезжает из Петрограда в Екатеринбург¹². Ввиду того, что некоторые вещи были мною оставлены на складе академии, я поехал в Петроград.

В академии я встретил бывшего нашего преподавателя тактики полковника Л., который, также как и я, приехал сюда из Москвы, чтобы уладить свои дела. Мы договорились с ним, что он оформит к перевозке и мои вещи. В беседе с ним я рассказал, в каком положении нахожусь, что из Троицка я удрал, так как не желаю воевать на стороне Красной армии. Средств у меня никаких нет, а жить как-то надо. Я спросил у полковника совета. Полковник Л. ответил, что в Москве он организует журнал «Русская армия» и спросил, не хочу ли я работать у него в издательстве. Я с большой радостью дал свое согласие, тем более, что так я легально освободился от Гражданской войны.

Жить в Петрограде было очень трудно на паек из двухсот грамм очень плохого хлеба. К моему счастью, эшелон военного ведомства, в котором полковник Л. возвращался в Москву, был готов на третьи сутки. На нем я уехал в Москву.

Пока полковник Л. оформлял и формировал издательство, я разыскал генерала Аузана, бывшего начальника топографического управления¹³. В управлении встретил еще двух своих знакомых - генерала Гоплера и полковника Бриедиса¹⁴. Их разговор, как можно было судить, шел о какой-то группе солдат, которую надо было послать в Ярославль и еще в какой-то район с особым заданием. Бриедис тут же спросил, не хочу ли я стать руководителем группы. Я ответил, что лучше поеду на Урал, где расформировывался мой полк, чем буду в совершенно чужом месте. Я рассказал им, как в Троицке мне предлагали формировать отряд Красной армии, что заинтересовало Бриедиса, и он тут же пригласил меня к себе на квартиру. По дороге я стал выговаривать Бриедису, что он рассуждает о своих делах при посторонних, нимало не остерегаясь. Ведь это все мог услышать кто-то другой и нарушить все их планы. Бриедис ответил, что чем больше беспокоиться о безопасности, тем нагляднее это будет. А так никто и не заподозрит, что столь открыто идут тайные переговоры.

Уже на квартире Бриедис сказал, что официально он состоит на службе в железнодорожном отделе, но на самом деле он руководит контрразведкой в подпольной организации «Союз защиты Родины и свободы». Средства к работе он получает от Савинкова. Сейчас, когда объявлены штаты и начинается формирование Красной армии, можно поставить надежных людей в некоторых частях и штабах, которым в нужный момент можно будет поручить особое задание. В первую очередь необходимо обратить внимание на поволжские районы. В то же время он

организует переброску стрелков на восток через Урал, чтобы им не нужно было поступать в Красную армию. Разговор за столом был очень оживленным. В него включилась хозяйка квартиры госпожа Лианозова, как выяснилось, также участница подполья. Я сказал, что участвовать в боях на фронте не хочу и останусь в Москве, где мне предлагают работу в редакции военного журнала, а там будет видно.

Беседа шла и о трагедии стрелков. Частично им удалось остаться на Родине, но большинство в конце 1917 г. автоматически попало в латышскую дивизию, из которой выйти можно было только дезертирством. После Брест-Литовского мира Российская армия подлежала демобилизации, но полковник Вацетис сумел сделать так, что латышские стрелки не демобилизовывались. Их просто переименовали в дивизию красных латышских стрелков. Делая карьеру у большевиков, Вацетис тянул за собой всех стрелков¹⁵. В России этого времени продовольствие у крестьян отбирали силой, к чему привлекали и стрелков. Красные власти снабжали стрелков одеждой, амуницией и продовольствием, стараясь удерживать их вдали от Родины. Где в Советской России они могли бы найти пропитание? У них просто не было выхода. Но все же не все стрелки смирились с большевиками, многие с риском для жизни оставляли свои части, если была хоть какая-нибудь возможность уйти от красных.

Полковник Бриедис организовал широкую агентурную сеть, помогавшую беглецам уходить через Урал за фронт. Когда мы распрощались и он провожал меня, мы оба были очень удивлены тем, что дверь в квартиру оказалась чуть приоткрыта, хотя Бриедис ее хорошо закрывал. Бриедис проверил ручку: она была в полном порядке и не могла сама открыться. Спускаясь по лестнице, я услышал внизу небольшой шум. Выйдя из дверей и быстро отойдя от них, я оглянулся. Я не ошибся: какая-то темная фигура тут же пошла за мной. Я затерялся в толпе и, попетляв по улицам, вскочил в трамвай, затем пересел в другой и так отделался от преследования. После этого я не посещал ни Аузана, ни Бриедиса, чтобы не навредить им, да и себе.

Вскоре полковник Л. вручил мне документы, где было сказано, что товарищ Бангерский принят на службу в редакцию журнала «Русская армия» и ему дан отпуск в Троицк за личными вещами и для расчета по прежнему месту работы. Я надеялся, что благодаря этому я буду освобожден от слова, данного комиссару Апфельбауму. Выданные документы нужно было подписать у вышестоящего начальства, и мне пришлось два дня по несколько часов сидеть в военном комиссариате, где все проходящие рассматривали меня. Видимо, меня так проверяли. На третий день наконец-то все было подписано, но полковник Л. сказал, что спешить мне некуда, так как до формирования издательства пройдет еще две-три недели и я могу еще пожить в Москве.

Через несколько дней в московских газетах появилось объявление о раскрытии контрреволюционного заговора и о введении в городе чрезвычайного положения¹⁶. Во главе Московского военного округа находился с особыми полномочиями товарищ Муралов¹⁷. Вслед за этим появился указ о немедленной регистрации всех бывших офицеров в своих отделениях милиции. От полковника Л. я узнал, что у арестованного офицера найден план действий заговорщиков и в связи с этим могут быть новые репрессии. Я сказал Л., что регистрироваться не думаю, а попробую исчезнуть из Москвы и податься в Троицк. На вокзале мне было сказано, что на билет нужно особое разрешение. Но мои документы помогли, и я счастливо выбрался из Москвы, чтобы больше никогда туда не вернуться.

Между двумя фронтами

Вернувшись в Екатеринбург, я узнал, что поезда на Тюмень и Челябинск не ходят в связи с выступлением чехов. Между Екатеринбургом и Челябинском существует фронт, и это известие меня даже обрадовало. Я остался в Екатеринбурге и снял комнату, белый хлеб и молоко можно было купить относительно свободно. Скоро пришло известие, что чехи создали фронт на Волге, и таким образом Екатеринбург очутился между двумя фронтами. Еще сильнее стал большевистский террор: шли постоянные обыски, аресты, брали заложников. В начале июня 1918 г. в связи с гибелью большого советского комиссара была расстреляна крупная группа заложников¹⁸. Об этом сообщали советские газеты и листовки. На следующий день я зашел в академию, чтобы посмотреть, нет ли кого знакомых. Из таковых в списках оказались капитаны Клявиньш и Брехманис. Клявиньш, которого я навещил, снимал комнату с женой, оба были очень милы и гостеприимны, но говорили немного напряженно, видимо, побаивались. Капитан Брехманис жил один, и мы с ним быстро пронились симпатией друг к другу. Мы оба были настроены против коммунистов. Брехманису не нравилось, что всех офицеров и слушателей академии могут втянуть в Гражданскую войну. С внешними врагами на Западе он бы сражался, но участвовать в больше-

вистской бойне он не хотел. Он говорил, что тогда уж лучше в тайгу. Я был такого же мнения и сказал, что из-за этого я и убежал из Троицка. Если меня насильно потащат в Красную армию, тогда я постараюсь уйти к белым. Веселее податься в тайгу или через фронт вдвоем. Мы договорились регулярно информировать друг друга о положении в городе и быть готовыми, когда надо, исчезнуть из Екатеринбурга.

От Брехманиса я узнал, что из Тобольска сюда перевезен царь с семьей. Их держат как арестантов в Ипатьевском доме на берегу пруда, там очень высокий забор до самой крыши. Как должна быть несчастна эта семья в руках у варварской власти. Мы вспоминали восторг и овации, которые еще так недавно сопровождали царя. Сейчас этот же самый народ не делал ничего, чтобы помочь бывшему властителю. Удивляла и позиция бывших союзников России, которые не пошевелили даже пальцем для своего недавнего товарища по оружию. Да, в счастье и в богатстве друзей за столом всегда много, а в несчастье - ни одного! Это пережила и царская семья. Царь совершил одну из самых больших ошибок, отрекшись от престола в пользу своего брата Михаила. Когда же трон оказался свободен, туда забрался большевистский зверь. Бедному народу пришлось дорого заплатить за эту царскую ошибку.

Неделю я прожил в полной свободе, только через день встречаясь с Брехманисом. При встречах много говорили о тяжелом положении офицеров, которым нелегко было выбрать, где остаться и что делать после демобилизации. Найти работу в революционной суматохе не было возможности. С демобилизацией я тянул как мог, получал зарплату и как-то перебивался. Офицеры не хотели идти в добровольческую Красную армию с ее разнузданными порядками. Но постепенно положение менялось, армия становилась более похожа на регулярную, в нее приходили офицеры, вплоть до бывших командиров дивизий и корпусов. Это уже была не импровизация, а серьезная работа. Хорошая армия дала бы порядок в стране.

В середине июня 1918 г. я получил повестку в окружной военный комиссариат. Окружной военком оказался довольно симпатичным, но уже пожилым генералом в форме, без погон¹⁹. Ему было известно, что я окончил академию, имею чин полковника, был командиром полка и сейчас без работы. Он предложил мне поступить на службу в связи с серьезным положением на чешском фронте. Я показал генералу документы, выданные в Москве, и сказал, что поступил в редакцию журнала «Русская армия», не могу без их согласия сменить работу и пробираюсь в Троицк. Генерал ответил мне, что в Троицк сейчас не попасть, и посоветовал вернуться в Москву, а то можно будет и туда не попасть. Но если вы решитесь остаться в Екатеринбурге и поступить на службу, то обращайтесь прямо ко мне. Пока офицеров просят без принуждения, но потом могут и обязать, а если вы останетесь в Екатеринбурге и откажетесь поступать на военную службу, будет подозрение, что вы настроены против советской власти, и у вас могут быть неприятности.

В этот же день ко мне зашел Брехманис и сказал, что надо уходить, так как в ближайшие дни к Екатеринбург подходить фронт и может быть объявлена всеобщая мобилизация военных. Я рассказал ему о генерале и добавил, что если уж надо бороться, то против большевиков. Стали думать, как выйти из города. На всех дорогах была строгая проверка, и никакой поклажи нельзя было иметь при себе²⁰. Немного еды мы решили разложить по карманам и идти налегке. Последнюю ночь в городе я провел у Брехманиса, у которого была примитивная карта окрестностей и компас. Мы думали, что до линии фронта доберемся за три-четыре дня²¹.

Поход с трагическим концом

20 июня 1918 г. перед обедом мы вышли из дома, где жил Брехманис. Везде по улицам ходили патрули. На первом посту мы показали свои документы, нас пропустили, но спросили, куда идем? Мы показали на здание фабрики. Видимо, нас не заподозрили. Мы были легко одеты, без головных уборов и без вещей. Мы переплыли через реку и провели ночь в небольшой роще. На второй день пути начались трудности, хлеб кончился, а в село зайти мы не рискнули. Видели в селе красноармейцев, затем на восток проехала небольшая транспортная колонна. Наконец, мы увидели в поле двух работающих женщин. Чтобы их не испугать, к ним пошел один Брехманис. Его миссия была успешной: женщины продали ему свой хлеб. Мы приободрились и пошли дальше, не предвидя, что впереди нас ждут суровые испытания. Сначала на нашем пути встретилось большое озеро, и на его противоположном конце уже к вечеру мы наткнулись на красноармейский пост и побежали обратно. И тут мы услышали, что за нами вдогонку пустили собаку. Мы бросились в озеро и забрались в камыши. Там мы дождались сумерек. Когда все стихло, вылезли из своего убежища и, сделав изрядный крюк, обошли пост. Незадолго перед рассветом,

борясь с комарами, мы вышли из леса и увидели впереди вышку. Эти вышки были сделаны еще при царе, и с них следили за беглыми каторжниками. Большевики их использовали для слежки за беглецами и партизанами. Итак, мы могли идти только ночью, а днем прятались. В этот день мы ушли дальше в тайгу, развели костерок, высушили одежду и сапоги, которые потом не смогли одеть и их пришлось разрезать.

Было утро 23 июня, когда мы двинулись дальше. Мы не знали, где фронт, но думали, что до него всего 30 километров. Брехманис предложил податься правее, чтобы быть ближе к большому тракту, где встречались деревни. Если судить по нашей карте, впереди протекали две реки, шедшие в противоположные стороны. Попавшаяся река была широка, но проходима вброд, что мы и сделали. Сапоги стали малы, и идти было очень тяжело. Уже в сумерках мы подошли к большой дороге и, судя по карте, находились недалеко от большого села. За спиной уже был трехдневный поход, провизия вся кончилась, обувь развалилась, одежда была мокрая. Мы решили заночевать в лесу. Когда нашли подходящее место и стали готовиться к ночлегу, Брехманис решил сходить в село, поискать хлеба и другой еды. Я остался и начал сооружать шалаш. Брехманис был в гимнастерке и ему было сподручнее идти в село. Я сказал ему, что, наверное, лучше идти днем, это не так подозрительно. Однако он пошел и добавил, что попросит что-нибудь у священника. Обещал, что ненадолго. Я сделал шалаш, развел костерок и начал сушить свой френч, как вдруг услышал приближающиеся голоса людей и звон колокольчика. Я быстро потушил костер, взял одежду и спрятался в кустах. Оказалось, что это была группа красноармейцев, человек десять. Они вели лошадей и прошли мимо моего шалаша, не заметив его. Отпустив лошадей пастись, сами военные возвратились назад. Мне стало ясно, что в селе есть красноармейцы, и Брехманис может попасться. Я вернулся к своему шалашу, разжег небольшой костер, чтобы Брехманис его увидел. Но сам я находился не в шалаше, а на некотором расстоянии.

Вначале я не особенно волновался, что Брехманиса долго не было, мало ли что? Когда время подошло к полуночи, я стал подавать условный свист, но все было напрасно. Тут я понял, что остался один, и Брехманис больше не вернется. Я без сил упал на землю и вдруг почувствовал страшную усталость. Очень болели ноги. Как идти дальше, ведь карта и компас остались у Брехманиса? Без них ни туда, ни обратно в лесу не возьмешь правильного направления. Положение было отчаянное: еды нет, ноги болели. - явилась мысль покончить с собой. Может быть, я бы это и сделал, но у меня не было никакого оружия. И вдруг у меня вспыхнула надежда: вернуться в Екатеринбург, но не по тайге, а по главному тракту, и пусть надо мной будет Божья Воля! В таких мыслях прошел час, меня тянуло ко сну. Прежде чем податься в рискованный путь, нужно было поспать. Я залез в густой кустарник, положил под голову свой френч и уснул.

Проспав часа два, я встал и пошел к селу по следам лошадей и людей. Примерно через час я вышел из леса и увидел тракт и село. На опушке леса я постоял и подумал о судьбе Брехманиса. Пытаться ли идти дальше? И тут я увидел человека, вышедшего из леса и направлявшегося с собакой в мою сторону. Я подошел к нему, поздоровался и спросил, не видел ли он солдата - моего спутника, который заблудился в лесу? Этот человек ответил, что он солдата не встречал, но красноармейцы вчера поймали какого-то агитатора, у которого под бельем, на голом теле, были запрятаны 7000 рублей, наверное, для агитации. На мой вопрос, как он выглядел, этот агитатор, человек ответил, и я понял, что это мой несчастный спутник. Человеку с собакой я сказал, что это не мой солдат, и спросил, а что с этим агитатором? Я получил ответ, что его на ночь закрыли в каком-то сарае, где он, наверное, находится и сейчас. Он сказал также, что в селе расположилось около 300 красноармейцев, но мне нечего его бояться, он видел, кто я, все устро наблюдал за мной в окно и вышел на меня посмотреть. Я боялся довериться чужому человеку и ответил ему, что это из-за своего солдата я так долго стоял здесь, мне не хотелось оставлять его одного, но, наверное, придется идти дальше без него. Не знаю, поверил ли мне этот человек, но он вдруг спросил, не дам ли я ему немного денег. Я достал кошелек, оказалось, что у меня 80 рублей керенками, банкноты по 20 рублей. Он попросил половину, отказать было трудно. Я сказал:

- Возьмите, добрый человек, половину, а мне найдите хоть небольшой кусок хлеба.

- Что Вы, с хлебом плохо, новая власть отняла все зерно и выдает его понемногу, чтобы только люди не умирали с голоду. Дома у меня хлеба совсем немного.

- Ну, тогда дайте мне половину, - воскликнул я.

- Хорошо, я вам принесу, но вы спрячьтесь в лесу и ждите.

Я думал, что больше его не увижу, но ошибся. Не прошло и часа, как новый знакомый принес хлеб и в бумажке соль. Это меня очень тронуло.

Съев хлеб и отдохнув, я мог идти обратно в Екатеринбург. Я обошел село по краю леса и вошел в него с другой стороны. Был приятный солнечный день, человек пятнадцать красноар-

**Полный генерал
Бангерскис Рудольфс.**
Фото конца 1930х г.

мейцев сидели на бревнах на краю улицы и разговаривали. С большим волнением я подошел, поздоровался и спросил дорогу в Екатеринбург. Они мне ответили: прямо по большому тракту до Екатеринбурга километров пятьдесят или шестьдесят. Через полкилометра я встретил еще одну группу красноармейцев, также спросил дорогу и, получив такой же ответ, пошел дальше. Через некоторое время меня догнали трое всадников и спросили, почему я иду один, что делал и есть ли у меня документы. Я показал свои документы, они сказали: «Ладно и так видим, что идешь по делу». Только добавили: «А где денщик?» Я ничего на это не ответил и пошел дальше.

Часов через пять снова показалось село. Там я решил отдохнуть, идти уже не было сил. Село стояло у большого озера и насчитывало 12-15 домов. Сначала никто на ночлег меня не пускал. Наконец, один крестьянин показал мне на новый дом на берегу озера, назвал хозяина и сказал, что тот, наверное, пустит переночевать. Там мне дали ночлег, покормили, а на утро протопили баню, чтобы я подлечил свои ноги. Когда мы сидели за ужином, хозяин выражал свое недовольство настоящими порядками и обижался, что из-за нового дома его считают кулаком, ругал большевиков. Я был осторожен и говорил, что настанет порядок и все поправится.

После завтрака хозяин посмотрел в окно и сказал:

- Данилыч едет!

Это был их старший милиционер, человек лет тридцати, обвешанный оружием, с карабином, револьвером и гранатами на поясе. Он приказал мне одеться и идти за ним. Я сослался на большие ноги, но он закричал на меня:

- Давай быстрее!

Я шел впереди, а сзади на коне ехал Данилыч. Меня завели в дом, где в небольшой комнате стояли столы с разложенными на них бумагами. За столами и рядом сидело человек шесть-семь самого подозрительного вида.

- Вот еще одного поймал! - сказал Данилыч.

Я объяснил, что меня никто не ловил, я ждал баню, когда вошел вот этот товарищ и привел меня сюда. Меня спросили, откуда я, и я ответил, что в Москве я принят на работу и командирован в Троицк, но в связи с военными событиями я туда не могу попасть. Потратившись в Екатеринбурге, я подался искать работу, но заболел и иду обратно в Екатеринбург. Тот, кто меня спрашивал, видимо мне не поверил и посоветовался с остальными. Мои документы он не посмотрел, а подал молодому, лет 18-20-ти, бойцу. Тот посмотрел и спросил, не служил ли я в латышских стрелках. Я ответил, что был командиром 1 Даугавгривского латышского стрелкового полка. Затем, узнав от одного из догнавших меня красноармейцев, показывал ли я им документы, меня освободили.

Отношение ко мне изменилось. Меня спросили, не хочу ли я отдохнуть прежде, чем идти дальше, и не хочу ли я поесть. Я ответил, что там, где я ночевал, я поел. Они извинились, и я вернулся к хозяину, где уже была готова баня. Хозяин рассказал мне, что здесь был бунт, выступили человек сто пятьдесят. Из Екатеринбурга приезжали три или четыре бронемшины, и бунтовщиков разогнали. Сейчас их по одному ловят и расстреливают. Я понял, что жизнь моя висела на волоске и, если бы не тот молодой боец, который меня догнал верхом и выступил свидетелем, дело мое было бы плохо. Я сходил в баню, привел себя в порядок и был опять готов к жизни и борьбе. В этот день никого не было, кто бы меня подвез в Екатеринбург. Я пробыл у своего хозяина еще два дня. Он дал мне старенькую обгоревшую солдатскую шинель и старую шапку. Внешне я был теперь похож на большого солдата, да так оно и было, у меня болели ноги.

Мы выехали рано утром и к вечеру находились уже в Екатеринбурге. По улице шел капитан Клявиньш с женой, и на минуту, пропуская прохожих, они остановились около нашей телеги, но меня не узнали. Я не стал здороваться с ними, инстинктивно подумав о своей безопасности. И правильно сделал, потому что, как оказалось, пойманный Брехманис назвал меня. Когда я вернулся домой, то хозяйка сказала, что меня несколько раз спрашивали. Я понял, что надо скрываться. Через несколько дней я узнал, что Брехманис был привезен в Екатеринбург, где и выяснилось, что он слушатель военной академии. Начальник академии Андогский был очень возмущен тем, что Брехманис бежал и скомпрометировал всю академию²². Андогский не заступился за него, и его вместе с шестьюдесятью пятью другими заложниками расстреляли. Среди расстрелянных были священники и даже женщины²³...

[На этих строчках, к сожалению, обрываются последовательные воспоминания генерала Бангерского о Гражданской войне на Востоке России и далее следуют только краткие планы - А.К.]

Служба в Сибирской армии

Сибирская эпопея

Осенью 1918 г. по всей России от Карпат до Тихого океана шли восстания против большевиков. Возникло множество местных правительств:

1. Самара (теперь Куйбышев) - Комитет [членов] Учредительного собрания, иначе КОМУЧ.
2. Уральск - казачье правительство.
3. Оренбург - Дутов.
4. Екатеринбург (теперь Свердловск) - Уральское правительство.
5. Омск - Сибирское правительство.
6. Чита - Семенов.
7. Дальний Восток - три правительства.

Армия

Приближение фронта. Переворот. Чехи. Голицын²⁴. Я начальник штаба гарнизона. Формирование 7 Уральской дивизии. Мои сомнения о деятельности чехов. Голицын принимает 7 дивизию. Уральское правительство. Я формирую 12 дивизию. Полковники Манюков, Воробьев. Риза Хирза²⁵. Ужасные находки в шахтах. Уфимское правительство. Генерал ...²⁶, полковник Рютель²⁷. Визит адмирала Колчака. Мое выступление. Генерал Нокс. Поздний ужин, неправильный гимн. Со своей 12 Уральской дивизией против большевиков. Первые успехи. Повышение в чине. Весеннее наступление и разгром. Солдаты без обуви и одежды. Итог многовластия, начало катастрофы. Большое отступление (Иркутск, Колчак.) Ледовый поход. Каппель. Через Байкал. Отступление. Гривин и Войцеховский.

Чита

Атаман Семенов и его правительство. Бунты с Лоховым и Войцеховским. Офицер застрелился из-за воровства. Общий фронт с японцами. Крах фронта из-за удара в спину. Бунт в Чите против меня. Отъезд через Монголию и реку Онон. Ламаистский монастырь Цуум. Гостеприимство. Бой в ночном селе. Большой холод. Конный дивизион помогает отбить противника.

Харбинский период

Разоружение на станции Маньчжурия. Судьба денег. Положение в Харбине и Приморском крае. Владивосток. Япония. Корея. Отель Ямато. Я с документами от Японии. Путь на Родину. Кража. Озолиньш. Париж. Лион. Письмо от польского инженера моей сестре. Возвращение.

31 июля 1921 г. на корабле «Ямато-Мару» из Шанхая выехал в Европу. 11 августа 1921 г. в Шанхае получено первое мое известие из Гонконга, 23 августа первые вести из Сингапура. 25 сентября пишу письмо сестре из Парижа.

¹ По материалам: РГВА. Ф.40215. Оп.1. Д.85; Bangerskis Rūdolfs // *Lāčplēša kara ordena kavalieri. Biogrāfiska vārdnīca*. -Rīga,1995. -P.60.

² «Полковник, позднее генерал-майор Бангерский - латыш по национальности. Вольноопределяющимся 2-го разряда был на русско-японской войне, где получил солдатский Георгиевский крест. После войны держал «экстерном» на офицера в одном из военных училищ (Казанском?), произведен в офицеры. Держал экзамен в академию Генерального штаба, которую окончил по третьему разряду (?!). В Великую войну, в 1915 году, командовал одним из Сибирских стрелковых полков. В 1916 году одним из первых сформировал латышский батальон. Храбрый офицер, но большой тяжелолудом и очень тяжелый человек. Начальники штабов у него не держались». -См.: Филимонов Б.Б. Белая армия адмирала Колчака. -М.,1997. -С.43.

³ «В мирное время латвийская армия насчитывала 16-18 тысяч человек. всего четыре пехотных дивизии, одну техническую дивизию (авиационный полк, танковый полк, полк бронепоездов и батальон связи) и спецчасти. В военное время армия могла быть увеличена до 120 тысяч человек. Армия была хорошо обученной и дисциплинированной. однако многие виды вооружений были устаревшими». -См.: Смирин Г. Основные факты истории Латвии. -Рига,1993. -С.133.

⁴ «Легион численностью свыше 30 тысяч человек состоял из двух дивизий СС - 15-й и 19-й, которыми командовали немцы. Генеральным инспектором легиона (с ограниченными и неясными полномочиями) был назначен бывший генерал латвийской армии Р.Бангерский, которому было присвоено звание группенфюрера СС». -См.: Смирин Г. Основные факты истории Латвии. -С.143-144.

⁵ «В феврале 1945 г. в Потсдаме был созван Латвийский национальный совет, который избрал Латвийский национальный комитет во главе с Р.Бангерским. Предполагалось, что этот комитет сместит латышское самоуправление. однако германские власти в Лиепае, куда комитет переселся в начале марта, рассматривали его лишь как организацию беженцев. В начале апреля Р.Бангерский бежал в Германию, где сдался в плен западным союзникам». -См.: Смирин Г. Основные факты истории Латвии. -С.149.

⁶ Bangerskis R. Mana mīļa atmiņas. -Grāmata 2. Krievija un Tālayos austrumos. -Kopējāgrāmatā.1959. -P.13-45.

⁷ Прибыв из отпуска в начале 1918 г. в Сигулду, Р.К.Бангерский узнал, что его 17 Сибирский стрелковый полк уехал куда-то на восток. Приехав в Петроград, полковник явился к паркомвоену Н.И.Подвойскому, который сообщил, что ему необходимо направляться в сторону Перми. Получив 200 рублей командировочных, Бангерский выехал на Урал.

⁸ Троицк - уездный город Оренбургской губернии (ныне Челябинской области) с населением около 25 тыс человек. Крупный центр торговли со Средней Азией, связанный железнодорожным путем с Самаро-Златоустовской железной дорогой. -См.: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. -СПб.,1914. -Т.5. -С.488-489.

⁹ Р.К.Бангерский ошибся в фамилии. Имеется в виду Аппельбаум Я.В. - председатель Троицкого горисполкома совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, погиб во время взятия чехословаками Троицка в июне 1918 г. -См.: Гражданская война на Южном Урале 1918-1919 гг. Сб. док. и мат. -Челябинск,1962. -С.403.

¹⁰ Судя по описанию, это был окружной военный комиссар Уральского военного округа Анучин Сергей Андреевич (1889-1956). -См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. -М.,1987. -С.40.

¹¹ Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1870-1956) - генерал Российской императорской армии, одним из первых перешел на службу советской власти. В описываемое время - военный руководитель Высшего военного совета. -См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. -С.71

¹² Переезд Военной академии из Петербурга в Екатеринбург проходил весь апрель и май 1918 г. -См. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики советов. 1917-1920 гг. -М.,1988 -С.84.

¹³ Аузан Андрей Иванович - генерал-майор Российской императорской армии. На службе в Красной армии с 1918 г. -См.: Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе... -С.236.

¹⁴ Гопспер Карл Янович (1876-1941) - окончил Псковский кадетский корпус и Виленское военное училище. Участник Великой войны в 1914-1917 гг.: с 1916 г. командир 7 Баусского латвийского стрелкового полка, с 1917 г. командир 1 латвийской стрелковой бригады. Награжден Георгиевским оружием, орденами Св.Георгия 4-й и 3-ей степеней и Св.Владимира 3-ей степеней с мечами. Генерал-майор. В описываемое время входил в состав «Союза защиты Родины и свободы». Участник Ярославского восстания (июль 1918 г.). В 1918-1920 гг. служил в составе Белых армий Востока России. В 1920 г. вернулся в Латвию, где занимал различные должности в латвийской армии. Награжден многими латвийскими и иностранными орденами. В 1940 г. арестован НКВД, и 25 марта 1941 г. скончался в Рижской центральной тюрьме. -См.: Goppers Karlis // *Lāčplēša kara ordena kavalieri*. -P.167-168.

Бриедис Фридрих Андреевич (1888-1918) - окончил Владимирское военное училище и военную академию. Один из организаторов латышских стрелковых частей. Командир 1 роты 1 Даугавгравского латвийского стрелкового батальона, с 1917 г. полковник, командир 1 Даугавгравского латвийского стрелкового полка. Награжден Георгиевским оружием и орденом Св.Георгия 4-й степеней. С декаб-

- ря 1917 г. являлся в Москве одним из инициаторов и руководителей «Союза защиты Родины и свободы», в котором возглавлял отдел разведки и контрразведки. 23 июля 1918 г. был арестован на квартире нефтепромышленника Лианозова и расстрелян в ночь с 27 на 28 августа 1918 г. в Бутырской тюрьме. -См.: Briedis Fridrichs //Lācplēša kara ordena kavalieri. -P.94; К истории ВЧК: Письмо А.И.Эрдмана (Бирзе) Ф.Э.Дзержинскому //Русское прошлое (Санкт-Петербург). -1996. -№ 6. -С.204.
- ¹⁵ Вацетис Иоаким Иоакимович (1873-1938) - офицер Российской императорской армии. В описываемое время являлся начальником Советской латышской стрелковой дивизии. -См.: Деятели СССР и революционного движения в России. Энциклопедический словарь Гранат. -М., 1989. -С.62-71.
- ¹⁶ 31 мая 1918 г. в Москве по приказу командующего войсками Московского военного округа Н.И.Муралова было объявлено военное положение и решено, что все бывшие офицеры обязаны зарегистрироваться в районных военкоматах. О том, как происходила эта регистрация, известно из воспоминаний советских ответственных работников. В манеже бывшего Александровского военного училища было собрано свыше 17 тыс. бывших офицеров от прапорщиков до полных генералов. Часть офицеров заперли в манеже, другую часть расположили во дворе. На обед их не выпустили, а на ночь не привезли даже соломы. От скученности начались болезни и эпидемия. Некоторые офицеры тут же арестовывались, а многие из них нашли свой конец в тире соседнего Астраханского гренадерского полка. -См.: Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе... -С.118; Волков С.В. Трагедия русского офицерства. - М., 1999. -С.68.
- ¹⁷ Муралов Николай Иванович (1877-1937) - советский военный деятель, в описываемое время командующий Московским военным округом. -См.: Деятели СССР и революционного движения в России. -С.557-558.
- ¹⁸ Расстрел группы заложников из 19 человек екатеринбургских горожан был произведен чекистами 29 июня 1918 г. в ответ на гибель на станции Тундуш (между Бердяушем и Златоустом) члена Уралобкома комиссара И.М.Малышева. -См.: Известия Уральского областного совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов (Екатеринбург). -1918. -30 июня.
- ¹⁹ Скорее всего это был военный руководитель Уральского окружного комиссариата бывший генерал Надежный Дмитрий Николаевич (1873-1945). -См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. -С.372.
- ²⁰ В связи с выступлением чехов в Екатеринбурге с 29 мая 1918 г. было введено военное положение и комендантский час. -См.: Уральская жизнь (Екатеринбург). -1918. -31 мая.
- ²¹ Линия фронта на Екатеринбург-Челябинском направлении проходила в эти дни между станциями Маук и Кыштым до озера Куяш, и до нес было от Екатеринбурга около 120 км.
- ²² Андогский Александр Иванович - генерал-майор Российской императорской армии. в описываемое время возглавлял военную академию. -См.: Иностранцев М. Академия Генштаба и гибель царской семьи в Екатеринбурге. Из воспоминаний профессора бывшей академии Генштаба //Уральская старина. -Екатеринбург, 1994. -Вып. I. -С.17-43.
- ²³ Возможно, Брехманис попал в группу из 62 человек так называемых камышловских заложников, расстрелянных чекистами 27 июня 1918 г. -См.: Зауральский край (Екатеринбург). -1918. -23 авг.
- ²⁴ Голицын Владимир Васильевич - генерал-майор, первый командующий 7 Уральской дивизии горных стрелков. -См.: РГВА. Ф.39811. Оп.1. Д.6. Л.1.
- ²⁵ Маноков - ошибочно, скорее всего, это полковник Ванюков - командир 47 Тагильского стрелкового полка 12 Уральской дивизии. -См.: РГВА. Ф.39517. Оп.1. Д.35. Л.95.
Риза-Хирза - ошибочно, скорее всего, это персидский принц полковник Риза Кули-Мирза, управляющий делами Екатеринбургского комитета Георгиевских кавалеров. -См.: Уральская жизнь. -1918. -6 дек.
- ²⁶ Имя пропущено - примечание издателя мемуаров.
- ²⁷ Полковник Э.Рютель сменил на посту начальника штаба 7 Уральской дивизии Р.К.Бангерского. -См.: РГВА. Ф.39517. Оп.1. Д.35. Л.79.

**Перевод с латышского Тейване-Матвеевой К.А.
Публикация и комментарии подготовлены Кручининым А.М.**

АРЕСТ АТАМАНА

Когда люди не знают истины, рождаются легенды. Иногда такие легенды создаются специально, чтобы труднее было познать правду. По-видимому, с таким тайным умыслом рождены легенды, связанные с арестом в августе 1945 г. в Маньчжурии атамана Григория Михайловича Семенова. Их множество. По крайней мере, автору этих строк известен почти десяток вариантов, большинство из которых связано с «героической» операцией чекистов, выкрывших, дескать, атамана из резиденции под Харбином. При этом упоминаются и свидетели, которые видели, конвоировали атамана и т.д. Так, В.Медведев пишет: «И только в 1945-м схвачен [Г.М. Семенов - В.П.] чекистами в районе Харбина...»¹. «Под Харбином» повторяется и в ряде других публикаций.

По мнению А.М.Кайгородова, подкрепленному свидетельствами двух «очевидцев», атаман сам в генеральской форме при всех наградах приехал на извозчике на вокзал Дайрена (г.Дальний), куда подошел эшелон советских войск, и первому же офицеру представился: «Я - Семенов»².

По версии же Л.Т.Васина, исследователя жизни Г.М.Семенова из Новороссийска, арест произошёл в собственном особняке в пос.Такахаси, что неподалеку от Дайрена, 22 августа 1945 г. Вошедшим к нему в комнату офицерам советской контрразведки атаман предложил: «Господа офицеры! А не желаете ли Вы отобедать?»³.

И, наконец, совершенно неожиданную легенду использует Л.А.Юзефович. В своей фундаментальной, основанной на большом количестве отечественных и зарубежных архивных источников, книге о бароне Р.Ф.Унгерне «Самодержец пустыни» он пишет: «Схватили бывшего атамана совершенно случайно: его самолет, пилотируемый японским летчиком, по ошибке приземлился на уже занятом советскими войсками аэродроме в Чаньчуне»⁴.

Так где же, когда, при каких обстоятельствах и кем был арестован атаман Г.М.Семенов? Где же правда? На такие вопросы могли бы теперь ответить только люди, сами являвшиеся участниками и свидетелями данной акции.

С этой целью, набравшись духа, и полагая, что дети-то атамана знают об этом событии не из легенд, я обратился с письмом к дочери атамана Елизавете Григорьевне, ныне проживающей в австралийском Сиднее. И не ошибся: Елизавета Григорьевна была непосредственным свидетелем ареста, о чем подробнее и поведала в своем ответном письме. С ее любезного разрешения привожу текст полностью, за исключением отдельных строк, носящих личностный по отношению ко мне характер. Итак...

«Ваше письмо навело меня на глубокие раздумья. Вспомнилось все пережитое.

О деятельности отца я знаю очень мало и весьма поверхностно, лишь в общих чертах. Вряд ли смогу добавить что-то к тому, что уже известно о нем, к тому, что есть в его книге «О себе»⁵. С нами, детьми, особенно младшими, он никогда не говорил о делах, своих убеждений не навязывал, но, сколько помню, никогда их нам и не высказывал. По крайней мере, я этого не слышала.

Из Вашего письма следует, что Вы, Вадим Васильевич, хотите узнать правду об обстоятельствах и месте пленения моего отца. Мне довелось читать различные публикации об этом, но увы, ни одна из них не соответствует истине, а если называть вещи своими именами, то все это, мягко говоря, вымысел. Не могу понять, откуда исходит такая «информация». Ведь в день пленения (или ареста, если угодно) отца в доме, кроме нас - семьи, нескольких человек из прислуги и четырех советских офицеров - никого из посторонних не было. Не знаю, как насчет советских офицеров, а из нашей семьи живых свидетелей в настоящее время осталось только двое - моя старшая сестра Татьяна и я.

Итак, начну по порядку. Отец с нами, семьей, проживал в своем доме в дачном поселке Какахаси [Такахаси, Кагахаси - транскрипция японского названия - В.П.], в 20-30 км от Дайрена по железнодорожной ветке Дайрен - Порт-Артур. В начале августа 1945 г. нам стало известно из средств массовой информации, что советские войска перешли границу и движутся в Маньчжурию. В Дайрен войска пришли 31 августа или 1 сентября, точно не знаю, но навсегда запомнила, что задолго до них, а именно 22 августа, на аэродроме между нашим поселком и Дайреном приземлился специальный десант. Это случилось так.

Во второй половине дня в небе низко пролетели и удалились в сторону аэродрома несколько самолетов с советскими опознавательными знаками. Примерно через два - два с половиной часа к нашему дому подъехал автомобиль. Из него вышли пять человек. Один из них был штат-

ский - шофер советского консульства в Дайрене, четверо - военные, офицеры. Трое были вооружены автоматами, причем держали их «на изготовку», а четвертый, майор, был с револьвером (или с пистолетом). В это время сестра Тата и я гуляли в саду нашего дома, недалеко от ворот, а отец с нашим братом Мишей сидели на балконе. День был очень жаркий, я даже помню, что отец тогда был в шортах и белой футболке.

Мы с сестрой, увидев военных, сразу замерли на месте, а они быстро подошли к нам, спросили строго и громко: «Где отец?». Отец, видимо, услышал вопрос. Он подошел к перилам и тоже громко ответил: «Я здесь!». И тут же отец велел нам проводить военных в дом.

Мы с Татой открыли парадную дверь и, как полагается, предложили офицерам войти. Но они в ответ резко и строго приказали: «Входите вы первыми!» - и продолжали держать автоматы наготове. Мы провели «гостей» в гостиную, где их ожидал отец и его старый друг, соратник по Первой мировой и Гражданской - генерал-майор Е. Д. Жуковский (он всегда жил в нашей семье на правах близкого друга отца). Настороженно оглядываясь вокруг и все время держа автоматы наготове, военные вошли в гостиную.

Убедившись в том, что никакой засады нет, что никто им не оказывает сопротивления, офицеры по приглашению отца сели на стулья и положили автоматы на колени. После этого мы с Татой ушли.

Наш брат Миша был старше нас (ему было в то время 22 года, моей сестре Тате - 17, а мне - 15 лет), он хорошо понимал, что происходит, и очень волновался. Его волнение передавалось и нам. Конечно, мы не в состоянии были далеко уйти, стояли поблизости и прислушивались к тому, что происходит в гостиной. А там шла беседа на вполне ровных и мирных тонах. По отдельным словам и фразам мы могли понять, что разговор шел то о Второй мировой, то о Первой мировой войнах (и та, и другая - с Германией, и царские и, наверное, советские офицеры прошли через фронт).

Беседовали очень долго. Уже вечерело.

Гостиная, где они сидели, через арку переходила в столовую. По заведенному порядку, когда подошло время, наш повар спросил у отца можно ли подавать ужин. Прежде чем ответить, отец, по закону гостеприимства, предложил «гостям» отужинать. Те охотно согласились. Потом и нас позвали. Ужинали все вместе. За большим столом, кроме приезжих, военных, сидели и мы все: отец, Е. Д. Жуковский, наш брат Миша, мы с Татой и маленький внук отца - сын нашей старшей сестры Елены - Гриша (Елена была замужем, жила в Харбине, а сына привезла к нам на лето). И тут я вынуждена опровергнуть неизвестно зачем придуманный эпизод, описанный некой Н. Ильиной в «Огоньке», кажется, в 1989 году⁶. Эта бывшая эмигрантка, о которой никто из нас раньше даже не слышал, в своей публикации утверждает, что наш отец устроил какой-то специальный «банкет» для офицеров, приехавших его арестовывать. Все это выдумка, очередная ложь. Ужин был весьма скромный, какими были трапезы у всех в те военные времена. Ведь японцы уже несколько лет вели войну с Америкой, по всей Маньчжурии (она была под оккупацией Японии) продукты выдавались всем только по карточкам, как и в России. Ну и конечно, не было никакого вина и в помине.

Я думаю, нет нужды объяснять, что все мы пережили в тот день. Драматичность события очевидна. Поэтому все происходящее врезалось в память, все помнится так, будто было вчера.

За столом продолжался разговор о войне. Отец и Жуковский, рассказывая о Первой мировой, сетовали, что воевать было трудно, революционная пропаганда разлагала армию, младшие чины выходили из подчинения, резко падал дух армии, создавался внутренний оппозиционный фронт, который работал на руку врагу - немцам. Отец и Жуковский утверждали, что Россия

**Семенов Григорий Михайлович,
атаман Забайкальского казачьего войска.
Фото 1919 г.**

никогда бы не проиграла войну, если бы не революция. Они говорили, что победа была близка, но император Вильгельм щедро платил революционерам за их разрушительные действия по отношению к армии и России в целом, и результатом стал «позорный Брестский мир». Советские офицеры, помнится, возражали, выдвигали свои причины поражения. Много говорили и о Великой отечественной войне.

За столом сидели долго, пили чай, беседовали. Когда все закончилось, кто-то из военных спросил: «Каких убеждений Вы придерживаетесь сейчас? Все тех же что и в Гражданскую войну?». Не ругаюсь за дословность, но отец и Жуковский единодушно ответили примерно следующее:

- Убеждения наши такие, за которые вы расстреливаете. Мы - русские офицеры, мы давали присягу Вере, Царю и Отечеству, и ей остались верны, революцию не приняли и боролись с большевизмом из последних сил.

Кто-то из советских сказал: «За это вам придется ответить и понести наказание...».

Вскоре после этого майор (наверное, он был там главным) заявил, что им пора ехать и что отец должен поехать с ними.

Мы поняли, что отец арестован. Миша, наш брат, помнится, как-то держался, а мы с Татой заплакали. Майор, увидев, что мы плачем, неожиданно стал успокаивать нас: «Не надо плакать, я вам еще привезу отца, через несколько дней привезу».

Отца офицеры увезли с собой, а Жуковского оставили, почему-то не арестовали в этот раз.

Мы и верили и не верили майору. Но на четвертый день рано утром к нашему дому действительно подъехал военный автомобиль. За рулем был тот самый майор, а рядом с ним наш отец. Больше никого с ними не было. Я до сих пор не понимаю и удивляюсь: зачем, почему майор сделал это? Какими чувствами или соображениями он был движим?

Как бы то ни было, но весь этот день отец провел с нами. Мы помогали ему собрать необходимые вещи: смену белья, одежды и прочие мелочи. Вместе с нами все время находился и майор. Пока мы все собирали, он с интересом осматривал кабинет отца. Там был портрет последнего русского императора Николая II и висела красивая икона «Св.Георгия Победоносца». На комод лежала награда царя - «золотое Георгиевское оружие» (шашка). Рядом с шашкой, как всегда, лежал небольшой выцветший мешочек - кисет с горстью русской земли. Тут же была шкатулка со всеми другими наградами: отец был полный Георгиевский кавалер за ту, Первую мировую войну 1914 года [Елизавета Григорьевна ошибается: Г.М.Семенов имел офицерский орден Св.Георгия 4 степ. и другие ордена до Св.Владимира включительно - В.П.] Здесь же стояла скромная фотография матери отца - нашей бабушки.

Майор все рассматривал, но ничего в тот раз не взял.

Потом мы все обедали, а после обеда перешли в гостиную. Майор увидел открытое пианино и попросил что-нибудь сыграть. Естественно, в тот момент мне совсем не хотелось играть, не до игры было, и тем не менее я села играть. Наверное, ноты были открыты на странице, где была «Баркаролла» Чайковского, потому что я хорошо помню, что сыграла именно «Баркароллу». Все тихо слушали, на душе у всех было тревожно. Майор лестно отозвался о моей игре. На это я - хорошо помню - ответила, что собираюсь в этом году поступать в консерваторию, а теперь неизвестно, что будет. И дальше слова майора я тоже хорошо запомнила. Он сказал: «Вы переедете в Советский Союз и там завершите свое музыкальное образование. У нас в СССР по нашей Сталинской советской конституции дети за отца не отвечают».

Увы, слова майора о конституции разошлись с реальной жизнью. Через два года и одиннадцать месяцев (12 июня 1948 г.) мы, три сестры - Елена, Татьяна и я - были арестованы, увезены в Союз, в так называемые «внутренние тюрьмы» КГБ, а потом в Сибирь, в сталинские лагеря. Братьев наших, Вячеслава и Михаила, забрали вслед за отцом, в том же 1945 году [всем детям, кроме Михаила, которого расстреляли, дали по 25 лет лагерей - В.П.]

Наш дом был расположен примерно в трехстах метрах от моря. Не знаю по чьему предложению, но отец и майор сходили туда ближе к вечеру. Ходили недолго, испугались и вернулись.

А потом еще был вечерний чай. Отец чувствовал приближение расставания, его скрытая тревога передавалась и нам. Это была последняя трапеза отца в своем доме в кругу семьи.

После чая майор обратился к отцу по имени-отчеству и сказал, что пора ехать.

Хочу заметить, что отец никогда не пил и не курил, физически он был здоровым и бодрым, если не считать последствий ранений обеих ног в войну, которые порой давали о себе знать.

Возраст его еще не так был велик - ему в то время было 55 лет. Отец энергично встал из-за стола. Мы все перешли в гостиную, по русскому обычаю присели на дорогу и помолчали.

Затем отец взял небольшой свой чемоданчик и мы двинулись к выходу. С какой болью он смотрел на Мишу (сына), который, хромя, шел за ним... (Миша был инвалидом и сильно хромял

после перенесенного в детстве полиомиелита).

Мы подошли к машине. Отец поставил чемоданчик в машину и повернулся к нам, а майор закурил и, наверное, сочувствуя, понимая напряженность момента, деликатно отошел в сторону. Отец нас по очереди перекрестил, поцеловал каждого и сказал прощальные слова. Он произнес их один раз, а у меня они всю жизнь звучат в ушах.

Вот его слова:

«Прощайте, дети... Я вас лишил Родины, а теперь вот возвращаю, наверное, ценой своей жизни. Я был всегда противником большевизма, но всегда оставался русским. Я любил Россию и русским

умру. А был я прав или не прав, покажет время. Живите честно. Если не сможете, не в силах будете делать добро людям, то хоть не творите зла. Живите по-христиански. Прощайте...».

Его взгляд выражал тоску, он глядел на нас обреченно. Он все же не выдержал, глядя на нас, по щекам покатались слезинки. Потом он отвернулся, энергично сел в машину, и они тронулись в путь.

Больше мы отца не видели никогда. О его трагической гибели мы узнали только из газет.

О том, что было с нами, дочерьми, после ареста отца, о последовавших погромах, о тюрьмах и лагерях, в двух словах не скажешь. Это отдельный рассказ.

И вот через много лет я вспоминаю те далекие августовские дни 1945 года. За ужином беседовали два царских белых офицера, отец и Жуковский, и советские военные, приехавшие арестовать отца. О чем они беседовали, я рассказала выше. Естественно, не все дословно сохранилось в памяти, но главная тема ясна и понятна: Россия. защита Отечества. А размышляю я вот о чем. За столом сидят и вместе едят хлеб русские воины. Россия у них - одна, Отечество - одно. И те, и другие в разное время защищали Родину, храбро сражаясь, с одним и тем же врагом - Германией. И цель сражений тоже была единой - спасти Россию. Так как же так получилось, что теперь эти воины - враги между собой? Чья в том вина? Кто совершил это? Кому нужна была наша русская смута? Кому удалось свергнуть нашу страну в братоубийственную войну? Кому, наконец, было нужно, чтобы Великая Россия истекала кровью своих же сыновей и дочерей?

И еще мучают сомнения: учтет ли нынешнее российское общество - наши многочисленные партии, группировки, фракции и движения - уроки прошлого? Не пришла ли пора вспомнить крыловскую подсказку, что лебедь, рак и щука далеко не увезут?

Не хотелось бы заканчивать письмо такой вот уймой вопросов, но по-другому не получается. Вопросы существуют и вопиют, а ответить на них сколько-нибудь определенно и объективно никто пока не берет на себя смелость.

В заключение еще несколько слов об отце. Свою любовь ко всему русскому он, как мог, привил нам, детям, и делал это вне всякой связи с политикой. Я считаю, ему это удалось. Он искренне и горячо любил Россию. В обратном меня не убедит никто.

С уважением, искренне Ваша
Е.Явцева. 26.04.1994 г. Сидней).

Вот такое письмо и повествование о событии, которое по сути является бесспорной частичкой страницы нашей истории.

На мой запрос о возможности публикации, Елизавета Григорьевна вместе с разрешением дополнила следующее:

«Пора, давно пора понять, что все мы - белые, красные - дети одной России. Хватит ненависти!!! Сила только в единении! Дай Бог нам всем выдержки и благоразумия. Не из таких положений выходила наша Великая матушка Русь! Будем верить!»

С мыслями Елизаветы Григорьевны не согласиться невозможно.

Это письмо я получил от Елизаветы Григорьевны в 1994 г. Но судьбе было угодно, и в 1997 г. мне посчастливилось, будучи в Австралии, лично познакомиться с дочерью атамана, неоднократно бывать у нее в доме и к изложенному получить еще дополнительную информацию.

Семенов Григорий Михайлович.
Тюремное фото 1945 г.

После ареста атамана особняк в Кагахаси, где жила семья, был разгромлен и разграблен. Дочерям (Татьяне и Елизавете с маленьким Гришей) пришлось жить в доме к тому времени тоже арестованного генерала Дмитрия Фроловича Семенова (атамана станицы Дайренская, троюродного брата Григория Михайловича). В январе 1946 г. к ним наведлся полковник (или подполковник?) Арбузов, который работал в штабе в Порт-Артуре, и забрал тщательно сохранявшуюся реликвию - Георгиевскую золотую шашку Григория Михайловича (место ее хранения - на печке - «любезно» выдал маленький Гриша).

К сожалению ни фамилии майора, арестовавшего Г.М.Семенова, ни имени-отчества полковника Арбузова Елизавета Григорьевна не помнит, а возможно и не знала никогда.

Безусловно, Георгиевская шашка Г.М.Семенова - исторически значимая ценность и ее место в краеведческом музее Читы. Но где она сейчас, у кого или в каких тайниках хранится, пока не знает никто.

И в заключение встает вопрос, на который, увы, ответа получить нельзя. Почему, точно зная о своей судьбе в случае применения к нему советского «правосудия», атаман Г.М.Семенов не сделал в 1945 г. ни малейшей попытки скрыться, хотя, безусловно, таких возможностей у него было достаточно много? Например, уехать хотя бы в Пекин специальным поездом, который организовала Японская военная миссия для К.В.Родзаевского, Л.Ф.Власьевского и других видных деятелей российской эмиграции? Нет, Григорий Михайлович остался и терпеливо дожидался своего ареста. Думается, что ответ на этот вопрос может быть только один: офицерская честь русского генерала не позволила ему бросить тех, кого он вывел в Маньчжурию, за которых он нес моральную ответственность. Он решил быть с ними и разделить их участь. И разделил.

¹ См.: Комсомольская правда (Москва). -1991. -21 мая.

² См.: Проблемы Дальнего Востока (Владивосток). -1991. -№ 6. -С.94-103.

³ См.: Новороссийский рабочий. -1991. -10 дек.

⁴ Юзефович Л.А. Самодержец пустыни. -М., 1993. -С.38.

⁵ См.: Семенов Г.М. О себе: воспоминания, мысли и выводы. -М., 1999.

⁶ Небольшая неточность. Статью Н.Ильиной см.: Огонек (Москва). -1988. -№ 42. -С.9-13.

В июне 2000 г. в Москве на заседании диссертационного совета по историческим наукам при Московском автодорожном институте (техническом университете) Л.Ф.Говердовской успешно защищена кандидатская диссертация на тему «Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917-1931 гг.». В том же году по результатам исследования автором была опубликована монография. Актуальность и интерес к проблеме бесспорны, ибо формирование российской эмиграции и, в частности, ее дальневосточной ветви являются неотъемлемой частью отечественной истории XX века. На большом архивном материале, отчасти впервые вводимом в научный оборот, Л.Ф.Говердовская раскрывает малоисследованные страницы жизни и деятельности российской эмиграции в Китае. В работе раскрыт комплекс социально-экономических, политических, правовых и культурных проблем, встававших перед эмигрантами; прослежен процесс объединения разрозненных эмигрантских группировок, создания различных общественно-политических и благотворительных организаций; выявлены организующие формы, посредством которых русские эмигранты участвовали в политической и культурной жизни Китая; дан аналитический обзор деятельности культурных обществ, организаций, союзов и центров российской эмиграции. Автор пытается преодолеть односторонний подход к оценке деятельности общественно-политических и благотворительных организаций и обществ, успешно расширяет представления о политической, культурной и социально-экономической жизни русской диаспоры в Маньчжурии.

ГЕНЕРАЛ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ВОЙЦЕХОВСКИЙ

В последние месяцы к нам поступило несколько материалов, посвященных жизни и деятельности этого легендарного генерала Белой и Чехословацкой армий. Все они в той или иной степени дополняли друг друга. Поэтому, рассмотрев поступившие работы, редакция альманаха решила опубликовать их под единым заглавием и внесла необходимые кутюры, чтобы избежать, где это возможно, встречавшегося дублирования.

Новиков П.А.

ПРЯМОЙ И ЧЕСТНЫЙ ПУТЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА

Жизненный путь Сергея Николаевича Войцеховского дважды пересек просторы Иркутской земли. Родился он 16 октября 1883 г. в Витебске в семье отставного подполковника. Окончил Великолукское реальное училище, в 1904 г. - Константиновское артиллерийское училище, в 1912 г. - академию Генерального штаба¹. Принимал участие в русско-японской и Великой войнах.

15 августа 1916 г. Сергей Николаевич получил чин подполковника. С августа 1917 г. он являлся начальником штаба 1 Чехословацкой дивизии, а с февраля 1918 г. командиром 3 Яна Жижки полка². На должностях Чехословацкого корпуса, вплоть до самых высших, вообще было немало русских офицеров: командир корпуса генерал В.Н.Шокоров, начальник штаба корпуса генерал М.К.Дитерихс, командир 1 дивизии генерал Коломенский, начальники штабов - 1 дивизии подполковник Дорман, 2 дивизии подполковник Б.Ф.Ушаков, командир 1 Яна Гуса полка капитан А.П.Степанов и другие³.

С момента выступления Чехословацкого корпуса против советской власти 26 мая 1918 г. С.Н.Войцеховский возглавил сборную группу корпуса и захватил Челябинск. Под его руководством действовали 2 Георга Исподебрата и 3 полки, два батальона 6 Ганатского полка, запасной полк, ударная рота, батарея, два бронепоезда. Всего около 9000 человек⁴. Челябинская группа Войцеховского и Сибирская группа капитана Р.Гайды (2 чешская дивизия) соединились 7 июня в Омске. Затем части Войцеховского повернули к Уфе и установили связь с Пензенской группой поручика С.Чечека (части 1 чехословацкой дивизии), располагавшейся в Златоусте. 11 июня 1918 г. Чехословацкий Национальный совет в России произвел Сергея Николаевича в чин полковника⁵.

В июле С.Н.Войцеховский перенес операции под Екатеринбург. В октябре-ноябре он являлся уже командиром Самарской группы и вскоре стал генерал-майором. Подполковник В.М.Молчанов, впоследствии командир знаменитой Ижевской дивизии, так вспоминал о пребывании с начала ноября 1918 г. под началом генерала: «Как-то сразу почувствовалась твердая рука вверху; начать с того, что генерал Войцеховский вызвал меня к прямому проводу, расспросил о состоянии моего отряда, дал полную ориентировку, а также много указаний. Разрешил во всякое время, если я найду необходимым, вызывать его к проводу. Я уже привык, что сильных в тылу беспокоить не полагается, что не решился ни разу воспользоваться разрешением, но генерал Войцеховский много раз вызывал меня к проводу и всегда давал исключительно полезные советы»⁶.

В январе 1919 г. Сергей Николаевич получил двухмесячный отпуск с поста 2 Уфимского армейского корпуса. С 17 марта «по Генеральному штабу числящийся генерал-майор Войцеховский» вновь возглавил корпус, сменив замещавшего его генерал-майора С.С.Джунковского⁷. Как командир

**Подполковник
Войцеховский Сергей Николаевич**

Уфимской группы 21 мая С.Н.Войцеховский был награжден орденом Св.Владимира 3 степ., а уже 4 июля - орденом Св.Георгия 4 степ.⁸

Весной-летом 1919 г. С.Н.Войцеховский руководил операциями против войск Южной группы красных. С октября он командовал 2 армией белых. В начале декабря собственноручно застрелил командира 4 Сибирского сводного корпуса за отказ оборонять Новониколаевск и сдать командование. 8 декабря эвакуированные из города части 1 Сибирской дивизии полковника А.Ивакина, распропагандированные эсерами, выступили против власти адмирала А.В.Колчака и арестовали Войцеховского. Бунт пресек полковник К.Румша, командир 5 Сибирской дивизии польских стрелков, сформированной в Сибири из поляков бывшей русской армии и военнопленных Великой войны. Он освободил генерала, а Ивакина военно-полевой суд приговорил к расстрелу.

Наступило время исхода антибольшевистских армий от Омска до Читы, когда тысячи белых офицеров солдат и беженцев, пешком в лютые морозы, зачастую по бездорожью, совершили «Великий Сибирский поход». По имени их предводителя, генерал-лейтенанта В.О.Каппеля, все они были названы в дальнейшем «каппелевцами».

Именно он сумел в тягчайших условиях сплотить верные войска, подчинить их своей воле и начать марш на восток. Однако сам В.О.Каппель во время похода заболел и 26 января 1920 г. на разъезде Утай под Нижнеудинском скончался. На посту главнокомандующего его сменил генерал-майор С.Н.Войцеховский, завершивший начатое легендарным героем дело.

Показательный эпизод произошел под ст.Зима, где находились конные полки 3 чешской дивизии (командир - полковник Л.Прхала, начальник штаба - майор Квапил), явив редкий для 1920 г. пример боевого братства белых и чехов. Политцентр, захвативший власть в Иркутске 24 января, с согласия командующего чехословацкими войсками Я.Сыровы спешно выдвинул против каппелевцев отряд эсера Нестерова. 30 января генерал-лейтенант Г.А.Вержбицкий силами Воткинской дивизии атаковал красных, занимавших сильную позицию западнее Зимы. После упорного боя белые обошли левый фланг противника, а неожиданное для всех появление в тылу у красных чехов обратило поражение в полный разгром. Сам Нестеров и около тысячи его бойцов были разоружены и задержаны чехами, остальные рассеяны или перебиты. Из объяснений данных Л.Прхалой в интервью в Лондоне в 1958 г. следовало, что «движение отряда Нестерова происходило несмотря на мои протесты, я считал колонны генерала Войцеховского дружественными и союзными, тогда как отряд из Иркутска - враждебным»⁹. Я.Сыровы получив доклад о ликвидации красного отряда, стал требовать немедленно отпустить пленных. Прхала выполнил это только после того, как последняя часть белых прошла Зиму. Такой поступок трудно переоценить. Каппелевцы вспоминали, что они «потихоньку» были снабжены и оружием от чехов 3 дивизии¹⁰.

После победы со ст.Зима С.Н.Войцеховский вел переговоры с Политцентром, причем за отказ от прохождения через Иркутск требовал беспрепятственного пропуска «противобольшевистских армий» за Байкал, прекращения всех враждебных действий, снабжения армий «деньгами, имеющими широкое хождение на Дальнем Востоке» в размере 200 млн. рублей, освобождения адмирала А.В.Колчака и других арестованных вместе с ним, заготовки продуктов, фуража и перевязочных средств, считая численность каппелевцев в 50 000 человек и 30 000 лошадей. Узнав о расстреле Верховного правителя утром 7 февраля, белые штурмовать Иркутск не стали, обогнули его и по Байкалу вышли к Мысовой, где находились уже части Г.М.Семенова, получившего 4 января от адмирала А.В.Колчака последним его указом «всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной окраины».

11 февраля главнокомандующий войсками Восточного фронта генерал-майор Войцеховский отдал приказы о награждении всех участников Великого Сибирского похода «в воздаяние

исключительных опасностей и трудов, понесенных войсками» соответствующим знаком отличия, а 12 февраля о производстве в следующие чины «всех штаб- и обер-офицеров фронта, следовавших из района Красноярска в составе колонн генералов Сахарова, Вержибского, Бангерского и штаба фронта»¹¹. Однако Семенов не признал эти производства каппелевцев, что следует из его приказов начала апреля¹². Это послужило поводом к неприязни между семеновцами и каппелевцами.

20 февраля С.Н.Войцеховский был назначен главнокомандующим вооруженных сил Российской Восточной окраины. В начале апреля он руководил войсками каппелевцев южнее Сретенска, но 27 апреля из-за противоречий с Г.М.Семеновым оставил свой пост, передав его генерал-лейтенанту Н.А.Лохвицкому, уехал во Владивосток, а оттуда в Китай. На чужбине какое-то время Сергей Николаевич руководил Мукденским отделением Русского Обще-Воинского Союза, но оставил дела и выехал в Европу.

В 1921 г. С.Н.Войцеховский принял гражданство Чехословакии и вступил в ее армию. Три года он командовал бригадой, еще четыре года - дивизией, а с 1927 г. руководил округом Брно. После германской оккупации с 1939 г. он входил в подпольное правительство, в котором занимал пост военного министра¹³.

Согласно личному делу заключенного ГУЛАГа С.Н.Войцеховского, до мая 1945 г. он проживал с семьей в Праге по улице Конвекской, дом № 5, являлся чехословацким подданным и имел чин генерала армии. По анкете дела, его семья состояла из сына Юрия, 1910 г. рождения, жены Маргариты Викторовны (дочери полковника Темникова) и сестры Зинаиды Николаевны¹⁴.

После прихода Красной армии Сергей Николаевич был арестован контрразведкой СМЕРШ и вывезен в СССР. С 30 мая он содержался в Московской Бутырской тюрьме, был осужден 15 сентября 1945 г. Особым совещанием при НКВД на 10 лет исправительно-трудовых лагерей по статье 58 пункты 4 («помощь международной буржуазии»), 6 («шпионаж») и 11 («довесок к любому предыдущему, если преступное деяние готовилось организационно или преступники вступали в организацию»¹⁵), протокол № 34¹⁶.

До мая 1949 г. С.Н.Войцеховский содержался в Унжлаге (ст.Сухобезводная Горьковской железной дороги), а 25 мая 1949 г. прибыл этапом в Озерлаг (ст.Тайшет Иркутской области). Из-за слабого здоровья и преклонного возраста он квалифицировался как инвалид, работал санитаром лагерной больницы, в которой сам лечился в 1949 г. Советский публицист Б.Дьяков в книге «Повесть о пережитом» запечатлел сцену марта 1951 г., когда «за гробом умершего в лагере коммуниста Драбкина идет белогвардейский генерал Войцеховский, опирающийся на палку и занятый своими мыслями»¹⁷.

Умер Сергей Николаевич Войцеховский 7 апреля 1951 г. в 7.30, как гласила стандартная бюрократическая формулировка. От «туберкулеза легких и старческого маразма». Он был похоронен на кладбище центральной больницы № 1 Озерлага у дер.Шевченко Тайшетского района Иркутской области в могиле, обозначенной знаком «4-36»¹⁸.

¹ См.: Архив исправительно-трудовых лагерей по Иркутской области (АИТЛ) Личное дело заключенного Войцеховского С.Н. № 2435, архивное дело № 108. Автор приносит искреннюю благодарность В.П.Чуину и А.С.Пронину за помощь в ознакомлении с делом

² См.: Езеев А. Люди Белого дела. Материалы к энциклопедии //Военная быль (Москва). -1997. -№ 9. -С.34-35.

³ Иванов А.В. К вопросу о причинах антисоветского выступления чехословацкого корпуса в 1918 г. //Белая армия. Белое дело. -1997. -№ 4. -С.15.

⁴ Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. -М., 1940. -С.10.

⁵ См.: Езеев А. Люди Белого дела. -С.34-35.

⁶ См.: Молчанов В.М. Борьба на востоке России и в Сибири //Первопоходник (Лос-Анжелес). -1974 -№ 19. -С.22-31.

⁷ РГВА. Ф.39499.Оп.2.Д.1.Л.116.

⁸ Русская армия (Омск). -1919. -12.23 июля.

⁹ Цит. по: Петров П.П. Роковые годы 1914-1920 гг. -Калифорния, 1966. -Ч.2.Гражданская война в России. -С.232.

¹⁰ Котомкин А. О чехословацких легионерах в Сибири. 1918-1920 гг. (Зосп. и док. -Париж, 1930. -С.113.

¹¹ Государственный архив Читинской области. Ф.329.Оп.1.Д.65.Л.17.

¹² РГВА. Ф.39892.Оп.1.Д.49.Л.6-7.

¹³ См.: Езеев А. Люди Белого дела. -С.34-35.

¹⁴ АИТЛ. Личное дело заключенного Войцеховского С.Н. № 2435, архивное дело № 108.

¹⁵ См.: Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. -М., 1990. -Т.1. -С.53.57.

¹⁶ АИТЛ. Личное дело заключенного Войцеховского С.Н. № 2435, архивное дело № 108.

¹⁷ См.: Дьяков Б. Повесть о пережитом. -М., 1966. -С.52.72-73.

¹⁸ АИТЛ. Личное дело заключенного Войцеховского С.Н. № 2435, архивное дело № 108.

ДНЕВНИК С.Н.ВОЙЦЕХОВСКОГО: НОВЫЕ ШТРИХИ К ВЫСТУПЛЕНИЮ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА В МАЕ 1918 Г.*

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в фонде «Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов» хранится дневник Сергея Николаевича Войцеховского, кадрового офицера, активного борца с большевизмом в годы гражданской войны. Можно предположить, что эта рукопись была передана в Русский заграничный исторический архив (Прага) в 1930-е годы самим автором, поскольку он в то время служил в чехословацкой армии на высоких командных постах. В 1946 году, как известно, фонды архива перекочевали в Москву, где они и находятся в настоящее время.

Рукопись Сергея Николаевича по объему небольшая, всего 27 листов. Записи велись с 9 февраля 1918 г. по 8 января 1919 г. Главным образом они посвящены одному из ключевых событий российской смуты начала XX века - выступлению чехословацких легионеров в Челябинске, непосредственным очевидцем и участником которого являлся сам автор.

Как же развивались события в те трагические майские дни 1918 года? Постараемся ответить на этот вопрос, опираясь на дневниковые записи С.Н.Войцеховского и, для объективности, на материалы советской следственной комиссии по челябинскому инциденту, изучавшей его по горячим следам.

Для начала несколько слов истории. Первая чехословацкая дружина была сформирована в России еще в августе 1914 г. Затем ее реорганизовали в полк, а позже в бригаду. Когда летом 1917 г. чехи отличились в боях за Восточную Галицию, Временное Российское правительство разрешило создать из них корпус, начав набор добровольцев из числа военнопленных австрийской армии¹. Вследствие того, что новая советская власть подписала Брестский мир с Германией, встал вопрос о переброске корпуса на Западный фронт. Больше всех в этом оказалась заинтересована Франция, поэтому ее правительство и взяло на себя материальное обеспечение корпуса, с условием, что он будет подчиняться директивам французского военного командования. В начале 1918 г. началось движение чехословацких полков по железной дороге с Украины во Владивосток, где предполагалось погрузить их на суда и морским путем доставить в Западную Европу².

Численность корпуса доходила до 45 тыс. бойцов, среди которых находилось большое количество офицеров. Каждый пехотный батальон (700-800 штыков) имел 40-45 лиц командного состава, то есть на 16 солдат приходился один офицер³. В соединении также служило немало русских, занимавших средние и высокие командные посты. Возглавлял корпус генерал В.Н.Шоколов, а начальником штаба являлся генерал М.К.Дитерихс. Большинство чехословаков, до 70%, по своему социальному происхождению являлись рабочими, остальные, примерно в равном соотношении, считали себя крестьянами, представителями интеллигенции и буржуазии⁴.

Между чехословацкими руководителями и большевиками был заключен так называемый Пензенский договор, носивший компромиссный характер. Он отразился в распоряжении народного комиссара по делам национальностей И.В.Сталина от 26 марта 1918 г. В нем гарантировалась поддержка эвакуации корпуса во Францию при соблюдении следующих двух условий: разоружение чехословаков и увольнение русских офицеров, подозреваемых в контрреволюционной деятельности. При этом, по достигнутому соглашению, предписывалось каждому эшелону оставить вооруженную роту солдат с одним пулеметом и 168 винтовками. Местом разоружения стала Пенза, через которую проходили все 63 состава с чехами⁵.

В одном из таких эшелонов, продвигавшихся на восток, находился вместе со своими бойцами и подполковник С.Н.Войцеховский, командир 3 стрелкового полка. Легионеры ехали под музыку, в вагонах, украшенных зеленью, флагами, вензелями, гербами. Первые остановки эшелонов начались в середине апреля. Тогда Войцеховский отметил в своем дневнике: «Наше движение задержано на неопределенное время. Причины: наступление казаков Дутова на Самару [явное преувели-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № Р2001 УРЧЕЛ 06-11.

чение, основанное на слухах - Е.В.]... и занятие Владивостока японцами. Советские власти не доверяют чехам, боясь, что чешские полки присоединятся к Дутову или японцам... В Национальном совете возникает проект отправления корпуса во Францию не через Владивосток, а через Архангельск»⁶.

Затем движение, хотя и с длительными стоянками, возобновилось. На ст.Ртищево произошёл случай, хорошо иллюстрирующий нравы российских чиновников того смутного времени. Один «железнодорожный туз», как его назвал автор дневника, заявил чехам, что, «если ему не дадут... мешка сахара и... мешка крупы, то он не пропустит первую дивизию»⁷.

По прибытии в Пензу 21 апреля Сергей Николаевич отметил: «Передаем советским властям оружие»⁸. Причем с каждым разом требования о разоружении со стороны последних становились все жестче.

В Челябинск шесть эшелонов 3-го и 6 чехословацких полков прибыли 29 апреля вечером. Город, как указывал Войцеховский, оказался переполнен беженцами. «Теплушки битком набиты мужчинами и женщинами, детворой,... скарбом: грязь страшная». На станции стояли еще два воинских эшелона с сербами. «Вид у них контрреволюционный (с точки зрения большевиков), офицеры и часть солдат в погонах». Они, подобно чехам, тоже пробирались во Владивосток, но теперь повернули назад и собирались двигаться в сторону Архангельска»⁹.

На следующий день Сергей Николаевич сделал в своем дневнике следующую запись: «Вчера наш комиссар [прапорщик Которба - Е.В.] показал мне телеграмму из Москвы: немцы боятся наступления японцев, и требуют скорейшей эвакуации из Восточной Сибири своих военнопленных: движение наших эшелонов на восток распоряжением советских властей остановлено. Мне начинает казаться, что мы не попадем во Владивосток»¹⁰.

1 мая 1918 г. легионеры, среди которых находилось немало сторонников социалистических идей, решили отметить как праздник трудящихся и совершить мирное шествие по городским улицам с музыкой и песнями. Однако местные советские руководители не дали разрешения, мотивируя свой отказ тем, что чехи планировали выйти отдельной колонной, а не совместно с советскими властями»¹¹.

В течение последующих двух недель, пока чешские эшелоны стояли на запасных путях, никаких конфликтов между легионерами и Челябинским советом не произошло. Наоборот, как отмечали сами большевики, солдаты корпуса исправно несли службу у своих вагонов и на станции, отличались строгой дисциплиной во время пребывания в городе. Хотя один случай мог стать той искрой, которая разожгла бы огонь раздора. На челябинском базаре чехи схватили с поличным карманного вора и доставили его в советский комиссариат для дознания. Военный комиссар Федор Мазур решил отправить задержанного в уголовный отдел железнодорожной милиции. Но возле здания комиссариата собралась толпа легионеров, требовавших выдачи им вора для расправы. Мазур отказался это сделать и потребовал разойтись. Чехи зашумели. Обстановка накалялась. Тогда, в критический момент, вперед вышел их офицер и повторил по-чешски приказ расходиться. Толпа с недовольным ворчанием схлынула. Инцидент был исчерпан»¹².

Со временем положение чехословаков в городе становилось все более неопределенным. Сербские эшелоны отправились на Архангельск. Некоторые чешские офицеры, потеряв всякую надежду, стали покидать свои части и возвращаться назад, предполагая попасть на родину через западную границу. Так, например, поступил подполковник Дорман. По городу ходили самые противоречивые слухи: о беспорядках в Москве, о каком-то перевороте в Омске, о проезде через Челябинск в новую «красную столицу» арестованного бывшего императора под охраной.

12 мая подполковник Войцеховский сделал следующую запись: «Большевики не пускают нас дальше на восток, так как мешает Семенов, который где-то под Читой... и французская миссия почему-то теперь заявляет, что во Владивостоке нельзя собрать достаточного количества транспорта». Делегация от чехословацкого Национального совета во главе с П.Максой отправилась

на переговоры для окончательного решения вопроса о северном или восточном направлении. «Ехать на Архангельск, - замечает Сергей Николаевич, - никому не хочется. По-моему это поведет к катастрофе. Послал сегодня Максе в Москву от своего имени (и ссылаясь на настроение в полку) протест. Полковой комитет протестует от себя. Был поручик Сыровой, командир 2-го полка, он такого же мнения, собирается послать такой же протест от себя. Надо быть готовым к тому, что, может быть, придется ехать дальше силой, хотя это трудно»¹³.

Наступило 14 мая, день с которого началось противостояние чехов и местного совета в Челябинске. «Сегодня у нас, - писал Войцеховский, - было столкновение с военнопленными мадьярами и немцами. Дело было так: эшелон с военнопленными начал маневрировать, готовясь к отправлению. Пленные, думая вероятно, что они уже уезжают стали бросать тяжелыми предметами в наших стрелков и ранили одного стрелка 6-го полка. Наши вытащили их из вагонов и одного убили, и девять ранили. Немного попало и подвернувшемуся красноармейцу, но его спас наш офицер. Думаю, что из-за всего этого еще будут неприятности. Надо скорее отсюда уезжать, но скоро это вероятно не удастся. Ждем известий из Москвы о результатах переговоров по поводу Архангельска»¹⁴.

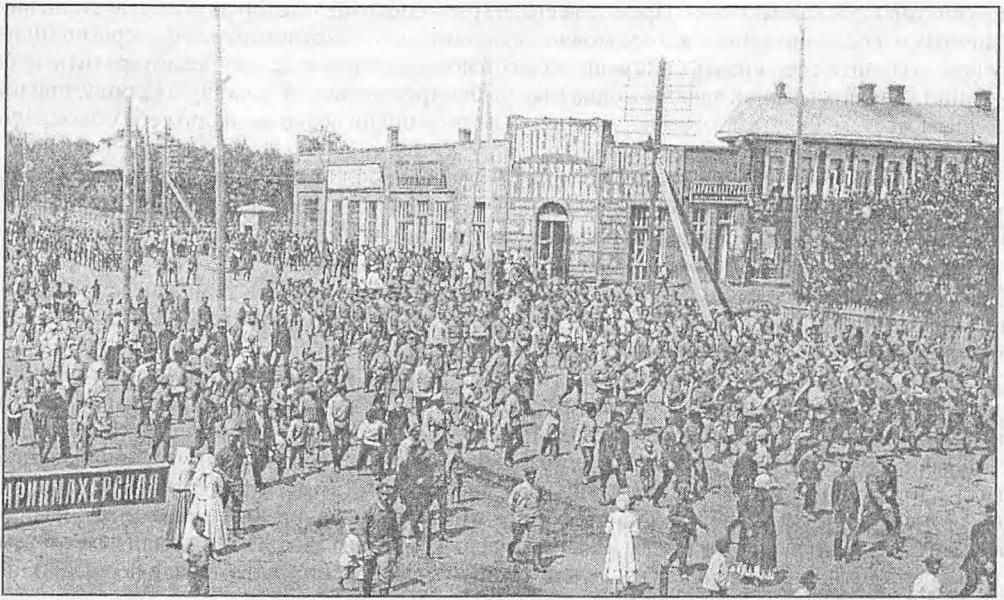
Созданная советскими властями следственная комиссия во главе с И.А.Кольцовым установила следующее. После ранения в голову чугунной ножкой от печки чехословацкого солдата Ф.Духачека, в результате чего он потерял сознание, возмущенные сослуживцы пострадавшего отцепили три вагона с военнопленными, вывели около 30 мадьяр и немцев на перрон, устроив публичное избиение с целью найти истинного виновника ранения своего товарища. В итоге, не выдержав происходящего, бывший австрийский солдат Ф.Мольнар указал на И.Малика. Последний, под угрозой дальнейших избиений, сознался в содеянном. К нему подступили чехи. Необходимо отметить, что в этот момент прапорщик Грушка пытался удержать сослуживцев от самосуда, но его усилия оказались напрасны. На Малика посыпались удары, а затем кто-то нанес ему смертельную рану штыком в область сердца. Толпа в мундирах расступилась, оставив лежать на месте расправы обезображенный труп. Чехословаки приказали находившимся тут же военнопленным вырыть неподалеку могилу. Такую картину и застали прибывшие на место инцидента представители советской власти, слыша из толпы легионеров возгласы: «Собаке - собачья смерть!»¹⁵.

Через день следственная комиссия допросила сначала пострадавшего Духачека, а затем десять солдат-чехов, стоявших в тот злополучный день в карауле. Свидетели из военнопленных указали на двоих из них (Я.Карбилика и К.Рафиля), как на участников убийства. Обвиняемые, естественно, все претензии в свой адрес отвергали. Тогда советские работники задержали всех десятих солдат и отправили их в тюрьму¹⁶.

Это событие, произошедшее 17 мая, вызвало волнение в чехословацких эшелонах. Среди легионеров слышались призывы идти освобождать своих товарищей. Многие чистили винтовки. «Командиру 2-го батальона 6-го полка штабс-капитану Ульриху, - писал Сергей Николаевич, - удалось уговорить их подождать и послать депутацию. Я со своей стороны принял меры, чтобы мои стрелки не ходили в город». Но «очевидно было, что удержать людей не в моей власти». И далее: «Чаша терпения была переполнена известием, что из депутации 6-го полка так же арестовали одного офицера. Известие это было получено в тот момент, когда у меня сидел штабс-капитан Ульрих... и я убеждал его не предпринимать этого выступления. Около эшелонов меня уже ждали все офицеры, и даже унтер-офицеры и старшие вагоны всего полка, которым я тоже хотел сказать все, что мог, чтобы удержать их в руках». Но Ульрих заявил о выступлении своего полка. «Жребий был брошен, и я должен был его поддержать, во что бы то ни стало»¹⁷.

Чехи выступили с песнями. Они сразу же заняли вокзал, перерезали телеграф. Караул красноармейцев бежал, бросив винтовки. Затем, уже в вечерних сумерках, колонна легионеров двинулась к городу, который был взят почти без всякого противодействия большевиков (прогремело лишь несколько выстрелов). Советские руководители спешно, на автомобилях, выехали из Челябинска.

«Все было совершенно кончено к 11 часам вечера, - замечал Войцеховский, - и наши арестованные были нам возвращены. Наши потери: убит один стрелок 6-го полка (унтер-офицер) и два ранено... С противоположной стороны пострадали два-три военнопленных. Все сопротивление сводилось к выстрелам одиночных военнопленных и четырех каких-то солдат... уже за городом; солдаты эти, выстрелив, сейчас же удрали. К 12,5 часам мы все вернулись в свои эшелоны»¹⁸. И так, чехи освободили своих однополчан, не претендуя на захват и смену власти в городе. Следующий день начался с переговоров между вернувшимися назад представителями Челябинского совета и командованием легионеров. Сергей Николаевич записал в своем дневнике по этому поводу следующее: «Нам инкриминируют грабеж. Правда, к сожалению, было и насилие над советской властью, то есть противозаконное выступление с оружием в руках...» И далее о боль-

Парад чехословацких войск в Челябинске. Май 1918 г. Фото из частной коллекции

шевиках: «Мечтают о нашем разоружении. Провоцируют наше выступление. Пугают нас нападением и всякими ужасами. Со вчерашнего дня мы контрреволюционеры»¹⁹.

«В перспективе, - заключал подполковник, - куча осложнений и последствия самые неопределенные и, кажется, не радужные. Для меня лично все совершившееся большой минус. Я допускаю даже, что придется сдать полк и уйти от чехов. Для общего дела - чешского - трудно сейчас даже представить, как все это обернется и как выйдет на плюс или минус. Посмотрим... Пока буду готовиться к худшему и принимать меры самообороны для полка»²⁰.

20 мая, как сообщал Войцеховский, пришла телеграмма от военного комиссара Омска с требованием разоружить и наказать чехов. Просочились даже слухи, что есть уже распоряжение об отправке части их эшелонов в Тюмень, а других - в Омск, «для разброса»²¹.

В тот же день в Челябинск прибыли некоторые члены Национального совета. Они вместе с командным составом собрались в одном из вагонов на экстренное совещание. Председательствовал Б. Павлу, редактор корпусной газеты, убежденный антибольшевик. В качестве командиров полков присутствовали подполковник С. Н. Войцеховский, капитан Р. Гайда и поручик С. Чечек, которые вошли в созданный на совещании Временный исполнительный комитет для проведения мероприятий по обеспечению продвижения чехословацких эшелонов, так как было решено следовать в прежнем направлении на Владивосток.

«Французы добиваются движения на Архангельск, - отмечал 25 мая в дневнике Сергей Николаевич, - по-видимому, для своих целей... Центральное советское правительство поставило нам требование: сдать все оружие без исключения и дать себя под охрану советских властей». Причем объявили, что не исполнивший данного приказа окажется вне закона и будет считаться мятежником²².

Тем временем к Челябинску подтянулось еще три состава с легионерами. 27 мая 1918 г. Войцеховский сделал следующую многозначительную запись: «Война! Сегодня ночью... мой отряд занял весь город Челябинск без всяких потерь. У противной стороны убиты: четверо военнопленных и ранено двое русских. Мое обходное движение удалось блестяще. В казармах были окружены спящими и захвачены два советских полка (около 2 тысяч одних военнопленных), их окружило 250 стрелков! Нам досталось очень много винтовок (подсчет еще не сделан), пулеметы, грузовые автомобили и около 14 орудий. Перехватываем и читаем бешеные телеграммы советских властей из Екатеринбурга, которые ясно знают их действительно серьезное положение. Но и наше положение, несмотря на эту блестящую победу, не легкое, предстоит много осложнений и затруднений, и боев, так и потерь. За то я в своей тарелке»²³.

Это последнее свидетельство дневника о выступлении чехословацкого корпуса в Челябинске. Вскоре на Урале и в Сибири утвердилась власть антибольшевистских правительств.

Таким образом, записи С.Н.Войцеховского дают несколько иное представление о так называемом «чехословацком мятеже». Прежде всего, из ряда событий, о которых повествует дневник, из личных откровений самого автора можно заключить, что чехословацкие офицеры во многих случаях пытались сдерживать волнуемую солдатскую массу с целью предотвратить любой конфликт. Для них главной являлась одна мысль: быстрее попасть в Западную Европу, поближе к родным местам. Об этом, конечно, мечтали и их подчиненные, но вели они себя более неспокойно, а порой даже агрессивно.

В челябинском инциденте советская власть безоговорочно и сразу заняла сторону австро-германских военнопленных. Небольшая деталь: в одном из документов советской следственной комиссии убитый И.Малик уже именовался «интернационалистом», то есть фактически бойцом Красной гвардии, хотя таковым он еще не мог стать²⁴.

Дневник позволяет воссоздать масштаб боевых действий в Челябинске между legionерами и частями, подчиненными совету. При этом на стороне большевиков, как указывал Войцеховский, сражались военнопленные, видимо из мадьяр и немцев.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание, об этом наглядно повествуют дневниковые записи, офицеры и солдаты чехословацкого корпуса стали заложниками с одной стороны Антанты, а с другой - большевиков. Оказавшись в такой сложной ситуации, legionеры имели два реальных выхода из создавшегося положения: либо выполнять распоряжения французского руководства, то есть начать боевые действия против советов и тем самым не потерять надежду в будущем попасть на родину, либо подчиниться директивам Москвы о разоружении и вступлении в качестве интернационалистов в ряды Красной гвардии. Оба эти варианта вовлекали чехословаков, по воле обстоятельств, в Гражданскую войну на просторах России. Они выбрали первый из них.

¹ Штейдлер Ф. Выступление чехословаков в России 1918 года //Вольная Сибирь (Прага). -1928. -№4. -С 13.

² Садуль Ж. Записки о большевистской революции. -М., 1990. -С.292.

³ См.: Константинов С.И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны. -Екатеринбург, 1997. -С.77.

⁴ См.: Муна А. Кто такие чехо-словаки. -М., 1918. -С.8.

⁵ Штейдлер Ф. Выступление чехословаков в России 1918 года. -С.12,15.

⁶ ГАРФ. Ф.5881.Оп.2.Д.772.Л.2.

⁷ Там же. Л.4.

⁸ Там же. Л.6.

⁹ Там же. Л.12,13.

¹⁰ Там же. Л.13.

¹¹ Там же. Л.14; ЦДНИЧО.Ф.596.Оп.1.Д.142.Л.1.

¹² ЦДНИЧО. Ф.596.Оп.1.Д.142.Л.6.

¹³ ГАРФ. Ф.5881.Оп.2.Д.772.Л.16,17.

¹⁴ Там же. Л.17.

¹⁵ ЦДНИЧО. Ф.596.Оп.1.Д.142.Л.2-18.

¹⁶ Там же. Л.10.

¹⁷ ГАРФ. Ф.5881.Оп.2.Д.772.Л.18,19.

¹⁸ Там же. Л.21.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л.21-22.

²¹ Там же. Л.22.

²² Там же. Л.24.

²³ Там же. Л.24,25.

²⁴ ЦДНИЧО. Ф.596.Оп.1.Д.142.Л.44.

* * *

Приложение I

Послужной список старшего адъютанта штаба 69 пехотной дивизии капитана Войцеховского Сергея Николаевича

Составлен 29 октября 1915 г.

Имеет награды: Св.Станислава 3 степ., Св.Анны 4 степ. с надписью «За храбрость», Св.Анны 3 степ. с мечами и бантом, Св.Станислава 2 степ. с мечами, Св.Анны 2 степ. с мечами, мечи и бант к ордену Св.Станислава 3 степ., Св.Владимира 4 степ. с мечами и бантом, темно-бронзовую

медаль в память русско-японской войны 1904-1905 гг., светло-бронзовую медаль в память 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. на Владимирской ленте, светло-бронзовую медаль в память 300-летия дома Романовых на ленте белого, желтого и черного цветов.

Родился 16 октября 1893 г.

Сын подполковника, из дворян Витебской губернии.

Вероисповедания православного.

Образование: 1). Великолуцкое реальное училище; 2). окончил курс наук двух классов в Константиновском артиллерийском училище по первому разряду; 3). курс Императорской Николаевской военной академии по первому разряду.

В службу вступил по окончании курса наук в Великолуцком реальном училище в Константиновское артиллерийское училище юнкером рядового звания на правах вольноопределяющегося первого разряда с 11 сентября 1902 г.

Произведен в унтер-офицерское звание с 31 августа 1903 г.

Портупей-юнкером с 4 мая 1904 г.

В подпоручики с 9 августа 1904 г. с назначением на службу в 20 артиллерийскую бригаду.

Прибыл в бригаду и назначен на службу во 2 батарею 20 сентября 1904 г.

Назначен учителем в бригадную учебную команду 23 сентября 1904 г.

Переведен в 5 батарею и назначен исполняющим должность второго старшего офицера с прикомандированием к бригадной учебной команде с 18 января 1905 г.

Переведен в 74 артиллерийскую бригаду 3 июля 1905 г.

Обратно переведен в 20 артиллерийскую бригаду 7 июля 1905 г.

Переведен в 4 батарею с 29 октября 1905 г.

Переведен в 5 стрелковый артиллерийский дивизион 29 декабря 1906 г.

Назначен младшим офицером 2 батареи и учителем дивизионной учебной команды 4 января 1907 г.

Назначен вр. и. д. дивизионного адъютанта 5 апреля 1907 г.

Назначен учителем дивизионной учебной команды с 31 августа 1907 г.

Произведен в поручики с 11 сентября 1907 г.

Командирован в Санкт-Петербург для держания экзамена на предмет поступления в Николаевскую академию Генерального штаба 17 августа 1908 г.

Приказом по Генеральному штабу за № 50 зачислен в младший класс Николаевской академии Генерального штаба 10 октября 1908 г.

Штабс-капитан с 31 августа 1911 г.

Окончил курс академии по первому разряду и за отличные успехи награжден орденом Св. Станислава 3 степ. 19 мая 1912 г. (Со 2 июня по 20 августа 1909 г. отчислен из академии по семейным обстоятельствам. Вновь сдавал экзамены и вновь зачислен в младший класс академии с 4 октября 1909 г.)

Переведен в 1 Гренадерскую генерал-фельдмаршала графа Брюса артиллерийскую бригаду 20 мая 1912 г.

Прибыл в бригаду и назначен на службу в 5 батарею 31 мая 1912 г.

Переведен в 4 батарею 25 июня 1912 г.

Приказом по Генеральному штабу причислен к Генеральному штабу с прикомандированием к штабу Московского военного округа 22 апреля 1913 г.

Отправлен в штаб 31 пехотной дивизии для командования ротой 28 сентября 1913 г.

Прибыл в 122 пехотный Тамбовский полк для цензового командования ротой и назначен командиром 6 роты, которой командовал с 11 октября 1913 по 17 июля 1914 г.

Назначен старшим адъютантом штаба 69 пехотной дивизии, куда и отправился 17 июля 1914 г.

Выступил на театр военных действий 1 августа 1914 г. и прибыл 4 августа 1914 г., перешел границу Австрии 10 августа 1914 г.

Произведен в капитаны с переводом в Генеральный штаб и назначен старшим адъютантом штаба 69 пехотной дивизии 16 ноября 1914 г.

Награжден орденом Св. Анны 4 степ. с надписью «За храбрость» 15 января 1915 г., орденом Св. Анны 3 степ. с мечами и бантом 16 февраля 1915 г. за отличия в делах против неприятеля.

Награжден орденом Св. Станислава 2 степ. с мечами 16 марта 1915 г.

Исполнял должность начальника штаба 69 пехотной дивизии с 13 по 28 августа 1915 г.

Награжден орденом Св. Анны 2 степ. с мечами 12 сентября 1915 г.

Допущен к должности штаб-офицера для поручений штаба 20 армейского корпуса и убыл к месту нового служения 5 ноября 1915 г.

13 марта 1916 г. приказом Главнокомандующего армиями Западного фронта за № 3237 за отличие в делах против неприятеля награжден орденом Св.Владимира 4 степ. с мечами и бантом.

Приказом командующего 10 армией за № 837 за отличие в делах против неприятеля награжден мечами и бантом к ордену Св.Станислава 3 степ. 16 июня 1916 г.

Высочайшим приказом произведен в подполковники с утверждением в занимаемой должности с 15 августа 1916 г.

Допущен на должность начальника штаба 176 пехотной дивизии с 29 января 1917 г.

Женат на дочери полковника Темникова девице Маргарите Викторовне, имеет сына Георгия 10 января 1910 г. рождения.

В русско-японскую войну в 1905 г. в составе 74 артиллерийской бригады, входящей в состав 18 армейского корпуса, перешел русско-маньчжурскую границу и поступил в состав 3 армии 26 июня 1905 г. Прибыл на место бивака у деревни Хузейчейдо, где и находился с 28 июля по 6 сентября 1905 г.

РГВИА. Ф.409.Он.1.Д.76372.

Приложение 2

Краткая записка о службе командующего 2 Уфимским армейским корпусом генерал-майора Сергея Николаевича Войцеховского

Составлена в апреле 1919 г.

Продолжение послужного списка С.Н.Войцеховского за 1917 г.

Приказом по армии и фронту от 30 апреля 1917 г. назначен исправляющим должность начальника штаба 126 пехотной дивизии с 26 июня 1917 г.

Согласно решению комкора-45, предназначен на должность начальника штаба 1 Чехословацкой дивизии с 7 августа 1917 г.

Допущен к исполнению вакантной должности командира 3 чехословацкого Яна Жижки стрелкового полка (приказ по Чехословацкой Гуситской дивизии № 225 § 2) с 24 декабря 1917 г.

Принял командование 3 Яна Жижки полком (приказ по дивизии № 25 § 12) с 23 февраля 1918 г.

Назначен словесным приказом командира корпуса командующим войсковыми частями Челябинской группы и Уральского фронта 27 мая 1918 г.

Постановлением съезда членов Временного Челябинского комитета и [решением] отделения Чехословацкого Национального совета произведен в полковники 11 июня 1918 г.

Назначен вр. исп. должность отсутствующего начальника штаба корпуса с оставлением его на должности командира 3 чехословацкого стрелкового полка и начальника Челябинской группы (приказ по Чехословацкому корпусу № 58 от 11 июня 1918 г.)

Произведен Чехословацким Национальным советом (отделением для России) за отличия и выдающуюся службу в боях в генерал-майоры с 17 октября 1918 г.

Утвержден Верховным правителем в чине генерал-майора 8 марта 1919 г.

Назначен командующим Самарской группой войск и прибыл в штаб Самарской группы 17 октября 1918 г.

За расформированием Самарской группы допущен к командованию 2 Уфимским армейским корпусом с 1 января 1919 г. (приказ по Западной армии № 8 от 10 января 1919 г.)

8 января 1916 г. осколком разорвавшегося неприятельского снаряда был ушиблен в левую половину спины и в область лопатки и левого плеча с поверхностным ранением мягких частей под лопаткой с проникновением в подкожную клетчатку (свидетельство врача перевязочного отряда 28 пехотной дивизии № 2650 от 8 января 1916 г.)

Начальник штаба 2 Уфимского корпуса
Генерального штаба полковник ПУЧКОВ
Старший адъютант штаба поручик РЯБИНИН

РГВА. Ф.40215.Он.1.Д.95.

Приложение 3

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий по удостоверению постоянной Думы ордена Святого Георгия в Омске наградил орденом Святого Великомученика и Победоносца

Георгия 4 степ. бывшего командующего Самарской группой войск, ныне командующего 2 Уфимским корпусом Генерального штаба генерал-майора Сергея Войцеховского за то, что:

1). в ночь с 26 на 27 мая 1918 г., командуя частями 2 и 3 чехословацких полков, занял без потерь Челябинск, при чем взято в плен два советских полка, состоящих из мадяр и немцев, около 14 легких орудий, 15 тысяч винтовок, несколько десятков пулеметов и много военного имущества;

2). с теми же чехословаками занял железную дорогу Златоуст-Челябинск, отбросил наступающие части красных, сам повел наступление на Троицк и лихим ударом обходной и фронтальной колонн обратил в бегство красных, при чем было взято много пленных и военного имущества;

3). после ряда боев у Златоуста, Бердяуша, Усть-Катава, достигнув соединения с группой генерала Чечека на станции Миньяр, перенес операцию на Екатеринбург; и 28 июля 1918 г. Екатеринбург был взят. Несмотря на рядяростных попыток красных выбить наши войска из Екатеринбурга все атаки были отбиты, и, перейдя в наступление, лично руководил боями у Верх-Нейвинского завода, повел лично обходную колонну и кончил эту операцию взятием Нижнего Тагила.

При вступлении в командование Самарской группой генерал-майор Войцеховский не только остановил наступающего противника, но и отбросил его за реку Ик, чем и упрочил наше положение на Самарском фронте.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего и
военный министр Генштаба генерал-майор ЛЕБЕДЕВ

Русская армия (Омск). -1919 -12 июля.

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий в селе Моршихинское 12 сентября 1919 г. отдал следующий приказ о награждении на основании ст. 26 Георгиевского Статута: наградить орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 3 степ. командующего Уфимской группой войск генерал-майора Войцеховского за то, что перешел 1 сентября с.г. в наступление совместно с другими группами армии и, несмотря на тяжелое положение его правого фланга, блестяще выполнил задачу ударом во фланг 27 дивизии красных. После выполнения этой задачи продлил отважный удар на север и сбил противника, действующего на фронте нашей армии, чем дал возможность ей перейти в наступление, обеспечив вполне успех армии.

Русская армия. -1919. -12 окт.

Приложение 4

Вырыпаев В.

В.О.КАППЕЛЬ

Не помню, на какой станции, где-то в районе Татарской, к штабу 3 армии, к салон-вагону, занимаемому генералом Каппелем, вр. и. д. главнокомандующего, подошел автомобиль, из него вышел командующий 2 армией генерал Войцеховский, который, войдя к генералу Каппелю, доложил:

- Два часа тому назад я застрелил генерала Гривина.

- При каких обстоятельствах? - спросил генерал Каппель.

Генерал Войцеховский пояснил:

- Согласно моей экспозиции, северная группа, которой командовал генерал Гривин, сегодня должна была занимать деревни ХХХ. Лично еду туда на автомобиле: там никого нет. Еду назад: никого нет. Наконец, догоняю отходящие арьергарды северной группы, спрашиваю, почему отходят, давит ли на них противник. Командир роты доложил мне, что с противником связь потеряна, а отход происходит согласно приказанию командующего группой.

Добираюсь до штаба группы, который находился более 15 верст восточнее указанной мною линии. Спрашиваю генерала Гривина: «Вы получили мою вчерашнюю диспозицию?» Он отвечает: «Да, получил». «Почему же Вы отходите?» «Чтобы сохранить кадры», - отвечает генерал Гривин. Тогда я объяснил ему: «Своим отходом Вы оголяете правый фланг южных соседей, и зашедшие за их фланг красные могут нанести им тяжелые потери. Предлагаю Вам сейчас же

**Генерал чехословацкой армии
Войцеховский Сергей Николаевич.**
Фото 1930х г. из коллекции А.Б.Езеева

написать приказ своим частям вернуться назад и занять указанную мною линию. Я только что там был, и красных там пока нет».

Генерал Гривин довольно резко заявил мне, что такого приказа он не исполнит, и схватился за эфес своей шашки. Я повторил приказание еще раз, и, когда генерал Гривин вторично отказался выполнить мое приказание, я выстрелил в него несколько раз, он повалился на пол мертвым.

Тогда я написал приказ о своем временном вступлении в командование северной группой и войскам ее отдал распоряжение вернуться назад, чтобы выровняться со своими левыми соседями. После этого назначил командующим группой бывшего начальника штаба, а сам выехал с докладом к Вам».

На это генерал Каппель сказал:

- Все это очень прискорбно, но иначе Вы не могли поступить.

Вестник общества русских ветеранов Великой войны (Сан-Франциско). -1937. -№ 130/132. -С.47.

Приложение 5

Приказ Войскам Восточного Фронта

№ 8053

26 ноября 1919 г.

Командующий Северной группой генерал Гривин, несмотря на полученные им директивы и телеграмму, запрещавшие делать хотя бы один шаг на восток без должного сопротивления, отдал приказ об отходе всей Северной группы в район города Каинска. Во исполнение этого приказа части Северной группы ушли с фронта и 20 ноября находились: головная дивизия в районе Козино, Михайловский, остальные восточнее. Выехавшему для личного руководства и управления войсками в с. Усть-Татарка командующему 2-й армией генерал Гривин в присутствии других высших начальников 2-й армии доложил, что директивы он получил, но Северная группа настолько слаба, что он решил увести ее вглубь Сибири, хотя бы в Иркутск, и решения своего не переменит. Попытка убедить генерала Гривина в недопустимости такого ухода не подействовала, в силу чего командующим 2-й армии было приказано генералу Гривину сдать командование, что последний вновь категорически отказался исполнить. После этого командующий 2-й армией генерал Войцеховский на основании пункта 9 Устава Полевой службы лично застрелил генерала Гривина, как не исполнившего боевого приказа и нарушившего основы воинской дисциплины. Согласно представленных данных нахожу, что иного выхода не было, как только немедленно и сразу установить единственно допустимый в армии порядок беспрекословного подчинения начальнику. Деяние генерала Гривина, несмотря на его отличную прежнюю боевую работу, составляет тяжкое воинское преступление, являющее собою печальный факт преступной распушенности и самовольства, угрожающее полным развалом армии и неисчислимыми новыми народными бедствиями.

Приказываю: Во всех случаях и при всякой обстановке, как бы тяжелы, запутанны и безвыходны [они] не были, поступать твердо, решительно, энергично, не останавливаясь ни перед какими мерами и средствами, чтобы достигнуть цели дисциплины и выполнения долга перед Родиной. Обращаю внимание всех чинов фронта, что за все время настоящей войны повторялись случаи нарушения воинской дисциплины и особенно несоблюдение основного требования ее - подчинения старшему начальнику. Означенное явление, тягчайшее воинское преступление, не должно иметь совершенно места ни в одной армии и должно караться со всей строгостью законов в отношении всех без исключения чинов армии от рядовых бойцов до высших

начальствующих лиц. За мужественное и твердое исполнение долга командующему 2-й армией генералу Войцеховскому объявляю благодарность от имени армии и Родины.

Главнокомандующий генерал-лейтенант САХАРОВ
Начальник штаба фронта генерал-майор ОБЕРЮХТИН
Верно: Старший адъютант оперативного отделения штаба 3-й армии
подполковник (подпись неразборчивая)

РГВА. Ф.39624.Оп.1.Д.7.Л.125.

Приложение 6

Послужной список генерала Войцеховского из архива Чешского военно-исторического института

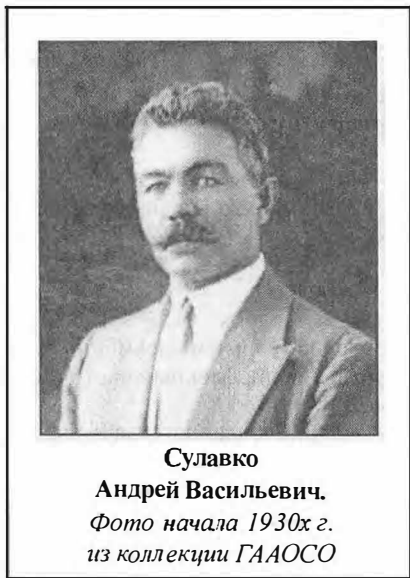
Фамилия и имя	- Войцеховский Сергей
Чин, старшинство	- генерал армии с 30 декабря 1929 г., профессиональный военный
Время и место рождения	- 29 октября 1883 г., г. Витебск, Россия
Место жительства	- Прага
Семейное положение	- женат, один сын
Адреса родственников	-
Особые знания и способности, знание языков	- летчик, водитель автомобиля, русский устный и письменный в совершенстве, французский устный и письменный частично, немецкий устный и письменный частично
Знание земель и краев	- часть русской Польши, Кавказ, Сибирь, Подкарпатская Русь
Описание и отзывы	- был командующим 1 армией с 25 сентября по 14 октября 1938 г.*
Награды:	
1912	- русский орден Св.Станислава 3 степ.
1916	- мечи и бант к нему
1915	- русский орден Св.Анны 4 степ. с надписью «За храбрость» - русский орден Св.Анны 3 степ. с мечами и бантом - русский орден Св.Станислава 2 степ. с мечами - русский орден Св.Анны 2 степ. с мечами
1916	- русский орден Св.Владимира 4 степ. с мечами и бантом
1919	- чехословацкий Военный крест - чехословацкая революционная медаль - чехословацкая медаль Победы - русский орден Св.Владимира 3 степ. с мечами - русский орден Св.Георгия 4 степ.
1926	- французский орден Почетного легиона 4 степ.
1929	- французский орден Почетного легиона 3 степ. - югославский орден Св.Савы 2 степ.
1930	- югославский орден Св.Савы 1 степ.
1937	- югославский орден Короны 1 степ. - румынский орден Звезды 1 степ.

* На документе рукописная резолюция Л.Крейчи: «Командующий армией очень хороший. Во время политического кризиса проявил неровный характер и личные амбиции. Для высшего командования непригоден. Главнокомандующий генерал Крейчи».

Sládek Z., Beloševska L. Dokumenty k dejinam ruske a ukrajinske emigrace v Československe Republice. 1918-1939. -Praha,1998. -S.196.

Приложения подготовлены Неуйминым Н.Б., Кручининым А.М. и Петровым А.А.

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...: СУДЬБЫ НЕИЗВЕСТНЫХ ОФИЦЕРОВ БЕЛОЙ АРМИИ*

Сулавко Андрей Васильевич¹

Родился 18 сентября 1879 г. в г.Гродно. Его отец служил военным фельдшером в императорской армии. В 1886 г. он вышел в отставку и вся семья выехала в Забайкалье, в Нерчинско-заводской уезд. Здесь Андрей Васильевич в 1897 г. окончил Нерчинское горнозаводское училище и начал работать нарядчиком на Карийских золотых приисках. Однако гражданская служба не удовлетворяла А.В.Сулавко, и он решил посвятить себя военному делу. В 1901 г. Андрей Васильевич поступил в Иркутское юнкерское училище, по окончании которого в 1904 г. в звании подпоручика получил назначение в 98 Юрьевский пехотный полк в качестве начальника команды охотников. С началом русско-японской войны многие офицеры просили о переводе их в действующую армию. Соответствующий рапорт Сулавко был удовлетворен, и подпоручик отбыл в Маньчжурию, где участвовал в нескольких военных операциях.

После окончания войны А.В.Сулавко был переведен в 6 Гренадерский пехотный полк, дислоцировавшийся в Москве. В 1907 г. он получил звание поручика, а в 1909 г. подал прошение и успешно выдержал экзамены в Николаевскую военную академию в Санкт-Петербурге. Завершив обучение в 1912 г., Андрей Васильевич в звании штабс-капитана был назначен в штаб Московского в. о. Одновременно со службой в 1912-1914 гг. он преподавал в Алексеевском военном училище и в 1913 г. учился в Московской авиационной школе. В 1914 г. А.В.Сулавко был удостоен звания капитана Генерального штаба.

С началом Великой войны в августе 1914 г. капитан Сулавко выехал на фронт в Восточную Пруссию в должности старшего адъютанта штаба 54 пехотной дивизии, а после ее разгрома получил назначение во 2 пехотную дивизию. Летом 1915 г. Андрей Васильевич был назначен штаб-офицером для поручений 7 Сибирского стрелкового корпуса. В 1916 г. он удостоивается звания подполковника Генерального штаба и получает должность начальника штаба 154 пехотной дивизии, а с весны 1917 г. уже в звании полковника - начальника штаба 12 Сибирской стрелковой дивизии. За период войны А.В.Сулавко был ранен и контужен, а также представлен к девяти орденам до ордена Св.Владимира 4 степ. с мечами и бантом включительно.

В ноябре 1917 г. полковник Сулавко получил отпуск по болезни и выехал к семье в Иркутск, а оттуда в связи со сложившейся неблагоприятной обстановкой в Харбин. По имеющимся отрывочным сведениям в Харбине Андрей Васильевич некоторое время возглавлял штаб отряда полковника Н.В.Орлова². Летом 1918 г. разгорелся скандал вокруг передачи Сибирской областной Думе двух орудий и некоторого количества винтовок. А.В.Сулавко был обвинен в злоупотреблении своим служебным положением, что могло угрожать ему военно-полевому судом. В связи с этим полковник оставил Харбин и выехал в Благовещенск, где в сентябре 1918 г. была свергнута советская власть и образовано Временное Амурское правительство. Однако здесь полковник не задержался и вскоре перебрался во Владивосток, где получил должность начальника штаба местной крепости.

В мае 1919 г. А.В.Сулавко был отозван в Омск. Здесь, согласно агентурным сведениям 3 отдела Бюро российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), он был лишен права занимать должности по Генеральному штабу и назначен командиром 2 ударного стрелкового полка Ударного корпуса Сибирской армии Р.Гайды. Во главе этого полка Андрей Васильевич

* Продолжение. Начало см.: Белая армия. Белое дело. -2000. -№7.

принял участие в боях под Екатеринбургом. В июле 1919 г. А.В.Сулавко был переведен на должность генерал-квартирмейстера и начальника штаба Степной группы генерала Д.А.Лебедева, с которой и отступал на восток.

В хаосе отступления в январе 1920 г. у с.Рыбное, недалеко от Ачинска, полковник попал в плен к красным, но, назвавшись рядовым, призванным в Белую армию по мобилизации, был отпущен. До июня 1920 г. Андрей Васильевич скрывался в одном из сел под Ачинском, работая в сельской школе учителем. Затем выехал в Иркутск к семье, а оттуда через Верхнеудинск в Читу, куда прибыл в сентябре 1920 г.

О развитии дальнейших событий существует две версии. По версии самого А.В.Сулавко, сразу по прибытии в Читу он обратился в штаб каппелевской армии, получил должность начальника штаба 2 Сибирского корпуса (командующий генерал И.С.Смолин), с которым и ушел в Маньчжурию. По версии 3 учетно-информационного отдела БРЭМ, в то время, когда Дальневосточная армия прибыла в Приморье, А.В.Сулавко уже работал там по свержению правительства А.С.Медведева³. А после майского переворота 1921 г. неожиданно для всех каппелевцев стал начальником штаба 2 корпуса. Однако после провокации генерала Смолина с начальником хунхузов Каосаном, он оставил эту должность.

После ухода с должности начальника штаба 2 корпуса полковник Сулавко некоторое время являлся генералом для поручений при командующем войсками Временного Приамурского правительства генерал-лейтенанте Г.А.Вержбицком. В октябре 1921 г. Андрей Васильевич подал просьбу об отпуске в Маньчжурию по состоянию здоровья. Просьба была удовлетворена, и А.В.Сулавко с женой выехал на ст.Аньда Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

На ст.Аньда Андрей Васильевич устроился продавцом книжного киоска, а также до мая 1922 г. давал частные уроки. Затем они с женой переехали на ст.Чжаланьтунь - один из курортов Западной линии КВЖД. Здесь бывший полковник вновь стал продавать книги в киоске.

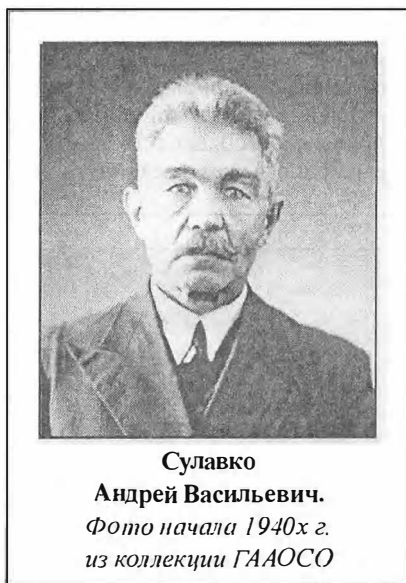
В 1924 г. чета Сулавко переехала в Харбин, где Андрей Васильевич стал заведующим книжного магазина Союза русских учителей КВЖД, а в 1928 г. - заведующим частной типографией Сафарянца. В это же время А.В.Сулавко активно участвовал в общественной жизни российской эмиграции, являясь членом таких организаций, как Общество офицеров Генерального штаба (1927-1928 гг. - член правления) и Харбинский комитет помощи русским беженцам (1929-1934 гг. - член правления). В политические игры старался не вмешиваться. В связи с чем, один из агентов 3 отдела БРЭМ характеризовал его следующим образом: «Впечатление он производит человека себе на уме, хитрого хохла. Сослуживцы по штабу говорят о нем, как о человека весьма запутанных и тяжелых убеждений ...».

В 1933 г. А.В.Сулавко купил дом в пригороде Харбина (Сад-город) и решил заняться сельским хозяйством. Однако вместо спокойной жизни на лоне природы ему пришлось принять действительное участие в борьбе жителей Сад-города за сохранение своих участков. Как человек уважаемый и известный в высших кругах харбинского общества Андрей Васильевич по просьбе владельцев участков в Сад-городе стал их представителем, что едва не стоило ему жизни. В июле 1936 г. на Сулавко было совершено покушение. Поздно вечером двое неизвестных напали на бывшего полковника - нанесли тяжелым предметом удар по голове, но добить не успели, так как на его крики выбежали соседи. Этот случай описывали впоследствии многие харбинские газеты.

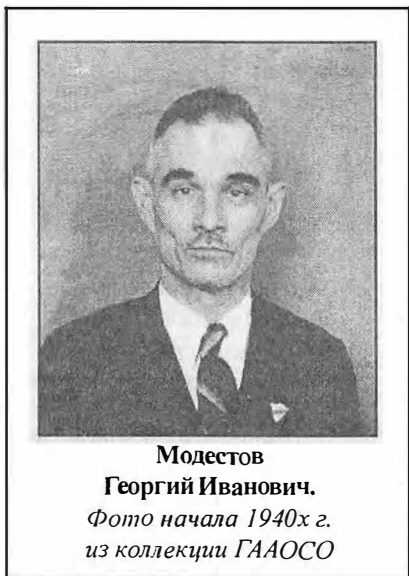
В 1937 г. А.В.Сулавко, оставив сельское хозяйство, поступил преподавателем математики и географии в Харбинское реальное училище, а в марте 1938 г. он был принят сотрудником в школьный подотдел 2 агитационно-пропагандистского отдела БРЭМ и стал также членом Комитета содействия учащимся эмигрантских учебных заведений Харбина.

В мае 1940 г. бывший полковник по решению БРЭМ был направлен в качестве преподавателя в отряд 345 Квантунской армии⁴, где проходили обучение русскому языку офицеры и младший командный состав японской армии, ранее получившие высшее образование. Здесь Андрей Васильевич и работал до начала советско-японской войны августа 1945 г.

После вступления советских войск в Харбин полковник Сулавко в числе первых эмигрантов был задержан контрразведкой СМЕРШ и отправлен в Советский Союз. Сбылась его мечта вновь

оказаться в России (в свое время он написал в БРЭМовской анкете: «Мечта - вернуться в Россию»). Но горьким стало это возвращение. В начале 1946 г. Андрей Васильевич вместе с другими репатриантами прибыл в Восточно-уральский лагерь МГБ, где заболел и скончался в лазарете 6 отделения лагеря 16 июня 1946 г. Похоронили А.В.Сулаво на городском кладбище г.Тавда Свердловской области. В 1947 г. в связи со смертью уголовное дело в его отношении было прекращено, а указ о реабилитации вышел в январе 1989 г.

Модестов Георгий Иванович⁵

Родился в 1894 г. в пос.Серахс Закаспийской области Туркестана в семье чиновника. В десять лет мальчик был определен в Оренбургский кадетский корпус, по окончании которого в 1913 г. направлен в Московское Алексеевское военное училище. Закончив училище в октябре 1914 г., подпоручик Г.И.Модестов получил назначение в армию, действовавшую на Кавказском фронте, где принимал активное участие в военных действиях. В конце 1917 г. Георгий Иванович в чине капитана демобилизовался и выехал к родственникам в Уфу.

Весной 1918 г., с началом формирования Белых вооруженных сил, Г.И.Модестов был мобилизован и назначен командиром офицерской пулеметной роты в Уфе. Через полтора месяца он возглавил батальон, а затем стал помощником командира Уфимского стрелкового полка, участвовал в боях под Уфой. В июле 1918 г. капитан Модестов со своим батальоном прикрывал отступающие части подполковника В.М.Молчанова около Мензелинска.

В декабре 1918 г. Георгий Иванович заболел и был вывезен в тыл, где после выздоровления в январе 1919 г. получил назначение на трехмесячные военно-академические курсы в Томск. После окончания этих курсов в мае 1919 г. Г.И.Модестову было присвоено звание подполковника с назначением старшим адъютантом в штаб 4 Уфимской стрелковой дивизии.

Во время июльских боев 1919 г. был ранен командир 14 стрелкового полка Уфимской дивизии и подполковник Модестов, заменив его, около месяца командовал полком. В сентябре того же года Георгий Иванович возглавил 43 стрелковый полк Уральской дивизии, а в ноябре был переведен командиром конного дивизиона при штабе той же дивизии.

В январе 1920 г. Г.И.Модестов получил звание полковника и назначение на должность начальника штаба Ижевской стрелковой дивизии, но возглавить его не успел, заболев свирепствовавшим в войсках тифом. В санитарном эшелоне он был отправлен в Читу, куда вскоре прибыли и остатки отступавшей каппелевской армии. Оправившись от болезни, в марте 1920 г. полковник Модестов возглавил штаб Ижевской дивизии, а после ее соединения с оставшимися частями Уральской дивизии и Егерской бригады - штаб 1 Сводной стрелковой дивизии. Летом 1920 г. он в составе дивизии участвовал в боях против партизан в районах Сретенска и Нерчинска.

Между тем, часы власти атамана Г.М.Семенова в Забайкалье были сочтены. В сентябре 1920 г. началось активное наступление красных партизан на Читу, откуда в конце октября эвакуировались каппелевцы, а в конце ноября пал последний оплот белых в крае - ст.Даурия. Полковник Модестов со штабом дивизии в декабре 1920 г. прибыл на ст.Маньчжурия, где белые войска были разоружены китайскими властями. Китайцы предложили офицерам и солдатам отступившей армии переброску в Приморье, что и было выполнено. Однако Г.И.Модестов, считая бесполезным продолжение бесконечной войны, оставил армию и выехал в Харбин.

На новом месте в течение нескольких месяцев Георгий Иванович работал электромонтером, затем поступил помощником машиниста паровоза на ст.Харбин. В 1924 г. после получения КВЖД статуса советско-китайского предприятия, он, как не имевший гражданства, был уволен⁶. Однако благодаря знакомству, бывший полковник вскоре вновь получил место на железной дороге - сотрудником, а позднее заведующим русского отдела библиотеки Южно-Маньчжурской железной дороги.

В 1938 г. Г.И.Модестов получил приглашение в один из домов Харбина, где у него состоялась встреча с сотрудником Японской военной миссии (ЯВМ) Исизики. Японец предложил Георгию

Ивановичу работу в ЯВМ. Необходимо отметить, что японские власти, контролировавшие государство Маньчжоу-го, активно, а иногда и очень настойчиво привлекали бывших российских офицеров для работы, ориентированной на «собрание восьми углов света под одной крышей», конечно же японской, одним из направлений которой являлась борьба с Советским Союзом. Зная, что ответить отказом на предложение ЯВМ чревато серьезными последствиями, Г.И.Модестов принял его и был определен помощником переводчика во 2 отдел ЯВМ, занимавшийся изучением СССР и разведкой.

В годы войны 1941-1945 гг. в среде российских эмигрантов значительно выросли патриотические настроения. Многие сотрудники различных японских учреждений, подобных ЯВМ или Маньчжурской телеграфно-телефонной компании, занимавшиеся антисоветской деятельностью, стремились уйти из них всеми правдами и неправдами. В начале 1945 г. Георгий Иванович был уволен из миссии в связи с ухудшением здоровья, так как еще с 1920 г. болел туберкулезом. После увольнения Г.И.Модестов выехал на 30 версту Яблоньской железнодорожной ветки, где работал на пасеке.

В начале сентября 1945 г. полковник Модестов, как и многие служившие в ЯВМ, был задержан советской контрразведкой СМЕРШ и вывезен в Советский Союз. В январе 1946 г. он, уже тяжело больной, прибыл в Востураллаг, в отделение на ст.Азанка. Здесь Георгий Иванович был помещен в лазарет, где и скончался 26 февраля 1946 г. Уголовное дело в его отношении было прекращено в 1947 г., реабилитация Г.И.Модестова состоялась на основе указа о реабилитации жертв массовых репрессий января 1989 г.

Ивков Николай Дмитриевич⁷

Родился 12 мая 1884 г. в Киеве в дворянской семье, владевшей большим имением (свыше 1000 десятин земли) в Ржевском уезде Тверской губернии. Его отец, Дмитрий Петрович Ивков, всю жизнь отдал военной службе и в 1916 г. ушел в отставку в чине полного генерала инженерно-технических войск.

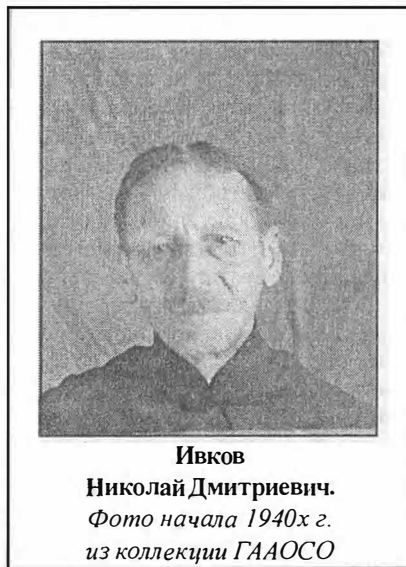
В 1894 г. Николай Дмитриевич был определен в кадетский корпус, по окончании которого по стопам отца поступил в Николаевское военно-инженерное училище в Санкт-Петербурге. В 1906 г. в звании подпоручика он был выпущен в Лейб-гвардии саперный батальон. Здесь Н.Д.Ивков последовательно прошел все должностные ступени от младшего офицера до командира батальона и помощника корпусного инженера по технической части. Кроме того, в 1910-1913 гг. он являлся членом Ржевской земской управы.

С 1914 г. Николай Дмитриевич находился на фронте, за участие в боевых действиях был награжден всеми орденами для обер-офицеров, вплоть до ордена Св.Владимира 4 степ. с мечами включительно, и повышен в звании до полковника гвардии.

После событий ноября 1917 г. Лейб-гвардии саперный батальон находился некоторое время в подчинении красного командования, а в апреле 1918 г. был расформирован. Н.Д.Ивков уехал в Киев. Здесь он встретился со своим старым знакомым В.В.Шульгиным⁸, редактором газеты «Киевлянин» и лидером городских правых. Ознакомившись из бесед с последним с положением дел, Н.Д.Ивков примкнул к правым и в конце апреля 1918 г. выехал в Москву для установления связи с местными сторонниками монархии. В Москве он встретился с Леонтьевым, близким к генералу В.И.Гурко⁹, от которого получил информацию об антибольшевистских организациях и предложение о совместной работе.

В июне 1918 г. Николай Дмитриевич был направлен в Казань с целью подготовки почвы для объединения монархических организаций. Однако поездка оказалась неудачной, так как встреча с руководителями казанской правой организации не состоялась. В июле произошло второе посещение полковником Ивковым Казани, в ходе которого ему все же удалось встретиться с членами монархических организаций, но вопрос о едином руководстве движением не вызвал их поддержки.

Между тем события развивались со стремительной скоростью. 6 августа Казань была взята чешским и белогвардейским отрядами, началась мобилизация офицерского состава, находив-

шегося в городе. Н.Д.Ивков получил должность начальника инженерной службы Северной группы войск, находившейся под командованием полковника Степанова. Его главной задачей стало укрепление обороноспособности города. После отступления из Казани полковник Ивков в ноябре 1918 г. был вызван в Омск, в штаб Верховного главнокомандующего и назначен корпусным инженером 5 Стерлитамакского корпуса.

В составе корпуса Н.Д.Ивков участвовал в походе на Оренбург, а затем в отступлении под ударами красных через Петропавловск к Сергиополю осенью и зимой 1919 г. В январе 1920 г. в Семирежье остатки отступивших белых частей начали переформирование, и часть офицеров, в том числе и полковник Ивков, получила разрешение выехать за границу. Группа пересекла границу с Китаем и в марте 1920 г. прибыла в Пекин. Отсюда Н.Д.Ивков выехал в Харбин, где в июле 1920 г. получил назначение в капеллевскую армию, дислоцированную в Забайкалье.

По прибытии в Читу в августе 1920 г. Николай Дмитриевич возглавил техническую роту учебного офицерского батальона, с которым участвовал в ряде боев, частности у ст.Шарасунь в ноябре 1920 г. В конце ноября Н.Д.Ивков в составе капеллевских частей отступил на территорию Маньчжурии, где Белые войска были разоружены и через некоторое время переброшены в Приморье. В апреле 1921 г. полковник перебрался во Владивосток и через несколько месяцев ушел в резерв чинов, а в мае 1922 г. выехал в Харбин к дальним родственникам.

В Харбине Н.Д.Ивков, как и многие офицеры, вынужден был браться за любую, зачастую неквалифицированную работу, чтобы как-то сводить концы с концами. Он работал десятником на строительстве, чертежником, истопником, сначала в здании Коммерческого собрания, а затем редакции газеты «Заря». После того, как в мае 1934 г. редакция отказалась от его услуг, Николай Дмитриевич несколько месяцев находился без работы, пока бывшие однополчане по Гражданской войне не предложили ему помощь в устройстве в железнодорожную полицию.

В полиции Ивков первоначально выполнял обязанности рядового полицейского на ст.Харбин, а затем был переведен на ст.Пограничная, где и служил вплоть до увольнения по возрасту в феврале 1940 г. Уйдя из полиции, Николай Дмитриевич уехал на Мулинские копи и здесь устроился в одну из строительных фирм десятником.

Достаточно активное участие Н.Д.Ивков принимал в общественной деятельности эмиграции. В частности, в январе 1931 г. бывший полковник по предложению генерала Акинтьевского, являвшегося его другом, вступил в Союз легитимистов (Корпус императорской армии и флота), где получил должность помощника начальника военно-технического отдела. В 1932-1933 гг. Николай Дмитриевич преподавал подрывное дело и фортификацию на военно-училищных курсах при Союзе. В 1935 г. в связи со стремлением японских властей поставить под контроль деятельность всех эмигрантских организаций произошел раскол в легитимистском движении Маньчжурии. Полковник Ивков принадлежал к группе, вставшей в оппозицию к прояпонской ориентации начальника Союза легитимистов генерала В.А.Кислицына, и в мае 1935 г. вышел из состава организации. Впоследствии он какой-либо политической деятельностью не занимался, хотя формально состоял в Монархическом объединении и Дальневосточном союзе военных.

В начале октября 1945 г. Н.Д.Ивков был задержан представителями органов контрразведки СМЕРШ в п.Лишучжэнь (Мулинские копи) и после первых допросов отправлен в пересылочную тюрьму ст.Гродеково. В дальнейшем, как и многие эмигранты из Маньчжурии, он был этапирован на Урал, в Востураллаг (Тавда), где в феврале 1947 г. ему была инкриминирована традиционная 58 статья УК РСФСР. Согласно приговору «тройки» Николай Дмитриевич получил десятилет исправительно-трудового лагеря, где и скончался. Дата смерти точно не установлена. Реабилитирован Н.Д.Ивков был на основании постановления Верховного Совета СССР в 1989 г.

¹ Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф.1.Оп.2.Д.34917.

² Орлов Николай Васильевич служил с 1909 г. по 1915 г. в Заамурском округе. В 1915 г. в составе 14 Заамурского пехотного полка отбыл на фронт. Кавалер ордена Св.Георгия 4 степ. В январе 1918 г. начал формировать свой отряд, первоначально как Офицерскую охранную роту Охранной стражи КВЖД, позднее развернув в полк. Наряду с формированиями Г.М.Семенова и И.П.Калмыкова отряд Н.В.Орлова одним из первых начал борьбу против советской власти на Дальнем Востоке.

³ В конце января 1920 г. в результате действий красных партизан власть в Приморье перешла в руки Приморской земской областной управы под председательством правого эсера А.С.Медведева, ставшей своеобразным буфером между Японией и РСФСР.

⁴ Отряд был создан в 1939 г. как Особая школа Японской военной миссии и назывался по имени возглавлявшего его начальника - «Наумура бутай», «Комацубара бутай», «Комадзио бутай». С 1942 г. Особая школа была переименована в учебный отряд №345 Квантунской армии.

⁵ ГААОСО. Ф.1.Оп.2.Д.36003.

⁶ По условиям советско-китайского соглашения октября 1924 г. о КВЖД на железной дороге имели право работать только советские или китайские граждане, все остальные подлежали увольнению.

⁷ ГААОСО. Ф.1.Оп.2.Д.36873.

⁸ Шульгин Василий Витальевич (1878-1976) - окончил юридический факультет Киевского университета. Монархист, один из лидеров правого крыла II-IV Государственных Дум. В IV Думе входил в оппозиционный правительству Прогрессивный блок. Вместе с А.И.Гучковым принял отречение Николая II. Участвовал в организации Белого движения, возглавлял комиссию по национальным делам в «Особом совещании» А.И.Деникина, редактор в Екатеринодаре с конца 1918 г. газеты «Россия». В конце 1920 г. эмигрировал. В эмиграции сотрудничал в газете «Возрождение». В 1925-1926 гг. совершил нелегальную поездку в СССР по каналам организации «Грест». В конце 1930х гг. отошел от активной политической деятельности. В 1944 г. арестован СМЕРШ в Югославии, вывезен в СССР, где был заключен во Владимирскую тюрьму. В 1956 г. освобожден. В начале 1960х гг. призывал эмиграцию к сотрудничеству с советской властью.

⁹ Гурко Василий Иосифович (1864-1937) - генерал от инфантерии. Сын генерал-фельдмаршала И.В.Гурко. Окончил I Кавказский корпус (1885) и академию Генерального штаба (1892). В 1899-1900 гг. военный агент при армии буров во время англо-бурской войны. В годы Великой войны командовал I Кавказской дивизией, 5-й и Особой армиями, исполнял обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего. После Февральской революции командовал войсками Западного фронта, в мае 1917 г. за критику Временного Российского правительства и монархические высказывания понижен в должности до начальника дивизии. В июле 1917 г. арестован за переписку с Николаем II и в августе выслан за границу. В 1919 г. отказался возглавить Белые армии на Севере и Северо-Западе России.

ЕЩЕ РАЗ О ЗНАМЕНИ ПЕРНОВЦЕВ

В № 8 альманаха было помещен материал А.М.Кручинина «Под сенью старого знамени» об истории знамени 3 Перновского гренадерского полка, чья судьба после «сибирской эпопеи» отступления Белых армий не прослеживается. Однако недавняя неожиданная находка проливает некоторый свет на судьбу этого знамени. Согласно сообщению бывшего полковника Н.А.Протопопова, содержащемуся в материалах допросов по его следственному делу в Восточно-уральском лагере, летом 1918 г. в окрестностях Перми он, пытаясь пробраться к белым, встретил группу офицеров во главе с подполковником Ю.А.Милюковым. Группа несла знамя 3 Перновского гренадерского полка, которое было обернуто вокруг тела Милюкова. Н.А.Протопопов присоединился к этим офицерам, но в дальнейшем их пути разошлись. В дальнейшем, как сообщает Протопопов, знамя было вывезено в Китай, где хранилось в Шанхае, в считавшейся военной Николаевской церкви на рю Массне (См.: ГААОСО. Ф.1.Оп.2.Д.40158.Л.17).

Смирнов С.В.

ТРУДНОЕ НАЧАЛО (ВОСПОМИНАНИЯ)*

Глава II. У Касторной

Добровольческая железнодорожная рота была хорошо оснащена, в ней насчитывалось много опытных специалистов, а среди них особенно выделялся командир роты капитан Яглов, высокий, чуть сутулый человек с темными пушистыми усами. Он прекрасно знал все службы железной дороги - и путь, и тягу, и движение, пользовался большим авторитетом среди офицеров и солдат, умело поддерживал в роте порядок и дисциплину, и вместе с тем не чванился, для всех был легко доступен.

В отличие от командира его заместитель капитан Белов-Тихонов никакими деловыми качествами не обладал. Это был просто «душа-человек» лет пятидесяти, долго прослуживший в Риге, что наложило на него печать некоторого европеизма. Был он великим мастером по сглаживанию всяких противоречий и очень любил поучать молодых офицеров, как надо жить, служить и вести себя, при этом обильно сдабривал свои советы беззлыми шуточками и анекдотическими случаями из жизни.

- За девчонками ухаживай и что хочешь с ними делай, а замужних женщин не трогай. Семья - опора государства, ее разрушать нельзя, - говорил он, заимствуя ходячую немецкую мораль. Кажется, вследствие именно этой концепции симпатичный Петр Михайлович на всю жизнь остался одиноким. Он был очень привязан к немолодой уже даме и пользовался полной взаимностью, но категорически не соглашался разрушить ее семью. Дама появилась однажды в роте. Они долго разговаривали о чем-то, сидя в офицерской столовой на виду у всех, после чего она уехала и никогда уже больше не возвращалась.

Был и еще один заместитель командира роты штабс-капитан Ушаков. После какого-то дежурства в комнате, где он целую ночь провел наедине с самим собой, нашли на столе лист бумаги, весь исписанный одной и той же подписью «генштаба полковник Ушаков». Эта неосторожно доверенная бумаге заветная мечта штабс-капитана целиком определяла не только содержание, но и внешность его. В отличие от всех других офицеров роты Ушаков был военным до мозга костей, и в первую очередь строевым офицером. Сухой, с рыжими бобриком волосами на голове и коротко подстриженными усами, он появлялся среди офицеров всегда подчеркнуто подтянутым. Несмотря на то, что он очень корректно держался с нами, мы не любили его.

Младших офицеров было много. Среди них маленький, вертлявый звенящий шпорами капитан Мокроусов; толстый, неповоротливый поручик Наумов, у жены которого была базедова болезнь в последней стадии, он жил поэтому в отдельном вагоне и старался никому ее не показывать; неприятный Переверзев и благодушный малограмотный Иван Иванович Кореник; заведующий ротными мастерскими, всеми уважаемый инженер Лев Михайлович Покута. Всю тяжесть работы несли молодые некадровые офицеры роты, бывшие техники, инженеры, студенты. Для восстановления разрушенного отступающей Красной армией железнодорожного пути всегда командировался техник Столпянский, а чтобы отремонтировать взорванный мост посылали студентов Алексеева или Кочешкова.

Подпоручики Кочешков и Дымов были большими друзьями между собой самыми заметными офицерами в роте. Кочешков, маленький болезненный интеллигент с одухотворенным лицом, в жизни крайне непрактичный, пользовался всеобщим вниманием не столько в силу своих

* Продолжение. Начало см.: Белая армия. Белое дело. -2000. -№8.

качеств, сколько потому, что у него была красавица жена, медицинская сестра роты Нина Митрофановна. Дымов привлекал не меньшее внимание потому, что на нем лежало продовольственное снабжение роты. Мужиковатый, с простым курносым лицом и хитрыми глазами Василий Елисеевич, наоборот, был очень практичным человеком. Жену своего друга он буквально боготворил, смотрел на нее умильно-преданными глазами. Вообще грубоватый, в ее присутствии он делался слащаво любезным. Жили они втроем в одной теплушке. По этому поводу в роте ходило много шуточек, но очень осторожных: никто не хотел ссориться ни с Кочешковым, ни с Дымовым, ни тем более с Ниной Митрофановной. А она со всеми была ровна и приветлива, но предпочитала Покуту.

Были в роте офицеры, не имевшие никакой специальности. Их назначали комендантами передовых станций, чтобы следить за передвижением воинских составов и за поддержанием порядка, соответствующего духу Белой армии, воюющей с большевиками. Среди этих офицеров выделялся прапорщик Сургис, желчный сухой брюнет с лихорадочным блеском глаз, то ли грек, то ли грузин. При занятии каждой новой станции он обязательно отыскивал «большевиков» и сам их расстреливал. Другие офицеры роты не одобряли эти расстрелы и даже сторонились Сургиса, однако вслух никто не осуждал и никто не запрещал ему это самоуправство.

По вечерам, когда бывали свободны, мы собирались в офицерской столовой, устроенной в скромном вагоне-салоне. Там было уютно. Стояло пианино. На нем Покута с большим чувством исполнял «Бабушкин вальс» - это была единственная вещь, которую он знал, но мы каждый раз охотно его слушали. Еще больше любили слушать пение Нины Митрофановны, которая тоже исполняла всегда один и тот же романс.

* * *

В связи с объявленным наступлением на Москву организовывался железнодорожный батальон, командиром которого назначили знакомого мне полковника Иванова, бывшего коменданта станции Новочеркасск.

Через несколько дней полковник принимал на станции Основа нашу «первую» роту батальона. Солдаты выстроились в две шеренги перед вагонами. Командир роты вышел навстречу подъехавшему на дрезине полковнику, отрапортовал и последовал за ним. Все такой же, каким я его знал. невысокий, коренастый, с седыми усами на багровом лице, полковник представлял собой прекрасный образец офицера «старого закала».

- Здорово, молодцы!

- Здравия желаем, господин полковник!

- Вольно!

Идя вдоль фронта, полковник, привычно заговаривая то с одним, то с другим солдатом, расспрашивал, шутил. Потом он захотел посмотреть, как живут солдаты, и в сопровождении Яглова, зашел в ближайший вагон. Вскоре они вышли оттуда, и нам показалось, что полковник чем-то недоволен, а Яглов смущен. Второй вагон они покинули еще быстрее, потом третий вагон, четвертый, пятый. До нас доносился громкий голос чем-то возмущающегося полковника. Яглов в полной растерянности, еще более сгорбившийся, беспомощно разводил руками.

Наблюдая издали, мы недоумевали: ведь в вагонах нашей роты всегда чисто, у солдат хорошие постели, их сытно кормят. Яглов строго следил за всем этим и гордился порядком в роте. Нам было обидно за командира, и чтобы подслушать, в чем дело, я подошел ближе и оказался в поле зрения расвирепевшего полковника. Он узнал меня.

- Поручик Гвоздев! Завтра же отправляйтесь в город и приобретите иконы для солдат. Чтоб в каждом вагоне была икона! Солдаты должны молиться и утром, и вечером. Через три дня я проверю выполнение приказа!

- Но где же достать иконы, господин полковник?

- Не знаю. Пойди к епископу, попроси. Да, если будешь у него, так под благословение подойди!

Полковник ушел из роты и, усаживаясь в дрезину, уже примирительно бросил:

- Нехристи!

Выполняя поручение, я целый день ходил по Харькову и нашел только одну большую икону с изображением Георгия Победоносца на коне. Как и полагается, длинным копьём он колот змея. Через всю икону шла глубокая царапина. Очевидно, именно поэтому на нее до сих пор не нашлось покупателя.

Вечером я докладывал командиру роты о своей неудаче.

- Сходи, Гвоздь, к епископу, может, действительно он поможет найти иконы. Ведь старый черт сегодня опять напоминал мне о них.

- Виталий Тимофеевич, бога я не признаю, в церковь никогда не хожу, попов не перевариваю.

- Ну, я прошу тебя.

* * *

Дом, в котором жил и принимал архиепископ харьковский Гермоген, оказался в центре города, в безлюдном квартале, у зацветшего плеса тихой Лопани. Шепотом разговаривавший служка в черном подряснике провел меня в просторную приемную с блестящим скользким паркетом. Там уже сидели две древних старушки и солидный господин с дамой. Выхода его высокопреосвященства ждали долго. Я чувствовал себя неловко: серебро моих погон, звенящие шпоры, а главное, моя легкомысленная молодость совсем не вязались ни с тишиной и строгостью приемной, ни с темным тоном одежды всех, кто в ней находился. Беспокоила мысль, как вести себя. «Не буду называть «ваше высокопреосвященство», не подойду под благословение», - упрямо внушал я себе.

Тихо открылась дверь, и архиепископ бесшумно появился в черной шелковой рясе с массивным серебряным крестом на груди. Старушки привычно подошли под благословение. Он быстро и совершенно беззвучно переговорил с ними. Старушки ушли, пятась спиной и беспрепятственно кланяясь ему в пояс. Господин с дамой, также подошедшие под благословение, дольше задержали его внимание. Наконец ушли и они.

Стараясь ступать мягче, не звенеть шпорами и не поскользнуться на паркете, я направился к архиепископу.

- Что вам угодно, господин поручик?

Тихий, спокойный голос зачаровал меня и, когда я подошел, ладони сложились помимо моей воли, а он опустил на них свою руку, которой я едва коснулся губами.

- Помогите, ваше высокопреосвященство, - я едва выговаривал этот непривычный титул, - достать иконки для нашей роты.

Он удивленно посмотрел на меня.

- Сколько же вам их надо?

- Тридцать две, - робко произнес я, боясь испугать его этой цифрой, ведь икон в городе нет.

- Сходи на склад, - архиепископ повернулся к службе, который почтительно ловил его слова, - и принеси господину поручику тридцать две иконки разных святых. А вы подождите здесь.

Опять на мои ладони легко опустилась рука архиепископа, и он бесшумно скрылся за той дверью, из которой вышел.

Доставленные мною иконки вызвали в роте веселый переполох и полное удовлетворение у командира. Но, как говорится, аппетит приходит во время еды. Яглов потребовал, чтобы я купил и поцарапанного Георгия Победоносца.

- Это будет ротная икона.

* * *

Полковник Иванов в каждом вагоне снимал фуражку и крестился перед иконкой. Перед Георгием Победоносцем он особенно истово перекрестился. Однако молитвенное выражение его лица пропадало по мере того, как он всматривался в икону:

- Кто это... его мать, поцарапал святого?

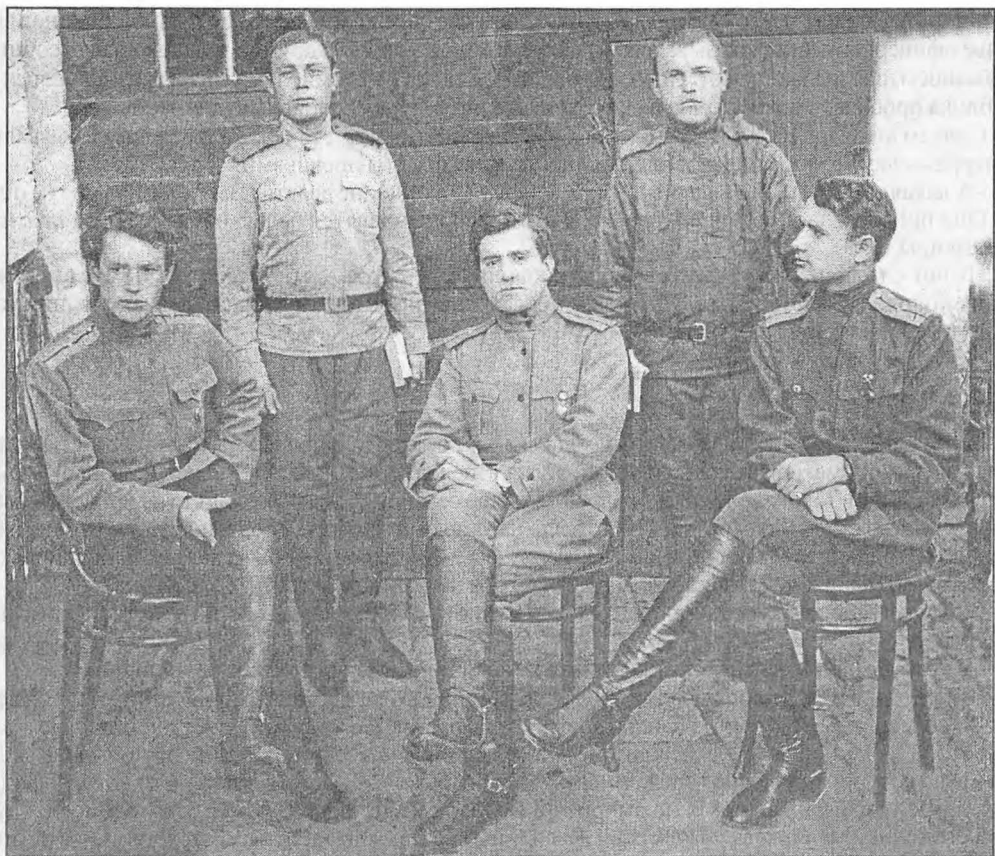
Полковник разразился отчаянной бранью и стал поносить всех, распаясь от собственных слов. Он не переставал ругаться, пока капитан докладывал ему, что икона исцарапана еще до покупки, что он предполагает ее исправить, и что это была единственная икона Георгия Победоносца, а роте нужен был именно этот святой. Лишь постепенно к полковнику вернулось проникновенно-религиозное состояние, и он несколько раз широко перекрестился перед ротной иконкой.

А через несколько дней, провожая нас на фронт, командир батальона признал:

- Молодцы! Первая рота, действительно должна иметь икону Георгия Победоносца!

* * *

Когда началось наступление на Москву, наша рота получила приказ двигаться в направлении на станцию Касторная, обеспечивая работу железной дороги в тылу кубанской конницы генерала А.Г.Шкуро.

Гвоздев Влас Семенович (сидит крайний слева) с однополчанами.
Фото периода Великой войны

От перрона харьковского вокзала наш эшелон двинулся вслед за победной конницей, ушедшей уже далеко на север. Истомившиеся от безделья, мы были рады и солнечному дню начинавшейся осени, и близости новых впечатлений от знакомства с местами, где долго была советская власть.

Уже на следующий день к вечеру поезд подходил к Валуйкам, первому на нашем пути городу, из числа других недавно отвоеванных у Красной армии городов. Возвращавшийся домой молодой купчик, - ему Яглов разрешил сесть в наш вагон, - возбужденный ожиданием радостных встреч, щедро угощал всех хорошим турецким табаком.

- Население истомилось под властью большевиков, все ждут вас как своих освободителей.

- Это очень приятно слышать. Вы, что же, недавно были в городе? - спросил Белов-Тихонов, захватывая большую щепотку табака для закрутки.

- Нет, что вы! Я еще в семнадцатом году уехал отсюда, - заспешил не заметивший иронии купчик.

Путь впереди оказался неисправным, и наш эшелон на несколько дней задержался в Валуйках.

С утра офицеры разбрелись по городу, раскинувшемуся на горе за рекой. Когда-то он служил крепостью против набегов татар, позже был свидетелем создания первых кораблей русского флота. В парке над обрывом до сих пор сохранялся домик Петра Великого. В предреволюционной России Валуйки сделались бойким уездным городком, в котором окружающие помещики сбывали хлеб и скот.

Богатые купцы и чиновники после долгого отсутствия возвращались в город. В честь Белой армии задавались банкеты и пышные балы. Подлинными виновниками этих праздников, боевые офицеры, давно ушли вперед, и все внимание жен и дочерей местной знати доставалось нам, следовавшим в тылу.

На балу в купеческом собрании все с восторгом следили за штабс-капитаном Ушаковым, блестяще танцевавшим мазурку. Его дама в нарядном светлом платье в стремительном беге под звяканье офицерских шпор оказывалась то в одном конце зала, то в другом. Польщенная всеобщим вниманием, вся пылающая от удовольствия, после танца она томно протянула руку для поцелуя. Публика просила, и оркестр еще и еще раз повторял мазурку специально для этой пары.

Совсем юная, но уже достаточно опытная в любви гимназисточка, жаловалась: ее вызвали в контрразведку белых и предъявили обвинение в связи с большевиками.

- А какая там связь? Целовались, обнимались... А что же мне делать? Вы беще дольше не шли!

Она прижималась ко мне и уверяла, что ей больше нравятся белые офицеры, чем красные командиры.

Но вот Столпянский и Алексеев восстановили путь и отремонтировали мосты. Не без сожаления покидали мы Валуйки. Оставался только Ушаков, который должен был контролировать работу железной дороги в тылу.

* * *

Конница Шкуро ушла далеко. Она находилась уже около Старого Оскола, а наш состав передвинулся всего километров на сорок и остановился. Впереди опять протянулся неисправный путь.

При станции Волоконовка раскинулось большое селение, но здесь нас никто не приветствовал, никто не искал с нами знакомства. Пусто было на улицах, пусто на перроне, ни души в офицерской столовой. Нина Митрофановна только что вернулась, - два месяца пробыла на курсах медицинских сестер в Кабардинке за Новороссийском, - но и она не спешила встретиться с нами.

Скучая, я забрел в купе Кореника. Он был намного старше меня, говорить с ним было всегда интересно:

- Смотри, Иван Иванович, мужики-то нас хуже принимают, чем купцы да чиновники.

- Знаю дело. Им же большевики бесплатно землю дали, а мы сейчас назад отбирать ее будем.

- А почему это Нина Митрофановна прячется от нас? И, кажется мне, у нее заплаканные глаза.

- Разве ты не знаешь, ведь бедняга Леонид Дмитриевич в Харькове триппер поймал, а вылететь до ее возвращения не успел. Видать, все обнаружилось, вот и плачет. - В окно было видно двух друзей, прогуливавшихся под морозящим дождем. Дымов убеждал в чем-то понуро опустившего голову Кочешкова. - Посмотри, Василий Елисеевич помирить их старается. Он и на этом деле хочет заработать, - ехидно добавил Кореник.

Только это происшествие и оживило несколько наше пребывание в Волоконовке.

* * *

Путь до Старого Оскола восстановили, но открывать движение поездов было нельзя. Кончилось топливо для паровозов. Яглов возмущался:

- Ведь все шахты Донецкого бассейна в наших руках, а угля не хватает! Что же будет, когда подойдем ближе к Москве? Что-то нам самим надо предпринимать. Отправляйся-ка, Гвоздь, заготовливать дрова в лесу.

- Надо много людей, Виталий Тимофеевич, инструмент, подводы... В роте же ничего этого нет.

- Возьми двух солдат, а все остальное найди в деревнях.

Непривычное задание представлялось мне очень трудным, почти невыполнимым, и перед отъездом я высказал командиру самые мрачные предположения. Но неожиданно все решилось просто. Крестьяне небольшой деревни, хоть и смотрели исподлобья, послушно взяли пилы и топоры, отправились в помещичью березовую рощу и дружно приступили к работе. Грузные дровами подводы в тот же день потянулись к железной дороге.

На ночь я расположился в полупустой нетопленной комнате барского дома. Она была заполнена художественно сделанными чучелами разнообразных птиц. Чувствовалось, что покинувший свой дом хозяин был большим любителем их. Когда стало темнеть, в комнату вошла помещица - пожилая скромная женщина, выглядевшая совсем не по-барски. Она принесла едва светящуюся маленькую керосиновую лампу и молча поставила ее на стол. Казалось странным, что помещица не только не рада принимать в гостях белого офицера, а скорее, наоборот, испугана. Только после моих расспросов, - где ее муж и как ей живется, - мы понемногу разговорились.

- Мы помещики небогатые, - рассказывала она, - с крестьянами жили в мире, и после революции они нам худого ничего не сделали, только за аренду земли платить перестали. А вот у соседей дом сожгли. Сейчас их сын, офицер, вернулся и всех крестьян перепорол, а двоих даже повесил. Не

надо бы так делать. Ведь мужики же не скотина, да и не будут они признавать ту власть, при которой их порют и вешают... Наши-то крестьяне вас тоже очень испугались, думали, пороть их будете.

Вот, почему, оказывается, так успешно шла у меня заготовка дров!

* * *

Состав подходил к Касторной. Навстречу попадались большие партии перешедших на сторону Белой армии красноармейцев. Это были недавно мобилизованные крестьяне в собственной бедной одежке. Они не хотели воевать ни на чьей стороне и уныло, без конвоиров шагали в тыл, озявшие и голодные. В поисках тепла и пищи они постепенно разбрелась по окрестным деревням.

В ненастный осенний день наш эшелон остановился наконец на узловой станции Касторная. По одну сторону железнодорожных путей был серый деревянный вокзальчик и небольшой поселок за ним, а по другую - далеко, до горизонта уходящее поблекшее поле.

* * *

Армии А.И.Деникина наступали. П.Н.Врангель занял Царицын и продвинулся далеко вверх по Волге. К.К.Мамонтов завладел Воронежом. Добровольческая армия победоносно шла прямо на Москву. Корниловский, Марковский и Дроздовский полки, развернутые в дивизии, рвались вперед за единую и неделимую Россию. Они составляли теперь гвардейский корпус, которым командовал коренастый и широкоскулый с короткой черной бородой генерал А.П.Кутепов. Его корпус завладел Орлом и вышел на подступы к Туле, главному арсеналу советских войск. Наводивший страх одним своим видом Кутепов уже объявил, что первым ворвется в Москву.

Увлеченный военными успехами, генерал Деникин не придавал большого значения тылу своих армий. А там, в это же самое время наблюдался полный «раздрай». По Тереку вольные горские племена не признавали Белой власти, и надо было держать военные заслоны, подкрепленные бронепоездами. Кубань хотела абсолютной самостоятельности, и чтобы удерживать ее в повиновении, пришлось повесить нескольких членов местной Рады. Донские казаки, освободившие свою область, не желали больше воевать и уехали домой. По Украине гуляли вооруженные националистические отряды, почти непрерывно наносящие мелкие удары тыловым частям деникинских войск. Штабные офицеры В.З.Май-Маевского вместе с московскими богачами, праздновавшими победу, безудержно кутили в ресторанах Харькова. Непомерно разросшиеся интендантские части Белых войск реквизировали у населения продовольствие и транспорт. Помещики, возвращаясь в свои имения, отбирали у крестьян скот и хлеб, взымали огромные денежные контрибуции за сожженные усадьбы. Действовали карательные отряды, допускался произвол, расстрелы без суда и следствия. Царила спекуляция, взвинчивались цены.

Используя недовольство населения, большевики умело направляли деятельность подпольных организаций. Под их влиянием переставали работать предприятия, останавливались заводы, затопливались шахты, расстраивался транспорт.

* * *

Командир роты вызвал меня к себе в вагон, плотно закрыл двери, не спеша сел, расправил усы и раздумчиво посмотрел на меня, как будто не зная с чего начать.

- Приходили сегодня ко мне Савичев и Звонарев. Говорят, что Осипов уговаривал солдат переходить на сторону красных, что он большевик и что его надо расстрелять.

Савичев и Звонарев - давнишние солдаты роты. Их прислали на пополнение, когда рота была еще на Дону. Под пулями чеченцев они восстанавливали разрушенную дорогу около Грозного, отстреливаясь от махновцев, ремонтировали Кичкасский мост на Днепре, - словом являлись самыми исполнительными солдатами, надежными, твердо настроенными против большевиков. Осипов же появился в роте недавно, когда мы стояли под Харьковом. Его направили к нам как хорошего специалиста. Это действительно был мастер на все руки - слесарь, токарь, машинист, среди массы солдат выделялся своей грамотностью, начитанностью. Он быстро завоевал авторитет среди солдат ротных мастерских, завел дружбу с солдатами ротной канцелярии и помогал им в работе. С офицерами держался почтительно, но как-то недружелюбно, иронически.

- Я сам давно замечаю, - продолжал Яглов, - что Осипов настроен плохо, но не придавал этому значения. Ну а сейчас не могу не принять меры, не могу не прислушаться к тому, что

говорят старые солдаты. Был в мастерских, расспрашивал. Похоже, что и впрямь он подбивал солдат переходить на сторону большевиков. Покута говорит, что ничего за ним не замечал, но ведь Лев Михайлович, знаешь, никогда ни о ком не скажет плохого. Я приказал арестовать Осипова. Сейчас он сидит в ротной канцелярии. А куда девать его на ночь, кто будет его караулить? Ведь его выпустят. Отправить в тыл? Это все равно, что просто отпустить. Ты же видишь, сколько бродит без всякой охраны сдавшихся в плен красноармейцев.

Капитан поднялся с места и стал нервно ходить по теплушке, а я никак не мог понять, к чему ведет этот пространный рассказ.

- Его действительно надо расстрелять. И сделать это придется тебе, Гвозды!

- Виталий Тимофеевич, да что вы! Я же не смогу!

- Сможешь. Стемнеет, выведи вон туда и застрели.

Яглов показал за окно на покрытое бурьяном унылое поле под низкими осенними тучами.

- Виталий Тимофеевич...

- Без разговоров, Гвозды! Я приказываю! Тебе же известно, что Сургиса нет. Иди!

Да, это так. Сургис, конечно, без лишних слов расстрелял бы Осипова. Сейчас Сургис уехал домой в отпуск. Но почему же, почему именно я должен расстрелять Осипова?

Один, с беспорядочными мыслями в голове, сидел я у себя в вагоне. Что делать? За годы войны мне приходилось, конечно, стрелять в неприятеля, но это случалось тогда, когда неприятель находился далеко, так что были видны только фигуры людей, а не их лица... И потом, это были турки, люди чужие, а сейчас надо стрелять в своего, русского, которого ты к тому же знаешь, стрелять в упор! Я пытался представить, как это можно сделать. Поставить Осипова лицом к себе? Нет, невозможно убить человека, когда он смотрит на тебя. Заставить его побежать и выстрелить ему в спину. Ну, так, пожалуй, еще можно.

А из чего стрелять? Свой офицерский «наган» я отдал казаку Семикаракорской станицы, у которого мы ночевали, пробираясь к Сашке. Оружие могло подвести меня тогда. Потом казак отказался вернуть мне револьвер, и с тех пор я постоянно ношу в кобуре у пояса старенький «Смит и Вессон». Я никогда не рисковал стрелять из него и не был уверен, что он в исправности. Надо будет взять карабин, что висит у меня над постелью. Из него я как-то на ходу поезда попал в сизоворонку, сидевшую на телеграфном проводе.

Я чувствовал себя скверно. Меня лихорадило. Стоя у окна, вглядывался в наступавшие сумерки, оценивал их... Пора! Я направился к вагону, где находился Осипов.

Двое солдат повели арестованного прямо от нашего состава в поле. Я шел в стороне с карабином в руках, часто оглядываясь назад, проверяя, не видно ли нас из окон вагонов. Редкие огни станции постепенно пропали. Кругом была плотная темень ненастного вечера.

- Иди вперед! - приказал я Осипову и остановился.

Солдаты тоже остановились. Осипов сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее шел дальше, повернув назад голову, и внимательно смотрел на меня, следя за каждым моим движением. Он отделился уже на такое расстояние, что можно было стрелять, но продолжал смотреть в мою сторону, и я не двигался. Вот он отошел еще, а я никак не мог решиться выстрелить, потому что он смотрел на меня. О! Скоро его совсем не будет видно! Медлить нельзя! Я вскинул карабин, не целясь выстрелил в сторону Осипова и с сильно бьющимся сердцем замер на месте. Осипова не было видно. В поисках тела шарил ногами в высоком бурьяне, чиркали спичками.

Не дожидаясь конца розысков, я ушел к себе в вагон, заперся и, совершенно подавленный, уткнулся в подушку. Я спал беспокойно, но долго, боясь вернуться к постыдной действительности.

Утром, при свете дня, поиски Осипова были продолжены.

- Он убежал, господин поручик! - доложил один из солдат, что вел Осипова на расстрел. Я ничего не ответил. Мне было немного стыдно перед солдатом за неумение метко стрелять, и в то же время я испытывал огромное облегчение от того, что Осипов остался жив. Яглов ни о чем меня не расспрашивал, но мне показалось, что он тоже был доволен, что Осипов не расстрелян.

* * *

Когда рота останавливалась на станции, близкой к фронту, бывало слышались разрывы артиллерийских снарядов, треск пулеметов, вокзал был забит вооруженными людьми и ранеными. Скучать в этих случаях не приходилось. Когда рота стояла на станции, удаленной от фронта, все наслаждались спокойной обстановкой и тоже не скучали: новые встречи, знакомства, а подчас и увлечения.

На станции Касторная мы не нашли ни того, ни другого - ни волнений фронта, ни покоя тыла, ни вооруженных людей, ни мирных жителей. И в поселке, и на вокзале было пусто, по-осеннему

неуютно. Все очень скучали и хотели скорее уйти на любое новое место. Мы спешили поэтому исправить путь и на север, до маленького старинного Ельца, уже занятого нашими войсками, и на восток, к большому губернскому Воронежу.

Проходили дни, а мы все оставались на безлюдной станции. Сначала возникло предположение, что наше наступление приостановлено временно. Позднее пошли слухи, что красная конница Буденного тенит конницу Шкуро. Стали поговаривать о том, что Воронеж опять занят Красной армией и будто бы даже Елец оставлен деникинскими частями. Приближение фронта чувствовалось по всему. На станции начали появляться самоуверенные кубанские казаки из «волчьей» дивизии генерала А.Г.Шкуро и скромные пехотинцы из полков генерала А.П.Постовского. Наконец наступил день, когда командир роты вызвал меня к себе в вагон и, несколько смущаясь, сообщил, что наша часть уходит назад в Старый Оскол. В Касторной же должны остаться только я как «начальник головного участка», прапорщик Алексеев и двенадцать солдат.

Мне было непонятно, почему Яглов смущен, объявляя об этом. Ведь обслуживать головной участок железной дороги при отступлении - обязанность очень тяжелая и опасная.

Пехота и конница отступят по любой дороге, а то и совсем без дорог, а мы можем передвигаться только по рельсам. И если противник успевает взорвать мост или испортить путь в нашем тылу, маленькой команде железнодорожников трудно бывает уйти от противника. Случалось и так, что наши боевые части просто забывали предупредить о своем уходе, и железнодорожники неожиданно для себя оказывались в плену.

* * *

Я приказал солдатам внимательно следить за тем, как ведут себя боевые части, не уходят ли они со станции, и заставил подцепить к нашей теплушке паровоз, чтобы можно было в любой момент тронуться в путь. Я перестал раздеваться и, отдыхая, в полудремоте, слышал все, что делалось вокруг. Потекли сутки за сутками полные нервного напряжения и растущей усталости.

Как-то вечером в комнату дежурного телеграфиста, где я сидел, ожидая разговора с Ягловым, вошел кубанец в волчьей шапке. Сбоку у него болталась кривая шашка в черных ножнах, в руке была нагайка. Небрежно отдав честь, он без тени почтительности сообщил:

- Его превосходительство генерал Шкуро требует Вас в штаб.

Накинув шинель, я пошел за ним через привокзальную площадь по замерзшим кочкам изъезженной грязи к небольшому домику, в котором светился огонь.

В плохо освещенной комнате, за столом, наклонившись над картой, сидел седой генерал. В стороне, у стены, стояло несколько офицеров. Небольшого роста коротко подстриженный человек быстро ходил из угла в угол. Он был в суконной гимнастерке, без пояса. На плечах военного я разглядел защитного цвета генеральские погоны. Ни к кому не обращаясь, он выкрикивал:

- У него все лошади подкованы! Как я могу вести бои на некованных конях, когда земля замерзла?!

Он внезапно остановился и вопросительно повернулся ко мне.

- Начальник головного железнодорожного участка, поручик Гвоздев! Честь имею явиться, господин генерал!

Шкуро снова разразился криком:

- Почему Вы задержали доставку фуража? Вы понимаете, что делаете? Я Вас под суд отдам!

Эрдели Иван Георгиевич (1870-1939), генерал от кавалерии, с июля 1919 г. командующий войсками на Северном Кавказе

Доставка четырех вагонов фуража, действительно, была мною задержана. Но в этом ли причина раздражения избалованного командира прославленной «волчьей» дивизии? Может быть, кубанский полковник Шкуро тяжело переживает поражения, наносимые донским вахмистром Буденным? А может быть, его, недавнего генерала, обозлило мое «господин генерал»? Уж очень все они любят быть «вашим превосходительством».

- У нас неттоплива для паровозов, господин генерал. Фураж был отправлен вместе с батальоном пехоты для подкрепления частей генерала Постовского. Если бы мы отправили фураж раньше, то не смогли бы доставить пехоту. И ведь задержка была всего на два часа.

- Что вы чепуху говорите! Вы срываете боевые операции. Я прикажу расстрелять Вас!

В глазах Шкуро появились опасные огоньки. В них была видна воля, жестокость и привычка повелевать. Не случайно он умел водить в лихие набеги кубанских казаков, никому кроме него не подчинявшихся. Я молчал и только легонько сдвинул с плеча шинель, заставляя заметить свой боевой орден.

- Сядьте, поручик, - предложил седой генерал, начальник штаба Эрдели, как я догадался. - За что Вы такой большой орден получили?

Его спокойный тон благотворно подействовал на командира дивизии. Шкуро замолчал и только продолжал нервно ходить по комнате. После расспросов, отпуская меня, начальник штаба сказал:

- Заходите сюда каждый вечер, поручик, для доклада и для получения распоряжений на следующий день.

- Я прошу Вас, господин генерал, в случае отступления своевременно предупредить меня, чтобы я мог вывести со станции подвижной состав и выехать сам.

Услышав слово «отступление», Шкуро снова разгорячился:

- Дайте мне подковы, я разгромлю Буденного!

И опять потянулись тревожные дни и ночи, не приносившие решительной победы ни той, ни другой стороне. Но теперь каждый вечер в штабе я узнавал фронтовые новости и был в курсе всех событий. Когда красную конницу удавалось отеснить от Касторной, А.Г.Шкуро бывал весел и разговорчив. Когда же она приближалась к станции, генерал становился мрачным и злым. Но на меня больше уже не кричал.

Пронеслась первая снежная буря, и ударил крепкий мороз. Вечером того дня Шкуро сказал мне:

- Завтра с утра эвакуируйте станцию и уезжайте сами. Только двигайтесь по железной дороге осторожно, путь может быть перерезан.

* * *

Паровоз с одним вагоном медленно продвигался на юг от Касторной. Бескрайняя белизна обильно выпавшего снега была особенно яркой в свете безветренного солнечного утра. Нарушая морозную тишину, колеса громко стучали на разошедшихся от стужи рельсовых стыках. Путь был исправен. В обе стороны, насколько охватывал глаз, никого не было видно. Приближалась станция, где находилась пехота Постовского, и встреча с неприятелем делалась все менее и менее вероятной.

Слева, поодаль, показалась небольшая деревня с вертикальными серыми дымками из труб, а поближе к железной дороге группа каких-то людей. Мы совсем замедлили ход, готовые, если понадобится, сейчас же остановиться, и взяли в руки винтовки. Нет, все благополучно: путь не поврежден, а люди, хоть и вооружены, но винтовки у них за плечами. Они махали руками, звали, показывая на что-то, скрытое от нас складкой местности. Мы остановились. Свои или большевики?

- Свои, - высказал предположение Алексеев. - У них что-то случилось. Надо помочь.

- Подожди, Валька. Посмотрим, что дальше будет.

Люди продолжали махать руками, убеждая прийти к ним.

- А чего ждать? Это свои.

Засунув в рукав револьвер, Алексеев выпрыгнул из теплушки и зашагал, утопая выше колен в рыхлом снегу. В коротком светлом полушубке, молодой и ловкий, он быстро приближался к зовущим его людям.

Все произошло мгновенно: ударили, повалили, стащили куда-то вниз, скрылись.

- Ах! - вздохом вырвалось у всех нас.

И опять морозная тишина. Только на белой пелене снега следы харьковского студента Вальки Алексеева, скромного, отзывчивого парня, готового каждому помочь в беде. Мы долго стояли на месте, не веря тому, что случилось на наших глазах. Все ждали, что это какая-то ошибка, что Алексеев вот-вот вернется к нам. Только тогда, когда далеко на окраине деревни появились ма-

ленькие фигурки вышедших из низины людей, мы тронулись дальше.

Весь день, а потом ночь и утро мы простояли на станции, ожидая какой-нибудь вести об Алексееве. Пожилая крестьянка, пришедшая из той деревни, сказала нам:

- Так то ж ихние партизаны. Они, изверги, полушубок и сапоги с него сняли, а самого в сарай заперли. Мороз-то смотри какой, он к утру и замерз, сердешный, - и неожиданно заплакала, - я сама смотрела, молоденький. жалко.

* * *

Мы сидели в кабинете начальника станции Старый Оскол. Я докладывал о положении на фронте, о гибели Алексеева, делился впечатлениями о Шкуро. Яглов, теребя усы, внимательно слушал.

- Ты почему его господином генералом называешь? Знаешь же, что генералов принято называть «ваше превосходительство»?

- Но ведь приказ Гучкова не отменен. А мне так больше нравится.

- Смотри, нарвешься когда-нибудь на неприятности, - капитан поднялся и заходил по комнате, как это он делал всегда, когда нервничал.

- Да, нас бьют. И поделом бьют. Ты посмотри, что здесь делается.

Он показал за окно на станционные пути, совершенно забитые товарными вагонами.

- Ведь это все интенданты. У каждой части, даже самой маленькой, свой состав, свои заготовители. Есть такие, у которых вагонов по сто, по двести. Без денег забирают продовольствие, фураж. Вообще все, что захотят. Буквально грабят население.

- В Касторной мне говорили, - вставил я, - что генерал Мамонтов из рейда по тылам прислал письмо: «Возвращаемся с ценными подарками». Выходит, и он грабил?

- А ты как думаешь? Казаки Мамонтова потому и вышли из тыла, что хотели награбленное имущество спасти. А какой произвол во всем, - продолжал Яглов, - кто что хочет, то и делает. Является ко мне корнет, этакий «жоржик» с романовской медалью на груди: «Дайте мне, господин капитан, команду солдат, мне надо крестьян усмирить». Вот мерзавец, усмиритель!

- Виталий Тимофеевич, черт с ними, с «жоржиками». Вы мне скажите, отступление наше кончилось или нет? - задал я наконец вопрос, беспокоивший меня больше всего. - Ведь мы уже километров на двести отошли.

- Я и сам ничего разобрать не могу. Говорят, людей на фронте нет. Вот, все они здесь: и прапорщики, и капитаны, и полковники. Даже один генерал есть, - с уже потухшей злобой закончил Яглов.

* * *

«Волчья» дивизия быстро отступала. Шкуро предупредил, что Старый Оскол через пять дней будет оставлен частями Белой армии. Необходимо было успеть вывести со станции бесчисленные интендантские составы.

- Пойдем, - предложил Яглов, - посчитаем, сколько вагонов на путях и сколько исправных паровозов в депо. Проведешь эвакуацию, а рота уже сегодня уйдет в Валуйки, - и, не давая мне возразить, добавил. - Знаю, знаю, что устал. Потом отдохнешь. Шкуро тебя очень хвалит. А оставь я кого другого... Он ведь и расстрелять может, если ему что-нибудь не понравится.

Десятки начальников эшелонов в высоких чинах толпились около меня. Каждый требовал отправить его состав в первую очередь. Некоторые с таинственным видом ссылались при этом на

Шкуро Андрей Григорьевич (1887-1947), генерал-лейтенант. Весной-осенью 1919 г. командир 2 Кубанской кавалерийской дивизии. 3 Кубанского корпуса Добровольческой армии

специальное распоряжение «самого Шкуро». Не обращая внимания на эти требования и не опасаясь грозного генерала, я отправлял состав за составом, ближайšie к выходным стрелкам, сцепляя вместе предельное количество вагонов, даже если они принадлежали разным воинским частям.

К вечеру четвертого дня на путях оставался только паровоз с единственным вагоном - моей теплушкой. Станция обезлюдела, притихла. И только время от времени через предохранительный клапан паровоза в морозный воздух с шумом прорывался белый пар. Я задерживал свой отъезд, ожидая генерала Шкуро. Посыльный из штаба сообщил, что «их превосходительство» желает уехать в вагоне. Меня угнетало наше поспешное отступление, и я был рад встрече с командующим, рассчитывая расспросить его о положении на фронте.

- Здравствуйте, Гвоздев! Верхом ехать не хочется, надоело. Возьмите нас в свой вагон.

Оба генерала и вестовой, с сумами через плечо, взобрались в теплушку.

Снегом перемело путь. Паровоз буксовал, приходилось останавливаться, вылезать из вагона и очищать рельсы. Однако задержки в пути не смущали генералов. Они устроились у солдатской тумбочки и с аппетитом завтракали, весело разговаривая между собой.

- Хотите водки, Гвоздев? Нет. Ну ешьте сало. Мы ведь с Вами до Нового Оскола поедем.

Как? Опять отступление почти на сто километров! Я с досадой смотрел, как легко переживали свой разгром эти командиры Белой армии, собиравшиеся взять Москву. Душа болела, кажется, у меня одного, и в какой-то момент я не выдержал:

- Когда же кончится наше отступление, господин генерал?

- Фронт держать некем, поручик! - с откровенностью признался Шкуро.

* * *

- Вы хорошо поработали в Касторной и Старом Осколе. Благодарю Вас, поручик Гвоздев! Принимайте Валуйки.

Штабс-капитан Ушаков был величествен в роли командира роты. Вызванному в Харьков Яглову далеко до него. Я едва держался на ногах от усталости, все тело мое подозрительно чесалось. Тон Ушакова меня злил.

- Николай Сергеевич! Я два месяца не раздевался, не спал, не был в бане. Разрешите мне отдохнуть.

- Здесь Вам будет легче. Комендантом станции я назначил прапорщика Сургиса. Он будет Вам хорошим помощником, ведь он человек энергичный.

- О! Если комендантом назначен Сургис, то я тем более не хочу быть здесь начальником головного участка. Капитан Яглов обещал мне отдых после эвакуации Старого Оскола.

- Но ведь некого же назначать!

- А почему Вы сами не возглавите головной участок, господин капитан? Вы руководили здесь работой, когда фронт был далеко. Почему же сейчас не хотите?

Штабс-капитан Ушаков обиженно поджал губы и замолчал.

(Продолжение следует)

ХРОНИКА

В сентябре 2000 г. в Сыктывкаре в издательстве Коми научного центра УрО РАН вышла в свет монография М.В.Таскаева «Небольшевистские партии и Белая армия в Коми крае (1917-1920 гг.)». Предметом исследования автора стала деятельность небольшевистских партий и политических обществ, история белогвардейских формирований, социально-хозяйственные мероприятия белых и земских органов власти в годы революции и Гражданской войны на примере коми национального региона. Материал для книги М.В.Таскаев по крупицам собирал в течение десяти лет в разных архивах, музеях и библиотеках России. Работа состоит из двух частей. В первой из них автор предпринял попытку реконструкции деятельности коми небольшевистских партийных организаций, выявил их численность, социальный состав, лидеров. Вторая часть монографии посвящена белогвардейским подразделениям. Автор не ставил перед собой задачи освещения хода военных действий. Им изучены кадровый состав, дислокация, численность трех стрелковых полков Северного фронта белых (1 Мезенского, 10 Печерского и 14 Вычегодского) и Отдельного Сибирского Печерского полка Восточного фронта. В монографии вскрываются особенности антибольшевистского движения в Коми крае, выразившиеся в слабости местных небольшевистских политических объединений, их оторванности от центра, отказе крестьянства от активной политической борьбы и формирования у населения относительно равнодушного отношения как к судьбам Белой, так и красной власти.

* * *

В Москве в издательстве местного государственного университета сервиса вышла в свет монография В.Ф.Ершова «Российское военно-политическое Зарубежье в 1918-1945 гг.». Автор подчеркивает, что специфика темы заключается в том, что российское военно-политическое Зарубежье являлось в рассматриваемый период феноменом существования зарубежной России как альтернативного пути развития страны. Оно создало систему административных, политических и военных структур в условиях эмиграции, предполагая в дальнейшем распространить их действие на территорию бывшего СССР. При разработке проблемы В.Ф.Ершов учитывает менталитет российской военной эмиграции 1920-1945х гг., ее организационные особенности, комплекс политических взглядов. Он подчеркивает, что в отличие от других категорий российской эмиграции - экономической, культурной, политической, - военная эмиграция принимала активное участие в вооруженной борьбе против большевистского режима и претендовала на то, чтобы возобновить ее в 1930е гг. В монографии исследуются политические настроения военной эмиграции, выявляются особенности проявления пораженчества и оборончества в ее среде, выделяется проблема создания военными эмигрантами «первой волны» собственных вооруженных формирований в Испании, Финляндии и на Дальнем Востоке, анализируется опыт их использования в «горячих точках» во второй половине 1930-1945 гг. В работе определяются центробежные и центроостремительные тенденции в мире российского военно-политического Зарубежья, того, что размывало, разрушало военную эмиграцию, и того, что, наоборот, консолидировало и сплачивало ее. **Монография легла в основу докторской диссертации, успешно защищенной автором** на заседании диссертационного совета по историческим наукам при Московском государственном университете сервиса в сентябре 2000 г.

* * *

В декабре 2000 г. в Челябинске на заседании диссертационного совета по историческим наукам при местном государственном университете **Е.В.Волковым успешно защищена кандидатская диссертация на тему «Офицерский корпус Вооруженных сил адмирала А.В.Колчака»**. В своем исследовании автор выявил источники комплектования офицерского корпуса; опреде-

лил количественный, национальный, социальный состав колчаковских офицеров; проанализировал уровень подготовки командных кадров; рассмотрел самосознание и политические взгляды офицерства; показал благосостояние и быт командного состава армий; раскрыл роль офицерского корпуса и Гражданской войне на востоке России и основные факторы, способствовавшие его неустойчивости. В заключение работы Е.В.Волков подчеркнул, что «наступление нового периода в истории нашей страны могло начаться не под коммунистическими лозунгами. Победа большевиков не была строго закономерна. Как показали события нового смутного времени начала XX века, общество, в большинстве своем продемонстрировало неготовность воспринять либеральные идеи и сразу перейти на путь демократии. Для этого, видимо, требовался определенный переходный период, который диктовался временем в форме авторитарной диктатуры до установления стабильности в обществе и созыва Учредительного собрания. Именно такой вариант предлагали руководители Белого движения. Но в противоборстве с Красной армией они оказались побежденными. Поражение сторонников Белого дела не прошло бесследно, оно имело далеко идущие последствия и способствовало краху идеи «мировой революции». Понеся большие потери на внутренних фронтах и будучи остановленными польскими войсками под Варшавой, руководители большевиков вынуждены были на долгое время отказаться от экспансии коммунистических идей в другие страны с помощью оружия».

* * *

В Хабаровском краевом краеведческом музее им. Н.И.Гродекова вышел в свет **сборник научных статей «Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.)»**. Книга затрагивает широкий спектр вопросов, рассматривает многие спорные проблемы: движение автономистов в Сибири в 1917-1918 гг.; казачий сепаратизм и атаманщину; историю создания Дальневосточной республики, ее роль в борьбе с военной интервенцией. Весьма актуально изучение вопроса о судьбе российского золота, ушедшего за рубеж в годы Смуты. Авторы сборника вновь пытаются выяснить, что двигало людьми, что заставляло их идти на Гражданскую войну, сжигать селения, мучить друг друга, проливать кровь невинных. Издание является специальной попыткой Хабаровского краеведческого музея объединить авторов (сотрудников музея и членов его ученого совета) для изложения своих взглядов по названным проблемам.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРАХ

АБИНЯКИН Роман Михайлович, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории России Орловского государственного университета, автор 20 публикаций по истории Добровольческой армии.

ВОЛКОВ Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры отечественной истории и культуры Южно-Уральского государственного университета (Челябинск), автор монографии и ряда публикаций по истории офицерского корпуса вооруженных сил адмирала А.В.Колчака.

ГВОЗДЕВ Влас Семенович, участник Белого движения на юге России, подпоручик, инженер-мелиоратор, кандидат технических наук, создатель научно-исследовательского института комплексного использования и охраны водных ресурсов Урала (Екатеринбург).

ГЛЕЗЕРОВ Сергей Евгеньевич, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета культуры, занимается изучением издательского дела Белого движения на Северо-Западе России, автор ряда публикаций по теме, а также по истории Санкт-Петербурга.

ДОРОНИН Юрий Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Волгоградского юридического института МВД РФ, занимается историей воздушного флота Белых армий в годы Гражданской войны, автор многих научных работ.

ДРОКОВ Сергей Владимирович, кандидат исторических наук (Москва), исследователь личности А.В.Колчака, автор многих научных публикаций по истории Гражданской войны в Сибири.

КОСТОГРЫЗОВ Павел Игоревич, старший преподаватель кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург), занимается изучением истории антибольшевистского движения на Урале в 1917-1918 гг., автор 10 научных публикаций.

КРУЧИНИН Александр Михайлович, инженер-технолог Свердловской железной дороги, председатель Екатеринбургского военно-исторического клуба «Горный щит», занимается историей Русской армии первой трети XX в., автор многих научных публикаций и монографии.

НЕУЙМИН Николай Борисович, юрист (Екатеринбург), коллекционер, занимается изучением истории Русской армии конца XIX - начала XX вв.

НОВИКОВ Павел Александрович, аспирант Иркутского государственного технического университета, автор нескольких научных публикаций по истории антибольшевистской борьбы в Восточной Сибири.

ПЕРМИНОВ Вадим Васильевич, горный инженер, кандидат технических наук (Чита), специалист по бурению геологоразведочных скважин, занимается изучением и публикацией материалов по истории Забайкальского казачьего войска и восточной ветви российской эмиграции.

ПОСАДСКИЙ Антон Викторович, кандидат исторических наук, доцент Поволжской академии государственной службы (Саратов), изучает историю правоохранительных органов Белого движения, автор ряда научных публикаций.

СМИРНОВ Сергей Викторович, аспирант кафедры всеобщей истории исторического факультета Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург), занимается изучением проблем, связанных с историей российской эмиграции в Китае.

ТЕЙВАНЕ-МАТВЕЕВА Клара Антоновна, педагог, пенсионерка, прихожанка костела Св.Анны (Екатеринбург).

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3

НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Добровольческая кампания в русской армии 1917 г.: некоторые документы. Публикация Абинякина Р.М.	5
Костогрызлов П.И. «Дутовщина» без Дутова: антибольшевистская борьба оренбургских казаков в апреле-июне 1918 г.	11
Доронин Ю.П. Авиация Северо-Западной армии в годы Гражданской войны	22

В БЕЛОМ ТЫЛУ

«Реальная» политика Временного Сибирского правительства. Публикация Дрокова С.В.	29
Посадский А.В. Из истории Саратовской губернской бригады Государственной стражи (окончание)	42
Глезеров С.Е. Издательское дело Белого движения на Северо-Западе России. 1918-1920 гг. (окончание)	50

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Генерал Р.К.Бангерский: материалы к истории Гражданской войны на востоке России. Перевод с латышского Тейване-Матвеевой К.А. Публикация Кручинина А.М.	71
Перминов В.В. Арестатамана	82

НА СЛУЖБЕ РОДИНЕ

Генерал Сергей Николаевич Войцеховский: Новиков П.А. Прямой и честный путь русского офицера	87
Волков Е.В. Дневник С.Н.Войцеховского: новые штрихи к выступлению чехословацкого корпуса в мае 1918 г.	90
Приложения к биографии. Публикация Неуймина Н.Б., Кручинина А.М., Петрова А.А.	94
Смирнов С.В. Чтобы помнили...: судьбы неизвестных офицеров Белой армии (продолжение)	100

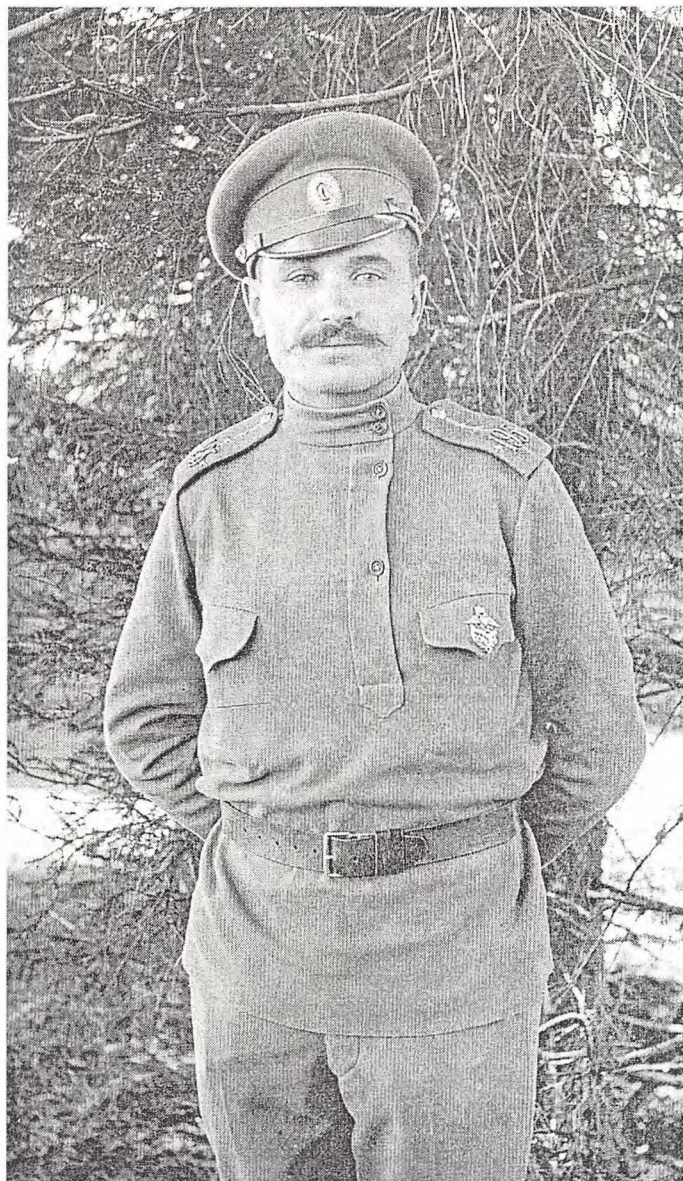
МЕМУАРЫ

Гвоздев В.С. Трудное начало: воспоминания (продолжение)	106
Хроника	28, 86, 105, 117
Несколько слов об авторах	119

БЕЛАЯ АРМИЯ. БЕЛОЕ ДЕЛО. Исторический научно-популярный альманах № 9.
Ответственный редактор Дмитриева Т.В.
Компьютерная верстка Прякина Н.Н., Фишев И.Н.

Подписано в печать 25.06.2001. Формат бумаги 70x108 1/16.
Бумага книжно-журнальная. Офсет. Усл. печ. листов 16,0. Тираж 800 экз. Заказ № 184.
Отпечатано ООО «Издательство УМЦ УПИ». 620002, г.Екатеринбург, ул.Мира, 17.

ЗАБЫТАЯ ФОТОГРАФИЯ

Штабе-капитан Рожко Петр Карпович (1885-1930)
в лесу под г.Молодечно. 13 марта 1919 г. 27 Камышловско-Орвайский полк
горных стрелков подполковника П.К.Рожко захватил неповрежденным
железнодорожный мост через р.Белая в Уфе, за что 19.05.1919 г. П.К.Рожко
был произведен в полковники. *Фото стреля 1916 г.*

